ББК 84.4 Фр.Б
С89

Перевод М. АРХАНГЕЛЬСКОЙ и В. ОРЛОВА
Редакторы С. БЕЛОВ и М. СЕМЧЕНКОВА
Художник А. КОРОТИЧ

Пьер Сувестр и Марсель Аллен. Фантомас: Роман. Ста-
С89 нислас-Андре Стиман. Приговоренный умирает в пять:
Повесть. Пер. с франц. — М.: Радуга, 1990. — 336 с.

Юристы по образованию, связавшие свою судьбу с журналистикой, Пьер Сувестр (1874–1914) и Марсель Аллен (1885–1969) являются авторами знаменитой серии романов о "неуловимом Фантомасе". В сборник включен первый роман цикла. В издание вошла также повесть признанного мастера детективного жанра бельгийского писателя С.-А. Стимана (1907–1970) – "Приговоренный умирает в пять" (1970).

С $\frac{4703000000 - 512}{030\,(01) - 90}$ Без объявления

Pierre Souvestre et Marcel Allain

Fantômas

1911

Перевод *Марии Архангельской* (гл. I–XV) и *Валерия Орлова* (гл. XVI–XXXIII)

Редактор *М. Семченкова*

I

I

ГЕНИАЛЬНЫЙ ЗЛОДЕЙ

— Фантомас!
— Как вы сказали?
— Фантомас!
— А что это значит?
— Ничего... и очень многое!
— Но кто это все-таки такой?
— Никто и вместе с тем всё!
— И чем же он занимается?
— Он сеет ужас!!!

Обед завершился, и гости перешли в салон.

Издавна повелось, что маркиза де Лангрюн, владелица замка Болье, расположенного в живописной долине реки Дордони, на границе департаментов Ло и Коррез, во время ежегодных продолжительных наездов в свои владения, дабы не скучать в одиночестве и не растерять давние связи, звала по средам к обеду знакомых и друзей, живших по соседству.

В ту среду гостями маркизы оказались бывший председатель суда Бонне, который жил теперь в маленьком поместье в окрестностях Брива, неподалеку от Сен-Жори, аббат Сико, приходский священник, один из завсегдатаев замка, а также баронесса де Вибре, не такая уж частая здесь гостья, богатая и независимая молодая вдова, обожавшая путешествия и большую часть времени проводившая в автомобиле. Молодое

поколение было представлено Шарлем Рамбером, весьма обаятельным восемнадцатилетним юношей, который приехал в замок накануне и с которым маркиза обращалась с большой нежностью, и внучкой госпожи де Лангрюн, Терезой Овернуа, которой после смерти ее родителей маркиза заменила мать.

В том, что говорил судья Бонне, было столько странного и таинственного, что все собравшиеся невольно заинтересовались этим загадочным Фантомасом, о котором судья так и не сказал ничего определенного. Поэтому, пока юная Тереза Овернуа подавала гостям кофе, судью буквально засыпали вопросами. Он не заставил себя долго упрашивать.

– Давайте мы с вами, господа, обратимся к статистике, – заговорил он. – Она утверждает, что не менее трети всех регистрируемых ежедневно смертей происходит в результате преступлений. Вам, наверное, не хуже меня известно, что полиция раскрывает приблизительно половину всех совершаемых преступлений, а правосудие в свою очередь карает в лучшем случае половину их виновников.

– Интересно, куда это вы клоните? – полюбопытствовала маркиза де Лангрюн.

– А вот куда, – продолжал судья. – Хотя большая часть преступлений и остаются нераскрытыми, о них вместе с тем забывать нельзя, и если одни из них совершены самыми обычными преступниками, то за другими скрываются загадочные личности, их трудно обнаружить: они либо слишком ловки, либо слишком умны, чтобы попасться в ловушку. Летописи и архивы свидетельствуют о таких страшных злодеях, как Железная Маска, Калиостро. Почему же в наше время не может быть им подобных?

– Теперь полиция стала намного опытнее, – раздался тихий голос аббата Сико.

– Несомненно, – согласился судья, – но и задачи у нее намного сложнее! У теперешних бандитов столько средств для осуществления своих преступных замыслов, ведь наука, которая двигает вперед прогресс, может, к сожалению, стать истинной сообщницей преступников. Следовательно, шансы с обеих сторон равны!

Молодой Шарль Рамбер с величайшим вниманием слушал судью.

– И именно поэтому вы упомянули о Фантомасе? – подхватил он с волнением в голосе.

– Вы правильно меня поняли, как раз его я и имею в виду. Вот видите, и наша эпоха отмечена существованием таинст-

венного и ужасного преступника, которого доведенные до отчаяния власти и простой люд окрестили Фантомасом! Фантомас!.. Никто толком не знает, кто он такой, и выяснить это нет никакой возможности. Фантомас! Он способен принять облик определенного, более того, даже известного человека, а потом вдруг предстать в двух разных лицах одновременно! Фантомас! Его нет нигде, но он повсюду. Тень его витает над самыми удивительными тайнами, его след обнаруживают там, где совершаются самые необъяснимые преступления, и при этом...

– Дети мои, – прервала судью маркиза де Лангрюн, обращаясь к Шарлю и Терезе, – вам, наверное, скучно с нами, стариками. Отпускаю вас на волю. Тереза, – улыбнулась она своей внучке, которая послушно поднялась со стула, – в библиотеке на столе лежит увлекательная головоломка, попробуйте вместе с Шарлем решить ее.

Баронесса де Вибре вновь повернула разговор к Фантомасу:

– И все же, судья, я не понимаю, какое отношение имеет этот ужасный Фантомас к исчезновению лорда Белсома? К сожалению, мы, женщины, слишком хорошо знаем мужчин: от них можно ждать чего угодно. Скорее всего, он просто сбежал.

– Сомневаюсь, баронесса, очень сомневаюсь... Разумеется, я был бы полностью согласен с вами, если бы исчезновению лорда Белсома не сопутствовало одно весьма таинственное обстоятельство. Как раз о нем упоминается в статье газеты "Капиталь", отрывки из которой я вам только что читал. Дело в том, что, когда леди Белсом обеспокоилась отсутствием своего супруга, а спохватилась она утром следующего дня, она припомнила, что перед самым уходом из дома муж ее читал какое-то письмо необычной квадратной формы. Леди Белсом вспомнила и то, что письмо это было написано черными чернилами, крупным почерком. Она и в самом деле нашла его потом на столе у мужа, но только все написанное исчезло со страницы. Лишь тщательнейшим образом осмотрев лист, она смогла обнаружить едва заметные следы, подтверждавшие, что именно этот документ держал в руках ее супруг. Леди Белсом не придала бы значения всей этой истории, если бы газета "Капиталь" не обратилась за разъяснениями к Жюву, знаменитому инспектору сыскной полиции, которому не раз удавалось задерживать самых опасных преступников. Так вот, история с письмом сильно насторожила Жюва. Он

заявил, что при таких загадочных случаях мысли его всегда обращаются к Фантомасу.

Теперь уже все присутствующие без исключения находились под впечатлением рассказа судьи Бонне, а от последних его слов им прямо-таки стало не по себе. Маркиза де Лангрюн сочла необходимым отвлечь своих гостей от основной темы разговора:

– А кто это такие, лорд и леди Белсом?

– Ах, дорогой друг, сразу видно, что парижские сплетни к вам долетают очень редко, – сказала баронесса де Вибре. – Лорд и леди Белсом люди весьма известные. Лорд Белсом в прошлом атташе английского посольства в Париже, затем он принимал участие в англо-бурской войне, жена сопровождала его и на полях сражений явила собой пример мужества и милосердия, организовав полевой госпиталь и посвятив себя заботам о раненых. Впоследствии лорд и леди Белсом вернулись в Лондон, а затем окончательно поселились в Париже.

Они жили и живут до сих пор на бульваре Инкерман в Нейи-сюр-Сен, в прелестном особняке, где часто устраивают приемы, и бывать у них – одно удовольствие. Я сама неоднократно была в числе их гостей; леди Белсом весьма привлекательная женщина, высокая, изящная блондинка, ей присуще особое обаяние северянок.

Пробило десять вечера.

– Тереза, – позвала внучку маркиза де Лангрюн, которая за обязанностями хозяйки дома не забывала и об обязанностях бабушки. – Тереза, деточка, пора спать... Уже поздно, милочка...

Девушка покорно оставила игру, пожелала спокойной ночи баронессе де Вибре, судье Бонне и старому кюре, который обратился к ней по-отечески:

– Надеюсь увидеть тебя на утренней службе, Тереза.

– Бабушка, – сказала девушка маркизе, – я хотела просить вас отпустить меня завтра утром вместе с Шарлем на вокзал, а в церковь я успею к восьми часам...

Маркиза де Лангрюн повернулась к Шарлю Рамберу:

– Поезд, с которым приезжает ваш отец, прибывает в Веррьер без пяти семь, не так ли, друг мой?

– Да.

Маркиза де Лангрюн немного помедлила.

– А может, вам лучше одному встретить отца?

Но Шарль Рамбер запротестовал:

– О, я уверен, что отец будет рад увидеть на вокзале не только меня, но и Терезу.

– Что ж, будь по-вашему, дети мои, – согласно кивнула маркиза. – Тереза, не забудь предупредить нашего управляющего Доллона, чтобы он распорядился подготовить карету к шести часам утра, до вокзала путь все же неблизкий...

– Хорошо, бабушка...

Тереза с Шарлем вышли из гостиной.

– Кто этот молодой человек, Шарль Рамбер? – полюбопытствовал кюре. – Вчера мы с Доллоном встречали его, и, признаюсь, сколько я ни ломал себе голову, я так его и не вспомнил...

– И неудивительно, – смеясь, отозвалась маркиза. – Как вы могли его вспомнить, дорогой мой кюре, если вы никогда не были с ним знакомы? Разве что когда-нибудь слышали от меня имя некоего Этьенна Рамбера, моего старого друга. Я давно потеряла его из виду, но вот не так давно мы встретились в Париже на благотворительном празднике. Бедняга, сколько ему довелось пережить! Двадцать лет назад он женился на очаровательной девушке, но она оказалась больна, больна тяжело, боюсь, что она просто сумасшедшая... И недавно Этьенну Рамберу пришлось поместить ее в нервную клинику...

– Однако все это никак не объясняет нам, почему его сын оказался вашим гостем, – сказал судья Бонне.

– Видите ли, Шарль Рамбер только что покинул семейный пансион в Гамбурге, где он совершенствовал свой немецкий; из писем Этьенна Рамбера я узнала, что госпожу Рамбер поместили в клинику, а сам он вынужден отлучиться из Парижа, потому я и предложила: пусть Шарль поживет у меня в Болье, пока его отец не вернется в Париж. И вот уже второй день как Шарль здесь.

– А Этьенн Рамбер приезжает завтра? – спросил кюре.

– Да-да, видите ли...

Маркиза де Лангрюн хотела было сообщить еще какие-то подробности о своем молодом госте, но в этот момент он сам появился на пороге салона. Все разом замолчали. Шарль Рамбер с юношеской неловкостью приблизился к собравшимся, остановился возле судьи Бонне и неожиданно выпалил:

– Так что же дальше?

– Вы о чем, молодой человек?.. – переспросил судья.

– Как, разве вы больше не говорили о Фантомасе? Это ведь так увлекательно.

– По правде говоря, я совсем не нахожу все это таким уж, как вы изволили выразиться, увлекательным, – заметил судья довольно сухо.

Но молодой человек, не обратив внимания на укоризненный тон судьи, продолжал:

– А по-моему, ничего более увлекательного и быть не может! Оказывается, в наше время живет такой таинственный злодей, как Фантомас! Невероятно, один человек – и совершил столько злодеяний, и ведь никто не может его поймать, чего только не придумывает полиция – и все напрасно. Как ему все это удается? По-моему, это просто...

– Молодой человек, я вас не понимаю, – холодно перебил его судья. – Вы говорите так пылко, так взволнованно... – И, повернувшись к аббату Сико, он добавил: – Вот видите, господин кюре, к чему ведет современное образование и какое умонастроение формируется нашей прессой.

– Но, господин судья, – не унимался Шарль, – ведь здесь столько сильного, яркого, столько борьбы, страстей!..

Даже снисходительная маркиза де Лангрюн перестала улыбаться.

Шарль Рамбер понял, что зашел слишком далеко, и разом осекся.

– Извините меня, – пробормотал он, – я, кажется, наговорил бог знает чего.

Шарль так огорчился, что судья счел нужным успокоить его:

– У вас богатая фантазия, молодой человек, слишком богатая... но это пройдет, не огорчайтесь, молодежь часто говорит не думая.

Время было позднее, и сразу же после этой небольшой размолвки гости маркизы де Лангрюн стали прощаться.

Шарль Рамбер проводил маркизу до ее спальни и хотел уже, почтительно попрощавшись с ней, удалиться в свою комнату, которая была по соседству, но маркиза пригласила его к себе:

– Зайдите, Шарль, возьмите книгу, которую я вам обещала, она лежит на моем секретере.

Войдя в комнату, маркиза де Лангрюн мельком взглянула на секретер и тут же поправилась:

– Ах нет, я, видно, забыла ее вынуть.

– Мне бы не хотелось беспокоить вас, – извиняющимся тоном сказал молодой человек.

– Подождите, подождите, – настаивала маркиза. – Я все равно собиралась отпереть секретер, заодно проверю и лотерейные билеты, мой подарок Терезе. Вы только представьте себе, Шарль, – продолжала маркиза де Лангрюн, открывая свой изящный, в стиле ампир секретер, – как будет замечательно, если моей маленькой Терезе повезет!..

– В самом деле, – улыбнулся Шарль Рамбер.

Маркиза нашла книгу и протянула ее юноше. А сама стала перебирать какие-то бумаги.

– Вот они, мои билеты! – воскликнула она. – Господи! Какая же я глупая, ведь я видела номер выигравшего билета в "Капиталь" и не запомнила его.

– Позвольте, дорогая маркиза, я сейчас же принесу газету, – предложил Шарль.

– Нет-нет, мой мальчик, вы ее не найдете: кюре по средам обычно забирает газеты за неделю. Но ничего, завтра мы все выясним.

Шарль Рамбер лежал у себя в комнате с потушенным светом и закрытыми шторами, но заснуть не мог – он был охвачен каким-то странным волнением. И беспрестанно ворочался на постели.

Если временами ему и удавалось забыться, его тут же начинал преследовать постоянно меняющийся образ Фантомаса: то ему представлялся великан со звериным лицом и могучими плечами, то какое-то бледное, худое существо с горящими глазами, то что-то неопределенное, фантом... Фантомас!

II

ТРАГЕДИЯ НА РАССВЕТЕ

Когда фиакр, проехав по мосту Руаяль, свернул на набережную и покатил в сторону вокзала Орсэ, Этьенн Рамбер вынул часы и удостоверился, что до поезда, как он и предполагал, ему остается добрая четверть часа. Выйдя из фиакра, он подозвал носильщика и поручил ему свой багаж: тяжелый чемодан и плед.

– Скажите, друг мой, где тут поезд на Люшон?

Носильщик промычал что-то невнятное и неопределенно махнул рукой. Потом он все-таки назвал номер пути, но это никак не могло удовлетворить нашего путешественника.

– Идите вперед, – сказал он, – и покажите мне дорогу.

Было полдевятого вечера, и на вокзале Орсэ царило обычное для этого времени оживление: отправлялись поезда дальнего следования. Стараясь не отстать от носильщика, который шел с вещами впереди, Этьенн Рамбер ускорил шаг.

Выйдя на перрон, к железнодорожным путям, носильщик обернулся:

– Вы едете на скором, сударь?

– Нет, друг мой, на пассажирском.

Не выказав удивления, носильщик спросил:

– Какой вагон вы предпочитаете: головной или в хвосте поезда?

– Пожалуй, в хвосте...

– Первым классом, не так ли?

– Да, первым.

Носильщик, передохнув минутку, вновь взялся за тяжелый чемодан.

– Тогда выбирать не приходится, – заметил он, – в пассажирском только два вагона первого класса, и они в середине состава.

– Надеюсь, это вагоны с коридором?

– Да, в поездах дальнего следования теперь почти не бывает старых вагонов, тем более в первом классе.

Во все нарастающей сутолоке Этьенн Рамбер с трудом поспевал за своим носильщиком. Вокзал Орсэ сильно отличается от других парижских вокзалов. Поезда дальнего следования здесь никак не отделены от пригородных. И потому у одной и той же платформы справа стоял поезд, который должен был доставить Этьенна Рамбера через Брив до Веррьера, а слева – обычный пригородный до Жювизи. Народу на люшонский поезд было очень мало, зато многочисленная толпа осаждала пригородный. Носильщик, сопровождавший Этьенна Рамбера, опустил доверенный ему багаж на подножку вагона первого класса.

– В пассажирском еще никого, сударь, – заметил он, – если вы зайдете первым, то сможете выбрать себе любое купе...

Этьенн Рамбер последовал его совету, и, как только он вошел в вагон, к нему устремился проводник, почуяв хорошие чаевые.

– Вы действительно хотите ехать поездом в восемь пятьдесят? Вы в этом уверены? – прежде всего спросил он.

– Да, а в чем дело? – удивился Этьенн Рамбер.

– Видите ли, у нас на Люшон с разницей в пять минут от-

ходят два поезда: в восемь сорок пять и в восемь пятьдесят, пассажиры часто их путают.

— Тот, что в восемь сорок пять, — это скорый, не так ли? — спросил Рамбер.

— Да, экспресс; он останавливается только на больших станциях... и отправляется на пять минут раньше, а в Люшон прибывает раньше на три часа... вон он стоит на соседнем пути. Кстати, вы вполне можете ехать скорым, еще успеете пересесть, у вас билет первого класса, вы имеете право выбирать.

Но Этьенн Рамбер отклонил это предложение:

— Нет-нет, я поеду пассажирским. Мне ведь нужно в Веррьер, скорый там не останавливается, а если выйти в Бриве, придется как-то добираться двадцать километров...

Он прошелся по коридору и, убедившись, что вагон совершенно пуст, обратился к проводнику:

— Я очень устал, друг мой, и мне бы хотелось как следует выспаться... Вы не посоветуете, как мне лучше устроиться, чтобы меня не беспокоили?

Проводник понял его с полуслова: обращаясь к нему за подобным советом, Этьенн Рамбер, по сути дела, просто обещал ему хорошую мзду, если тот сумеет оставить его в купе одного.

— Пожалуйста, располагайтесь вот в этом купе, сударь, — отвечал проводник, — поскорее опустите шторы, а я постараюсь не подсаживать к вам других пассажиров.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Рамбер, направляясь к указанному купе. — Пока поезд не отошел, я успею выкурить сигару, а потом сразу лягу спать. Да, друг мой, раз уж вы так любезны, сделайте милость, разбудите меня завтра утром перед Веррьером, сон у меня крепкий, боюсь, как бы мне не проспать.

. . . . . .

*

В замке Болье молодой Шарль Рамбер заканчивал свой туалет, когда в дверь его комнаты тихонько постучали.

— Шарль, уже без четверти пять!.. Скорее вставайте!..

— Я давно проснулся, Тереза, — с гордостью в голосе откликнулся Шарль. — И через две минуты буду готов.

— Вы встали? Не может этого быть! — комментировал девичий голосок за дверью. — Вот удивительно, примите мои

поздравления! Как только будете готовы, спускайтесь вниз.

– Договорились! – отвечал юноша.

Кончив одеваться, он взял в одну руку лампу, осторожно, стараясь не шуметь, открыл дверь комнаты, на цыпочках пересек коридор и, спустившись по лестнице, вошел в столовую, где его ждала Тереза.

Девушка в ожидании молодого человека, как истинная хозяйка, успела приготовить завтрак.

– Давайте поедим побыстрее, тогда мы успеем, если вы не против, пройтись до вокзала пешком, – предложила она. – Дождь перестал, и мы прекрасно прогуляемся.

– По крайней мере согреемся, – отвечал Шарль. Еще полусонный, он уселся рядом с Терезой и воздал должное приготовленному ею завтраку.

– Вы меня так удивили, поднялись с такой точностью, – говорила внучка маркизы де Лангрюн. – Как вам это удалось? А еще жаловались вечером, что не сможете проснуться вовремя!

– Если честно, я так нервничал, Тереза, так волновался, что утром увижу отца... что почти не спал!

Они закончили завтрак. Тереза поднялась первой.

– Ну что, пошли?

– Пошли...

Девушка открыла входную дверь, и молодые люди спустились с крыльца в сад.

Проходя мимо конюшен, они встретили конюха: он как раз вывозил из-под навеса старинную двухместную карету.

– Доброе утро, Жан, вы можете не спешить, – крикнула ему Тереза, – мы пройдемся пешком до вокзала, главное – привезите нас обратно.

Конюх согласно кивнул. Молодые люди вышли за ворота замка и оказались на проезжей дороге.

– Должно быть, вам не терпится поскорее встретиться с отцом? – спросила внучка маркизы де Лангрюн. – Вы ведь давно с ним не виделись?

– За последние три года мы виделись мельком, по нескольку минут, – отвечал Шарль Рамбер. – Сейчас он возвращается из Америки, а до этого долго был в Испании.

– В таком случае ваш отец, наверное, с трудом узнает вас!

– Мне грустно это говорить, – отвечал молодой человек, – но мы с отцом почти чужие...

– Да-да, бабушка рассказывала, что вас растила мать.

Шарль грустно покачал головой:

– По правде говоря, Тереза, меня никто не растил. Даже в воспоминаниях детства родители всегда представляются мне чужестранцами, которых я очень любил, но видел лишь изредка, и они внушали мне страх... Так что сегодня мне как бы предстоит познакомиться с собственным отцом.

– Когда вы были маленьким, он постоянно находился в разъездах?

– Да, то он ездил в Колумбию, где у него каучуковые плантации, то в Испанию – там у него тоже много земель... Когда он оказывался в Париже, то заезжал в пансион, вызывал меня, и я виделся с ним в приемной... ну, с четверть часа...

– А ваша матушка?

– О, мама, с мамой все было по-другому! Знаете, Тереза, все мое детство, по крайней мере сколько я себя помню, я всегда жил в пансионе.

– Но вы все же любили вашу матушку?

– Да, конечно, – отвечал Шарль Рамбер, – но и ее тоже я, честно говоря, совсем не знал...

Тереза с удивлением взглянула на Шарля, и молодой человек продолжил свой рассказ, приоткрывая тайну своего одинокого детства:

– Видите ли, Тереза, теперь, когда я вырос, я понимаю многое из того, о чем тогда даже не догадывался. Мои родители плохо ладят друг с другом. Всегда, насколько я себя помню, мама была очень тихой, печальной, а отец – активным, деятельным, веселым, и говорил он всегда так громко... По-моему, мама его просто боялась! Когда слуга привозил меня по четвергам домой и меня приводили к маме здороваться, она, по обыкновению, лежала у себя в комнате на кровати в полутьме, закрыв шторы. Мама тихонько целовала меня, задавала несколько вопросов и тут же отсылала: я утомлял ее...

– Она была уже больна?

– Мама была больна всегда!

Тереза несколько минут хранила молчание.

– У вас было не очень-то счастливое детство, – заключила она.

– О, я понял это, только когда вырос, а мальчишкой я и не думал о том, как это грустно, когда у тебя, по сути, нет ни отца, ни матери...

Половину пути до вокзала Тереза с Шарлем уже прошли, они не сбавляли шага и продолжали оживленно беседовать.

Начинало светать, мутный, унылый декабрьский рассвет

прорывался сквозь тяжелые серые облака, нависшие над самой землей.

– Да ведь и у меня детство тоже было не слишком счастливым, – вновь заговорила Тереза, – отец умер, когда я была совсем маленькой, я его даже не помню... и мама тоже, как видно, умерла...

– Как же так, Тереза, – с удивлением спросил Шарль Рамбер, – вы вроде бы и не уверены, жива ваша матушка или умерла?

– Нет, нет, она, конечно, умерла, по крайней мере так говорит бабушка, но... я не раз пыталась выяснить у нее подробности маминой смерти, и она всегда переводила разговор на другую тему. Иногда мне начинает казаться, что от меня что-то скрывают и, может быть, мама на самом деле жива...

Они дошли до домиков, сгрудившихся вокруг вокзала станции Веррьер. Одно за другим приоткрывались окна, распахивались двери.

– Мы пришли раньше времени, – заметила Тереза, указывая на видневшиеся вдали вокзальные часы. – Поезд приходит без пяти семь, а сейчас без двадцати, и нам ждать еще пятнадцать минут... если, конечно, поезд не опоздает.

Они вошли в маленький вокзал, где не было ни души, и Шарль, радуясь, что нашел убежище от утренней прохлады, стал притопывать ногами, чтобы согреться; в пустом зале его топот отзывался настоящим грохотом.

Появился железнодорожник.

– Кто это тут, черт побери? Кто это тут безобразничает? – начал он с раздраженным видом. Но, заметив Терезу, осекся. – А, это вы, мадемуазель Тереза, что это вы поднялись сегодня в такую рань? Встречаете кого-нибудь или уезжаете сами? – приветствовал он Терезу, а сам тем временем с любопытством разглядывал Шарля, чей приезд несколько дней назад привлек всеобщее внимание.

– Нет-нет, я никуда не еду, – отвечала Тереза, – я пришла с господином Рамбером встречать его отца.

– Так вы, сударь, встречаете отца?.. И откуда, издалёка? – переключился железнодорожник на Шарля.

– Из Парижа, – отвечал молодой Рамбер. – А что, поезд еще не объявляли?

Железнодорожник вынул из кармана большие часы в форме луковицы.

– Минут двадцать у вас еще есть. Да, да, никак не меньше, и все из-за работ в туннеле, поезда теперь всегда приходят

с опозданием. – Сообщив все это, он извинился: – Я должен вернуться к своим обязанностям, мадемуазель Тереза.

Тереза обратилась к Шарлю:

– Вам, наверно, кажется, что время тянется бесконечно?

– Пожалуй...

– Давайте выйдем на платформу и будем смотреть, когда покажется поезд.

Покинув зал ожидания, они вышли на платформу и стали прохаживаться по ней взад и вперед. Тереза, следя за минутной стрелкой на часах, улыбалась Шарлю.

– Пять минут – и ваш отец будет здесь!.. Четыре минуты! Смотрите, а вон и поезд. – Она показала пальчиком на видневшийся вдали холм: там, на горизонте, в разъяснившемся небе, появилось маленькое облачко дыма. – Видите? Это дым от паровоза, значит, поезд вышел из туннеля...

Не успела она договорить, как на маленькой пустынной станции раздался дребезжащий звонок.

– Наконец-то! – воскликнул Шарль Рамбер.

Проходивший мимо железнодорожник предупредил Терезу:

– Мадемуазель, вагоны первого класса останавливаются у самой середины платформы, так что пройдите туда.

Шарль с Терезой едва успели воспользоваться этим любезным советом, как показался поезд. Пыхтя и отдуваясь, паровоз замедлил ход, а за ним и весь тяжелый состав затормозил и остановился.

Вагон первого класса оказался прямо перед Шарлем с Терезой. На подножке вагона стоял пожилой мужчина приятной наружности, высокого роста, крепкого телосложения. Это и был Этьенн Рамбер. Увидев молодых людей, он подхватил свой нехитрый багаж и спрыгнул на платформу. Опустив чемодан на землю и бросив плед на скамейку, он обнял Шарля за плечи:

– Мой мальчик. Милый мой мальчик!

Этьенн Рамбер явно делал над собой усилие, чтобы держать себя в руках. Со своей стороны Шарль тоже не остался равнодушным. Он побледнел как полотно, голос его дрожал:

– Ах, отец! Дорогой отец! Как я счастлив вас видеть!

Тереза деликатно отошла в сторону. Этьенн Рамбер, по-прежнему обнимая сына за плечи, чуть отодвинулся от него, чтобы лучше его рассмотреть.

– Ух, как же ты изменился, мальчик мой! – воскликнул он. – Ты стал настоящим мужчиной! Таким, каким я мечтал тебя видеть, высоким, сильным... Сразу видно, что в тебе те-

чет моя кровь!.. На здоровье не жалуемся, не правда ли? Но почему у тебя такой усталый вид?

– Я плохо спал этой ночью, очень боялся проспать, – с улыбкой признался Шарль.

Рамбер, обернувшись, заметил Терезу и протянул ей руку.

– Здравствуй, моя маленькая Тереза. И ты тоже очень изменилась! Когда я видел тебя в последний раз, ты была совсем девочкой, а теперь превратилась в прелестную молодую девушку. Как себя чувствует твоя бабушка?

Тереза сердечно пожала руку господину Рамберу.

– Бабушка чувствует себя очень хорошо, господин Рамбер, – поблагодарила она, – и просила меня извиниться перед вами за то, что не встречает вас сама: врач запретил ей рано вставать...

– Какие могут быть извинения, дитя мое! Это я жду не дождусь, когда смогу поблагодарить ее за то, что она приютила моего Шарля...

Тем временем поезд тронулся. Кто-то из железнодорожных служащих обратился к Этьенну Рамберу:

– Господин забирает багаж с собой?

Возвращенный к житейским заботам, Этьенн Рамбер в раздумье поглядел на свой чемодан.

– Действительно, как быть?

– Бабушка собиралась послать днем за вашими чемоданами, – поспешно сказала Тереза, – а мелкие вещи можно положить в карету...

– Как... бабушка позаботилась и о карете?

– А то как же, ведь до Болье совсем не близко, – отвечала Тереза. – Спросите Шарля!

Втроем они вышли на вокзальную площадь. Вдруг Тереза в изумлении остановилась.

– Вот те на! – воскликнула она. – Ничего не понимаю. Где же карета? Ведь Жан уже запрягал лошадей, когда мы выходили из замка...

– Наверно, его что-то задержало, – с улыбкой предположил Этьенн Рамбер, держа одну руку на плече сына и время от времени окидывая его ласковым взглядом. – Знаете, как мы поступим? Раз твоя бабушка собирается прислать за моим багажом, оставим его в камере хранения, я спокойно без него обойдусь, и пойдем пешком к замку, ведь, если мне не изменяет память, а память у меня всегда была прекрасная... к замку ведет лишь одна дорога, значит, мы обязательно встретимся с Жаном и сядем в карету по пути.

Спустя несколько минут они уже шли по дороге в Больё. Этьенн Рамбер был взволнован и растроган – он узнавал окружавший пейзаж, каждый поворот дороги.

– Подумать только, – говорил он, смеясь, – вернуться сюда в шестьдесят лет, вместе с восемнадцатилетним сыном! И как же весело проводил я когда-то время в замке Больё, все помню, как будто это было только вчера. Ведь правда, Тереза, только мы пройдем рощу, нам сразу откроется фасад замка?

– Истинная правда, – весело отвечала молодая девушка, – вы прекрасно знаете эти места.

– Ох, вот доживешь до моих лет, моя маленькая Тереза, и тебе тоже будут вспоминаться счастливые дни юности.

Этьенн Рамбер замолчал на несколько минут – казалось, ему вдруг стало немного грустно. Однако очень скоро он заговорил опять:

– О-о! Да ведь ограду парка заменили. Вот этой стены раньше не было, тут была только изгородь.

– А вот я никакой изгороди не помню, – рассмеялась Тереза.

– Нам что, придется идти до главного входа или тут тоже есть какая-нибудь калитка? – спросил Рамбер.

– Мы пройдем через службы, – отвечала девушка. – И заодно выясним, почему Жан за нами не приехал.

Тереза открыла маленькую, едва заметную калиточку, поросшую мхом и увитую плющом, и, пропустив вперед Этьенна Рамбера с Шарлем, вошла вслед за ними.

– Но Жан все же уехал, лошадей в конюшне нет, – удивилась она. – Почему же мы его не встретили? А-а, понятно... – И она засмеялась, внезапно развеселившись: – Бедняга Жан! Он такой рассеянный! Держу пари, он дожидается нас в Сен-Жори, ведь он каждое утро возит меня туда в церковь.

Этьенн Рамбер, Тереза и Шарль вышли прямо к замку.

Проходя под окнами комнаты маркизы де Лангрюн, Тереза весело крикнула:

– А вот и мы, бабушка!

Но ей никто не ответил. Только в соседнем окне появился управляющий Доллон и как-то странно махнул рукой, словно призывая их к молчанию. Впрочем, не успели они сделать и нескольких шагов, как Доллон показался в дверях замка, поспешно сбежал с крыльца и бросился им навстречу. На нем прямо лица не было; обычно вежливый и обходитель-

[illegible] путь и не повелительным жестом отстранил [illegible], и Шарп и, бесцеремонно схватив Рамбера за руку, повлек его за собой:

Ужас, какой ужас! Такое страшное несчастье... Сегодня утром мы обнаружили госпожу де Лангрюн у себя в комнате мертвой, ее зарезали...

III

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Де Прель, судебный следователь при прокуратуре Брива, прибыл в замок Болье.

– Господин Доллон, – первым делом обратился он к управляющему, – прошу вас рассказать мне во всех подробностях, как вы обнаружили тело.

– Обычно по утрам, – начал свой рассказ управляющий, – я являюсь к госпоже де Лангрюн поздороваться и выслушать ее распоряжения на день. На этот раз, постучав в дверь, я не получил ответа. Я постучал сильнее, но ответом была все та же мертвая тишина. Не понимаю, что побудило меня толкнуть дверь, вместо того чтобы удалиться... Меня словно осенило какое-то предчувствие... Мне трудно передать вам, что я почувствовал, увидав мою бедную дорогую хозяйку на полу у кровати мертвой, с чудовищно искромсанным горлом, в какой-то момент мне даже показалось, что голова ее просто отрублена...

– Это правда, господин следователь, – подтвердил бригадир жандармерии, – убийство совершено с удивительной жестокостью... Раны чудовищные...

– Они ножевые? – спросил де Прель.

Бригадир пожал плечами:

– Не могу сказать... Вам следует посмотреть самому.

Следователь вместе с управляющим прошли в комнату маркизы, где предусмотрительный Доллон постарался все сохранить в неприкосновенности.

Комната маркизы была большая, строгая, обставленная старинной мебелью.

Значительную ее часть занимала кровать маркизы. Она находилась на небольшом возвышении, покрытом темным ковром. Посреди комнаты стоял столик красного дерева. В углу на стене висело большое распятие. Рядом – маленький секретер; ящики выдвинуты, бумаги рассыпаны по полу.

В комнату можно было попасть только из главного коридора второго этажа, через ту дверь, куда вошел де Прель, была, правда, еще одна дверь, но она вела в ванную.

Маркиза лежала на полу, раскинув руки, головой к кровати и ногами к окну. Она была полуодета. Во всю ширину шеи зияла огромная рана, из которой торчали оголенные кости. Де Прель, машинально обнажив голову, подошел к покойнице.

– Чудовищно! – пробормотал он, наклонившись над ней. – Какая ужасная рана! – Осмотрев тело, он вновь обратился к Доллону: – В комнате ничего не трогали, не так ли?

– Ничего, господин следователь.

– И к этому секретеру тоже никто не прикасался? – уточнил де Прель, указывая на секретер с выдвинутыми ящиками.

– Нет, господин следователь.

– По всей вероятности, именно здесь госпожа де Лангрюн хранила свои деньги?

Управляющий с сомнением покачал головой.

– Не думаю, чтобы маркиза держала в замке крупные суммы, разве что несколько тысяч франков на повседневные расходы.

– Значит, вы полагаете, что убийство было совершено не с целью ограбления? – заметил де Прель.

Управляющий пожал плечами:

– Возможно, убийца надеялся, что госпожа де Лангрюн хранит деньги в замке. В таком случае кто-то его, очевидно, спугнул, ведь он не взял кольца, которые лежали у маркизы на ночном столике.

Следователь, не ответив на замечание управляющего, не торопясь обходил комнату.

– Окно было открыто? – спросил он.

– Маркиза всегда оставляла его открытым, ей постоянно не хватало свежего воздуха.

– Убийца не мог проникнуть в комнату через окно?

Управляющий отрицательно покачал головой:

– Маловероятно, господин следователь. С наружной стороны окна забраны решеткой, ее прутья своими острыми концами обращены к земле, так что к окну никак не подступишься.

Выглянув в окно, де Прель убедился, что управляющий совершенно прав. Дальнейший осмотр комнаты тоже ничего не дал, убийца никаких следов после себя не оставил. И только

дверь в коридор привлекла внимание де Преля.

– Смотрите-ка, любопытно, любопытно. – Де Прель указал на внутреннюю дверную задвижку: крепящие ее шурупы были наполовину вывернуты, видимо, задвижку пытались сорвать. – Госпожа де Лангрюн всегда запирала дверь своей комнаты на задвижку?

– Да, – отвечал Доллон, – конечно.

Не углубляясь дальше в этот вопрос, де Прель еще раз обошел комнату, тщательно осмотрел каждый предмет и позвал жандарма, который находился в коридоре в ожидании распоряжений.

– Я попрошу вас, любезнейший, – обратился де Прель к жандарму, – позвать сюда моего секретаря, который дожидается меня внизу, в машине. И к вам у меня тоже просьба, господин Доллон. Я сейчас приступаю к допросам, устройте меня, пожалуйста, где-нибудь, чтоб был стол, чернила и все, что полагается.

Управляющий сейчас же проводил де Преля в пустую комнату по соседству, но их остановил вернувшийся назад жандарм.

– Господин следователь, – сказал он, стаскивая фуражку, – ваш секретарь ждет вас внизу, в библиотеке, он там уже все подготовил.

Де Прель с трудом сдержал раздражение.

"Ничего себе, – подумал он, – не много ли этот Жигу на себя берет?"

Вслух, повернувшись к управляющему, он сказал:

– Ну что же, если вы не против, спустимся вниз!

Де Прель, судебный следователь при прокуратуре Бриа, был еще совсем молодой человек, элегантный, изысканный, светский. Жигу, его секретарь, являл собой полную ему противоположность: маленький толстячок, общительный, вежливый, типичный представитель провинциального судейского сословия, консерватор, любитель витиеватых формулировок, административной писанины и бесконечных циркуляров. Однако и Жигу, и его шеф отправились в замок Болье в приподнятом настроении. Когда рано поутру их оповестили о случившемся, и тот и другой сразу подумали, что это убийство свалилось на них весьма и весьма кстати.

Достойный Жигу, как ревностный чиновник и истинный провинциал, обрадовался и самой поездке, и предстоящему следствию, которое обещало многочисленные допросы и дол-

гую судебную волокиту. Что же касается де Преля, то он решил, что подобное дело позволит ему проявить себя с лучшей стороны и, возможно, даже добиться нового назначения. К сожалению, сразу по прибытии в Болье секретарю пришлось испытать разочарование, ибо его шеф повел расследование весьма стремительно, но и следователь очень скоро понял, что дело ему попалось каверзное и легкого успеха тут ждать не приходится. Как он справится с допросами? Улыбнется ли ему удача? Вот о чем с нарастающей тревогой думал де Прель, пока вслед за Доллоном спускался на первый этаж в библиотеку, где его предприимчивый секретарь уже успел устроить для них временные апартаменты. Следователь расположился за широким столом и первым делом вызвал к себе бригадира жандармерии.

– Скажите, бригадир, по приезде я отдал вам телеграмму, вы отправили ее?

– Да, господин следователь... телеграмму в префектуру парижской полиции с просьбой прислать инспектора.

– Именно.

– Я самолично отнес ее на телеграф, господин следователь.

Выяснив волновавший его вопрос, молодой следователь повернулся к Доллону.

– Присядьте, пожалуйста, – предложил он. – Мне нужно знать внутреннее устройство замка, – сразу же приступил он к делу, пренебрегая традиционными вопросами относительно имени, возраста и профессии свидетеля и игнорируя осуждающие взгляды секретаря.

– Вы, наверное, уже отчасти представляете его себе, – отвечал управляющий. – У входной двери начинается галерея, которая ведет к центральной лестнице на второй этаж, по ней мы только что спустились. На втором этаже – только комнаты по обе стороны коридора. Справа – комната мадемуазель Терезы, за ней – комнаты для гостей, которые сейчас пустуют, слева – комната маркизы, которая продолжается ванной, дальше слева, за комнатой маркизы и ее ванной, – еще одна ванная, а потом – комната Шарля Рамбера, молодого человека, о котором я вам говорил.

– Так. А третий этаж?

– Третий этаж – точная копия второго, там живет прислуга.

– А кто из прислуги ночует в замке?

– Как правило, две служанки: Мари, горничная, и Луиза,

кухарка, потом дворецкий Эрве, но Эрве вчера тут не ночевал, он попросил у маркизы разрешения сходить в деревню, и маркиза разрешила ему при условии, что он ночевать в замок вообще не вернется.

– Как это понимать? – удивился де Прель.

– Видите ли, господин следователь, маркиза была женщиной осторожной и очень боялась, как бы ночью в замок кто-нибудь не проник, а потому каждый вечер самолично запирала на два оборота ключа замок на входной двери и на двери кухни. И обязательно обходила все комнаты, чтобы проверить, хорошо ли закрыты ставни. Когда Эрве отлучался по вечерам из замка, он либо ночевал в деревне и возвращался только на следующий день утром, как сегодня, либо просил конюха оставить открытой калитку, ведущую к службам, и тогда ночевал в одной из комнатенок над конюшнями...

– Очевидно, там и живут все остальные работники?

– Да, господин следователь.

Де Прель замолчал, погрузившись в свои размышления. В комнате раздавалось лишь раздражающее поскрипывание гусиного пера. Наконец де Прель заговорил снова.

– Так, значит, – уточнил он, – в ночь, когда было совершено преступление, в замке ночевали только госпожа де Лангрюн, ее внучка мадемуазель Тереза, Шарль Рамбер и две служанки? Я правильно вас понял?

– Да, господин следователь.

– В таком случае вряд ли убийство мог совершить кто-то из тех, кто находился в замке?

– Да, господин следователь, и все же... – Доллон внезапно замолк, словно испугавшись того, что собирался сказать.

– И все же? – переспросил де Прель.

– Видите ли, господин следователь, ключ от входной двери был только у меня и у госпожи маркизы.

– Другими словами, – уточнил де Прель, – учитывая все принятые меры предосторожности, вы не допускаете, чтобы кто-то мог проникнуть в замок?

– Не допускаю, господин следователь... Это совершенно невозможно.

Следователь посмотрел на него с недоумением.

– Но ведь преступник мог проникнуть в замок днем, спрятаться, а потом, когда наступила ночь, совершить убийство. Вспомните, господин Доллон, в комнате госпожи де Лангрюн была сорвана внутренняя задвижка, значит, убийца проник через эту дверь, и проник, взломав ее.

Управляющий покачал головой:

Нет, господин следователь, спрятаться днем в замке было практически невозможно. В кухне всегда кто-нибудь есть, и, значит, через кухню пройти никто не мог. На лужайке перед главным входом вчера всю вторую половину дня работали садовники, они наверняка обратили бы внимание на незнакомого человека. Опять же: госпожа де Лангрюн в свое время распорядилась а ее распоряжения я всегда исполнял неукоснительно – выход из погребов замка на лестницу постоянно держать закрытым. Если в погребах убийца спрятаться не мог, то где же он тогда прятался? И еще, у лестницы сидит на привязи огромная сторожевая собака, убийца обязательно должен был пройти мимо нее. Так что же, он был ей знаком или, может, кинул собаке мяса?.. Но никаких следов мы не нашли.

– Но ведь это замкнутый круг, господин Доллон! Искать преступника среди тех, кто ночевал в замке, бессмысленно. Вы сами мне сказали, что в замке оставались, кроме госпожи де Лангрюн, только двое молодых людей, Тереза и Шарль, да две служанки. Вряд ли кто-то из них способен на убийство... значит, убийца должен был каким-то образом проникнуть в замок снаружи. Подумайте, может, вы кого-нибудь подозреваете?

Управляющий беспомощно развел руками:

– Нет-нет, я никого не подозреваю. И не могу подозревать. Понимаете, господин следователь, с одной стороны, я совершенно уверен, что среди тех, кто ночевал в замке, убийцы быть не может, но я уверен и в том, что проникнуть в замок снаружи никто не мог... потому что это невозможно! Когда все двери заперты, все ставни закрыты...

Де Прель с удивлением смотрел на управляющего.

– И все же, раз госпожа де Лангрюн убита, кто-то же должен был спрятаться в замке днем или проникнуть в замок ночью!

Поколебавшись, управляющий заявил:

– Уму непостижимо, господин следователь. Я ручаюсь за то, что войти никто не мог... а с другой стороны, совершенно очевидно, что ни господин Шарль, ни мадемуазель Тереза, ни служанки не годятся на роль убийцы.

После нескольких минут размышления де Прель попросил управляющего сходить за служанками.

– Вы тоже вернитесь, – сказал он ему вслед. – Возможно, вы мне еще понадобитесь.

На следующий день после убийства, в пятницу утром, Луиза, кухарка, еще не пришедшая в себя после страшного потрясения, спустилась к своим кастрюлям.

Заря лишь только занималась, и Луиза зажгла керосиновую лампу. Думая о своем, она принялась готовить завтрак для господ и прислуги, но вдруг вздрогнула от резкого стука в дверь. Луиза приоткрыла дверь и невольно вскрикнула, увидав в полумраке на фоне бледного неба черные фуражки жандармов. Жандармы сопровождали двух бродяг довольно жалкого вида. Бригадир, давно знавший Луизу, отдал ей честь.

— Мамаша, — обратился он к ней, — приютите-ка нас ненадолго вместе вот с этими парнями, мы подобрали их сегодня ночью в окрестностях замка.

— Боже мой, господин бригадир, вы привели сюда бандитов! И где прикажете их разместить? — ужаснулась кухарка.

Жандарм Моран улыбнулся.

— Ваша кухня нам вполне подходит, — отвечал бригадир. Но, увидав, что служанка отрицательно мотает головой, продолжил: — Ничего не поделаешь, к тому же бояться вам нечего. Наши разбойники в наручниках, не сбегут, да мы и не оставим их без присмотра. Мы только подождем, когда приедет господин следователь.

Жандармы, подталкивая вперед своих пленников, вошли в кухню. Луиза побежала было снять крышку с кастрюли, в которой закипала вода, но, услышав последние слова бригадира, обернулась.

— Следователь? — переспросила она. — Господин де Прель? Но он уже здесь!

— Не может быть! — Бригадир, успевший уже сесть, тотчас вскочил на ноги.

— Здесь, здесь, говорю я вам, — заверила его старуха, — и маленький толстячок, который всегда его сопровождает, тоже.

— Какой толстячок? А-а, Жигу, секретарь, — он, что ли?

— Возможно, — пробурчала Луиза.

— Поручаю наших пленников вам, Моран, — строго приказал бригадир жандарму, — не спускайте с них глаз!

Задача, стоявшая перед жандармом Мораном, была, в общем-то, несложной: бродяги, которых посадили в угол —

против плиты, – казалось, и не помышляли о бегстве. Внешне они сильно отличались друг от друга. Один был высокий, крепкий, с жирными волосами, на голове маленькая жокейская шапочка, он молча покусывал свои огромные усы, бросая вокруг себя и на своего товарища по несчастью мрачные и встревоженные взгляды. Он был обут в подбитые гвоздями башмаки на деревянной подошве. Жандармам он заявил, что зовут его Франсуа Поль. Второй субъект – его выловили на задах какой-то фермы, где он пытался забраться в стог сена, – был типичный деревенский бродяга. На голове у него красовалась старая фетровая шляпа, из-под которой в разные стороны торчали всклокоченные рыжеватые волосы с сединой, лицо его почти полностью скрывала косматая борода. Выделялись лишь сверкающие глаза, которыми он все время водил в разные стороны, не без интереса озирая место, куда его привели жандармы. За плечами у него болталась тяжелая котомка, полная самых разнообразных предметов. В то время как первый хранил суровое молчание, второй трещал без умолку. Подталкивая своего соседа локтем, чтобы привлечь его внимание, он негромко бормотал:

– Эй, ты сам-то откуда? Ты ведь не здешний, я тебя раньше никогда не видел. А вот меня здесь знают хорошо. Я Бузиль. Так меня все и зовут. – И он фамильярно окликнул жандарма: – Не правда ли, господин Моран, мы с вами старые знакомые? Сегодня ведь не то в четвертый, не то в пятый раз меня зацапали?

Сосед Бузиля удостоил его взглядом.

– Так, значит, для тебя тюрьма что дом родной? – спросил он в тон Бузилю.

– А что, я тюрягу уважаю, – отозвался болтун, – правда, все зависит от времени года, зимой, например, я очень даже не прочь в ней отдохнуть, погода-то никудышная, ну а летом веду себя прилично, зачем летом рисковать, на дорогах и так всего навалом, бери – не хочу, да и крестьяне смотрят на все сквозь пальцы, другое дело – зимой. Знаю, знаю, почему меня замели сегодня ночью: из-за кролика старухи Ширкар.

Жандарм, который слушал этот разговор вполуха, вмешался:

– А-а, так это ты, Бузиль, кролика украл?

– Ну, господин Моран, не будь вы в этом уверены, я бы, видно, тут не сидел. И чего теперь спрашивать?

Сосед Бузиля покачал головой и совсем тихо сказал ему:

Какой там кролик? Тут дело прянь! Про хозяйку этого замка слыхал?

– Вот еще! – отмахнулся от него Бузиль.

Франсуа Поль не стал продолжать. В кухню вернулся бригадир.

– Тот, кого зовут Франсуа Поль, пройду за мной! – строго приказал он. – Вас желает допросить господин следователь.

Франсуа Поль двинулся к бригадиру, выставив вперед руки в наручниках; Бузиль, бросив на жандарма заговорщический взгляд – больше ему поговорить было не с кем, – удовлетворенно объявил:

– Ну, с богом! Вот как быстро сегодня. Даже в предвариловке не подержали!

Жандарм, сохраняя достоинство, ничего не ответил, и неисправимый болтун продолжал:

– Впрочем, для меня что с предвариловкой, что без – все одно, лишь бы были еда и ночлег за казенный счет, а в Бриве тюряга теперь премиленькая. Черт возьми! – воскликнул Бузиль, немного помолчав и поводя носом. – Как здесь вкусно пахнет!.. – И без церемоний обратился к кухарке: – У вас, дорогая Луиза, случаем не найдется для меня чего-нибудь перекусить?

Кухарка обернулась с негодующим видом.

– Да вы никак боитесь меня? Вы что, совсем меня забыли? Ведь я частенько захаживал к вам за старьем, и вы никогда не отпускали меня с пустыми руками, вот когда у господина Доллона снашивались ботинки, он всегда оставлял их мне... А теперь что ж, вы откажете мне в куске хлеба?

Кухарка, которую несчастный бродяга сумел-таки разжалобить, нерешительно взглянула на него, потом перевела взгляд на жандарма, как бы спрашивая у него разрешения; Моран пожал плечами и покосился на Бузиля с покровительственным видом.

– Уж ладно, мамаша, если вам так хочется, дайте ему чего-нибудь... в конце концов, я ведь его знаю, и, думается мне, он тут ни при чем.

– Ах, господин Моран, – подхватил Бузиль, – вот если где что плохо лежит, если кролик разгуливает по дороге или курочка скучает в одиночку, я отрицать не стану, но что касается всего остального... Спасибо, хозяюшка...

Луиза протянула Бузилю большой ломоть хлеба, который тут же исчез в глубине его огромной котомки.

– Интересно, чего этот, в шапочке, плетет легавому? Он,

по-моему, новичок. А если я попадаю к кивалам, то, чтоб их не злить, на все отвечаю: "Да, господин судья". И они довольны. Иногда даже смеются. А тот, что главный, скажет: "Встаньте, Бузиль", а потом как влепит мне недели две-три, а то и месяца два... Когда как.

Появился бригадир, уже один.

— Первого отпустили, — объявил он, обращаясь к жандарму, — а с Бузилем господин следователь не видит смысла разговаривать...

— Так что ж, меня выгоняют? — огорченно спросил бродяга, бросив встревоженный взгляд в сторону окна, по которому барабанил дождь.

Бригадир не смог удержаться от улыбки:

— Так уж и быть, Бузиль, отведем тебя в тюрьму, заодно побеседуем о кролике. Ну давай! Пошли!

. . . . . .

Прошел день — грустный, мрачный.

С утра Шарль Рамбер с отцом бродили по большим молчаливым комнатам замка, не зная, куда себя деть; всю вторую половину дня они вместе с Терезой и баронессой де Вибре надписывали, сидя за круглым столом, адреса родственников и друзей маркизы на больших конвертах с черной каймой. Похороны были назначены на послезавтра. Господин Рамбер остался в замке до похорон.

Баронесса де Вибре долго уговаривала Терезу поехать ночевать к ней в Керелль, но Тереза наотрез отказалась.

Этьенн Рамбер закончил просматривать газеты, в которых с большими подробностями и неточностями сообщалось о трагедии в Болье.

— Тебе пора ложиться, — неожиданно строго приказал он сыну.

Чуть позже Этьенн Рамбер и сам поднялся на второй этаж и, поравнявшись с комнатой сына, остановился как бы в нерешительности, но тут же, словно собравшись с духом, вошел к нему.

Утомленный Шарль в это время уже начал раздеваться. Этьенн Рамбер резким движением положил обе руки на плечи сына.

— Признайся же мне, несчастный, — глухим голосом приказал он, — признайся своему отцу!

Шарль, страшно побледнев, отпрянул от него.

— В чем? — пробормотал он.

— Это ведь ты, ты убил!

Молодой человек хотел решительно возразить отцу, но голос ему изменил.

— Убил — я? — вскричал он наконец. — Но кого? — Не дав отцу ответить и угадав его мысль, Шарль продолжил: — Вы обвиняете меня в убийстве маркизы? Но это ужасное, подлое, гнусное убийство!

— Конечно, и его совершил ты!

— Нет, нет, клянусь, нет!

— Да! — настаивал Этьенн Рамбер.

Оба, задыхаясь, стояли друг против друга. Шарль изо всех сил старался взять себя в руки.

— И это говорите вы, мой отец! — произнес он с дрожью и упреком.

Внезапно на него напала какая-то апатия, он обессилел, сник.

Этьенн Рамбер сделал несколько шагов по комнате, потом, взяв стул, сел против сына. Провел рукой по лбу, словно отгоняя от себя ужасный навязчивый кошмар.

— Давай успокоимся и все обсудим, бедный мой мальчик, — предложил он. — Сам не знаю почему, но уже вчера утром, когда я увидел тебя на вокзале, у меня возникло какое-то нехорошее предчувствие... ты был такой бледный, осунувшееся лицо, запавшие глаза...

— Отец, — тихо отвечал Шарль, — я же говорил вам, я плохо спал ночью.

— Это мне известно, черт побери! — взорвался Этьенн Рамбер. — Но если ты не спал, то почему ничего не слышал?

— Тереза тоже ничего не слышала...

— Комната Терезы, — возразил Рамбер, — далеко от комнаты маркизы, а твоя совсем близко...

— Только вы, отец, подозреваете меня в этом ужасном убийстве? — спросил Шарль.

— Только? — пробормотал Этьенн Рамбер. — Возможно... пока... хотя едва ли... Известно ли тебе, что ты произвел крайне неприятное впечатление на друзей маркизы, когда в тот вечер, накануне убийства, судья Бонне рассказывал вам о каком-то преступлении, совершенном в Париже не помню кем...

— Так, значит, они тоже подозревают меня? — спросил Шарль. — Но что значит подобное подозрение?.. — продолжал молодой человек, внезапно оживляясь. — У них нет фактов. Нет улик!..

— Улик? Увы! Против тебя есть улики! И они ужасны. Вот послушай...

Этьенн Рамбер поднялся, и следом за ним пришлось подняться и Шарлю; оба они вновь стояли друг против друга.

— Слушай же, Шарль, во время расследования следователь пришел к выводу, что в ту фатальную ночь никто не мог проникнуть в замок, а ты единственный мужчина, который здесь ночевал.

— Но может, кто-то все-таки проник?

— Нет, это исключено! — оборвал сына Этьенн Рамбер. — И потом, как ты сможешь это доказать?..

Шарль был сражен, раздавлен, все мысли в его голове спутались. Он молча стоял посреди комнаты, с трудом держась на ногах, и растерянно следил глазами за отцом, а тот, опустив голову, направился в ванную.

— Пойдем со мной! — позвал он едва слышно.

Шарль, не в силах пошевелиться, не двинулся с места.

Этьенн Рамбер один вошел в ванную, нагнулся к полотенцам, которые в беспорядке лежали на нижней полке, достал одно из них, все скомканное, и вернулся с ним в комнату.

— Смотри, — прошептал он, развертывая полотенце перед сыном.

И Шарль при ярком свете лампы увидел на полотенце пятна крови. Молодой человек вздрогнул, потом хотел было что-то сказать, но Этьенн Рамбер остановил его властным жестом.

— Неужели ты и дальше будешь отпираться? Вот оно, неопровержимое доказательство твоего ужасного преступления. Эти кровавые пятна говорят сами за себя. Каким образом окровавленное полотенце оказалось у тебя? Ты не можешь отрицать очевидное!

— Но я невиновен, невиновен... я ничего не понимаю! — Шарль бессильно рухнул в кресло.

Отец посмотрел на него долгим взглядом, полным невыразимой нежности.

— Бедный, бедный мой мальчик! — прошептал Этьенн Рамбер и продолжил как бы про себя: — Видит бог, может, ты не так уж и виноват! Ведь есть кое-какие обстоятельства, которые смягчают твою вину...

— Но почему, отец, вы продолжаете обвинять меня? Неужели вы действительно считаете меня убийцей?

Этьенн Рамбер сокрушенно покачал головой:

— Ах, как бы я хотел ради нашего доброго имени и из ува-

жения ко всем тем, кто нас любит, доказать, что ты не можешь отвечать за свои поступки — ведь у тебя такая тяжелая наследственность. Болезнь матери не могла не сказаться на сыне.

— Болезнь? — с тревогой спросил Шарль. — Какая болезнь?

— Болезнь ужасная и загадочная, перед которой все мы бессильны, безоружны, — безумие!

— Боже мой! Боже мой! — вскричал Шарль вне себя от ужаса. — Что вы такое говорите, отец? Неужели моя мать сумасшедшая?.. Но пусть даже это так, — после тяжелого раздумья добавил молодой человек. — Сколько раз я поражался, как странно, непонятно она ведет себя... но я... При чем здесь я? — И Шарль стал колотить себя в грудь, словно хотел удостовериться, что это все не снится ему во сне. — Я, по-моему, в здравом уме.

— Возможно, у тебя была какая-то страшная галлюцинация, минутное помрачение рассудка? — подсказал Этьенн Рамбер.

— Нет! Нет! Я не сумасшедший!.. — прервал его Шарль. Молодой человек, вне себя от волнения, уже не старался сдерживаться, он выкрикивал слова в ночную тишину, безразличный ко всему, что не касалось страшного разговора, который он вел с отцом... Этьенн Рамбер тоже не думал о том, чтобы приглушить свой голос; в ответ на последнюю реплику сына у него вырвалось:

— Ежели ты в своем уме, Шарль, тебе нет прощения! Ты — убийца! Убийца!

Внезапно оба они замерли, услышав шорох в коридоре. Дверь комнаты, которая оставалась приоткрытой, медленно распахнулась: в черном проеме появился белоснежный силуэт. Перед ними стояла Тереза — в длинной ночной рубашке, с распущенными волосами, с бескровными губами и с расширенными от ужаса глазами. Девушку била нервная дрожь, неимоверным усилием она подняла руку и указала пальцем на Шарля...

— Тереза, Тереза, — забормотал Этьенн Рамбер. Несчастный отец рухнул на колени и молитвенно сложил руки. — Тереза, ты все слышала?

Губы девушки зашевелились, послышался вздох:

— Да...

Продолжить она не смогла, глаза ее закатились, она пошатнулась и, даже не вскрикнув, без чувств упала навзничь.

V

Километра
Брив — Кагор
Зима в то
насыпь, особе
размытой. В
ри, и произо
лезнодорожна
участок самы
воду, что в н
ны Суйака же
монта. И пот
скорые, пасса
Кагора задерж
безопасности
вы, следующие
хода из туннел
въезда в него.

Серым дека
путевых рабоч
к укладке нов

Рабочие пер

— Безобрази
нас заставляют
чем не лучше во

— Что делать
шивают.

Неожиданно
зияющей черно
поезд на Кагор
женном месте и

Согнав с пут
ру и дал поезду
У самого въе
надцатого участ
километра путей
остановился неза

— Это тот сам
пятьдесят пять ут

— Да, тот, но о

Поезд проехал

V

"АРЕСТУЙТЕ МЕНЯ!.."

Километрах в двадцати от Суйака железнодорожная ветка Брив – Кагор, сделав петлю, заходит в туннель.

Зима в тот год выдалась с дождями, и железнодорожная насыпь, особенно на подступах к туннелю, оказалась сильно размытой. В первых числах декабря бушевали настоящие бури, и произошло настолько сильное оседание грунта, что железнодорожная компания вынуждена была направить на этот участок самых опытных инженеров. Комиссия пришла к выводу, что в нескольких метрах от входа в туннель со стороны Суйака железнодорожное полотно требует серьезного ремонта. И потому в течение последнего месяца все поезда – скорые, пассажирские и товарные – на участке от Брива до Кагора задерживались приблизительно на полчаса. В целях безопасности машинистам было отдано распоряжение составы, следующие из Брива, останавливать за 200 метров до выхода из туннеля, а те, что шли из Кагора, – за 500 метров до въезда в него.

Серым декабрьским утром, едва только рассвело, бригада путевых рабочих под руководством мастера уже приступила к укладке новых рельсов, завезенных накануне.

Рабочие переговаривались между собой.

– Безобразие! – возмущался пожилой рабочий. – Почему нас заставляют класть двенадцатиметровые рельсы? Они ничем не лучше восьмиметровых, а возни куда как больше.

– Что делать! – отвечал его товарищ. – Нас ведь не спрашивают.

Неожиданно раздался пронзительный гудок. В глубине зияющей черной дыры туннеля показался свет двух фар – поезд на Кагор, соблюдая предписание, остановился в положенном месте и просил разрешить ему проезд.

Согнав с путей своих рабочих, мастер подошел к семафору и дал поезду сигнал продолжать движение.

У самого въезда в туннель, возле будки обходчика четырнадцатого участка, в ведении которого находилось четыре километра путей, и в том числе девятьсот метров туннеля, остановился незнакомый мужчина.

– Это тот самый поезд, что прибывает в Веррьер в шесть пятьдесят пять утра? – небрежно спросил он.

– Да, тот, но он опаздывает.

Поезд проехал, три красных фонарика последнего вагона

скрылись в утренней дымке. Обходчик занялся уничтожени-
ем сухой травы вдоль железнодорожного полотна и почти
скрылся в туннеле, но тут незнакомец снова окликнул его.
Собеседником обходчика оказался не кто иной, как Франсуа
Поль, тот самый бродяга, которого накануне после коротко-
го допроса следователь де Прель отпустил на свободу.

— Народу там негусто, — сказал он, — не говоря уж про
первый класс.

— Ясное дело! — ответил обходчик, опуская на землю мо-
тыгу. — Те, что побогаче и ездят первым, предпочитают экс-
пресс. Он приходит в Брив ночью, в два часа пятьдесят минут.

— Конечно, — подхватил Франсуа Поль. — Ну а как быть
тем, кто едет до Гурдона, Суйака, Веррьера — в общем, до
какой-нибудь маленькой станции, где экспресс не останавли-
вается?

— По правде сказать, я никогда об этом не задумывался, —
пожал плечами обходчик. — Скорее всего, они сходят в Бри-
ве или в Кагоре, а дальше добираются кто как — на том же
пассажирском или на дневных, а может, вызывают к поезду
собственные экипажи.

Франсуа Поль перевел разговор на другую тему:

— Холод-то какой завернул.

— Да уж, к тому же дождь собирается.

Франсуа Поль с удивлением взглянул на обходчика: небо
было совершенно чистым.

— Верно говорю, — подтвердил обходчик, — ветер запад-
ный, а у нас это всегда значит дождь.

— Как и везде, — с унынием заключил Франсуа Поль. — Вот
уж действительно: не везет — так не везет.

Обходчик с сочувствием взглянул на бродягу.

— Видно, в карманах у тебя пусто, да ты не огорчайся. Мо-
жешь здесь подрядиться. Тебя возьмут.

— Да? В самом деле?

— Конечно! Вон как раз идет мастер, хочешь, поговорю.

— Подожди пока, — отвечал Франсуа Поль. — Я, конечно,
не отказываюсь, но все же сначала пойду взгляну, что тут у
вас за работа, подойдет ли мне...

Бродяга медленно, не отрывая глаз от земли пошел вдоль
насыпи. Мастер, миновав его, остановился поговорить с об-
ходчиком.

— Ну что, папаша Мишу, как здоровье?

— Скрипим помаленьку, — отвечал тот. — А как ваша ра-
бота, продвигается? Моей-то здорово прибавилось с тех пор,

как поезда стали делать остановку на моем участке.

– Это почему же? – удивился мастер.

– Сейчас объясню. Машинисты пользуются остановкой, чтобы выбросить золу, в результате оставляют в туннеле целые ее груды, и мне приходится все убирать!

Мастер рассмеялся:

– Требуй у компании, чтобы отрядили тебе помощников!

– Но где их взять, этих помощников? – заметил папаша Мишу. – Кстати, тут только что был один малый, я посоветовал ему наняться к вам. Надо поглядеть, сказал он, надо поглядеть, что тут за работа... И был таков. Видно, еще один лентяй.

– Ах, папаша Мишу, нынче настоящих работников днем с огнем не сыщешь. Кстати, если этот парень не обратится ко мне сейчас же, я попрошу его отсюда. Железнодорожная насыпь не место для прогулок. Тут глаз да глаз нужен, а не то позарятся на болты да на медь, тем более что сейчас в округе полным-полно бродяг.

– Да что там бродяг, – подхватил папаша Мишу, – убийц! Вы, верно, слыхали об убийстве в замке Болье?

– Как не слыхать! Да в моей бригаде только об этом и говорят! Знаете, вы правы, папаша Мишу, я, пожалуй, пошлю, чтобы тут никто не околачивался, и начну с вашего приятеля.

Внезапно мастер замолчал. Он с удивлением смотрел вниз, под насыпь. Обходчик, проследивший за его взглядом, был тоже весьма озадачен. Помолчав несколько секунд, они переглянулись и заулыбались: на фоне сумрачной долины возвышалась величественная, легкоузнаваемая фигура жандарма, как видно, он пришел сюда пешком и теперь явно кого-то высматривал.

– Ну и дела! – заговорил папаша Мишу. – Вот и бригадир Дусе тут как тут, похоже, он кого-то заприметил.

– Так, видно, оно и есть, – согласился мастер. – За последние три дня власти с ног сбились, а все из-за этого убийства в Болье. Не меньше двадцати бродяг перехватали, но всех пришлось отпустить.

– Говорят, из здешних вряд ли кто пошел бы на убийство, ведь маркизу де Лангрюн так все любили...

– Смотрите, смотрите, – перебил его мастер, указывая на жандарма, который медленно взбирался по насыпи, – похоже, бригадир решил познакомиться поближе с вашим приятелем, который так усердно ищет работу.

Что ж, вполне возможно, — согласился папаша Мишу, взглянув на жандарма, — физиономия у этого типа весьма подозрительная. К тому же он нездешний...

Оба они с большим интересом стали наблюдать, что происходит дальше. Метрах в пятидесяти от них Франсуа Поль медленно, в задумчивости спускался по направлению к вокзалу. Услыхав за собой шаги, он обернулся. Узнал бригадира и нахмурил брови. Жандарм повел себя как нельзя странно: с почтительным видом остановился в нескольких шагах от незадачливого бродяги, рука его машинально потянулась к фуражке. Последовал резкий окрик:

— Да что это такое, бригадир? Я же просил меня не беспокоить!

Бригадир сделал шаг вперед.

— Господин инспектор, прошу меня простить, но мне надо сообщить вам нечто важное.

Франсуа Поль, которого жандарм почтительно именовал "господином инспектором", был на самом деле не кто иной, как инспектор сыскной полиции, присланный накануне в Болье парижской префектурой. Впрочем, это был не какой-нибудь заурядный полицейский, обычный инспектор. Словно предчувствуя, что дело Ланграон окажется сложным и запутанным, начальник сыскной полиции выбрал лучшего из своих сыщиков, самого опытного своего инспектора: Жюва. Вот уже двое суток Жюв под видом бродяги шнырял в окрестностях замка Болье, по его же приказанию он был на всякий случай арестован вместе с Бузилем и, таким образом, сохраняя инкогнито, мог продолжать расследование по своему методу.

Лицо Жюва перекосилось от досады.

— Да будьте же осторожнее! — прошептал он. — На нас смотрят, и, раз уж мне придется возвращаться вместе с вами, то арестуйте меня, наденьте мне наручники!..

— Прошу простить меня, господин инспектор, но на это я никогда не отважусь, — отвечал жандарм.

Жюв вместо ответа повернулся к нему спиной.

— Сейчас я сделаю несколько шагов в сторону, — твердо сказал он, — словно хочу от вас убежать, вы же грубо схватите меня за плечо, я упаду на колени, и вы наденете мне наручники.

Столпившись у въезда в туннель, обходчик, мастер и рабочие с интересом наблюдали за необычной сценой между жандармом и бродягой. Вдруг они увидели, как бродяга бросил-

ся бежать, но бригадир тотчас же схватил его. Несколько минут спустя бродяга, уже в наручниках, покорно спускался с жандармом по крутому склону насыпи, потом оба исчезли за деревьями.

– Вот и еще один готов, – вздохнул старый обходчик, – да как легко попался!

Когда Жюв с бригадиром быстрым шагом шли к замку Болье, Жюв спросил у попутчика:

– Ну, так что же случилось?

– Господин инспектор, – ответил жандарм, – убийца известен. Как сообщила нам Тереза...

VI

"ФАНТОМАС – ЭТО СМЕРТЬ!"

Было восемь часов утра. Жюв, успевший по дороге освободиться от наручников, торопливым шагом подходил к замку, у самой ограды которого он столкнулся с де Прелем.

– Ну как, вы уже в курсе? – спросил его Жюв своим спокойным, ровным голосом.

Следователь взглянул на него с удивлением.

– Судя по выражению вашего лица, вы еще ничего не знаете, господин следователь. Так вот, готовьте ордер на арест, нам с вами предстоит арестовать Шарля Рамбера!

Де Прель отпрянул назад, но тут же поспешил за Жювом, который, миновав калитку, невозмутимо шагал к замку.

– Что случилось? – спросил де Прель. – Вы что, подозреваете его?

– Мягко сказано, – в один голос ответили инспектор и бригадир жандармерии.

В нескольких словах Жюв рассказал следователю то, что передал ему бригадир. Следователь не скрывал своего удивления.

– Как же все-таки... – начал он, но внезапно остановился.

Все трое тем временем уже подошли к крыльцу. Навстречу им выбежал растрепанный, встревоженный управляющий Доллон.

– Где Рамберы? Где Рамберы? Вы их не видели? – кричал он.

Следователю, достаточно оглушенному уже тем, что́ открыл ему Жюв, не сразу удалось свести воедино столь быстро сменяющие друг друга события, инспектор же схватил все

на лету и, повернувшись к бригадиру, пробормотал:

– А птичка-то упорхнула.

Уже в замке Жюв и де Прель попросили Доллона уточнить кое-какие детали из рассказа Терезы.

– Когда я сегодня рано утром пришел в замок, – объяснял управляющий, – то застал обеих старых служанок, Луизу и Мари, в комнате мадемуазель Терезы: нашей молодой хозяйке было плохо, и они хлопотали вокруг нее. Минут через двадцать – приблизительно в половине седьмого – мадемуазель Тереза немного успокоилась и сумела рассказать нам о том, что слышала ночью, об ужасном разговоре, свидетельницей которого оказалась, разговоре между отцом и сыном Рамберами.

– И что же вы предприняли? – спросил де Прель.

– Я отправил конюха Жана в Сен-Жори: во-первых, за доктором, во-вторых, предупредить бригадира Дусе – он и прибыл первым, я рассказал ему то, что знал, потом пошел вместе с доктором к мадемуазель Терезе.

Следователь обратился с тем же вопросом к бригадиру жандармерии.

– Господин следователь, – отвечал бригадир, – как только я получил эти сведения от господина Доллона, я счел необходимым отправиться за господином Жювом.

– Черт возьми! – прервал его де Прель. – Вы совершили непростительный промах, любезный бригадир, прежде всего вы должны были позаботиться о том, чтобы Рамберы не могли скрыться.

– Прошу прощения, господин следователь, – живо возразил бригадир, – я поставил у входа в замок Морана, он должен был помешать этим господам выйти из замка, если у них появилось бы такое намерение.

– И Моран их не видел?

Жюв, который уже успел угадать, что произошло, ответил вместо бригадира:

– А доблестный Моран и не мог их видеть – по той простой причине, что они покинули замок еще в середине ночи, сразу после ссоры. У вас все, бригадир?

– Все, господин инспектор.

– Ну что ж, бригадир, полагаю, господин следователь незамедленно прикажет вам бросить своих людей на поимку беглецов.

– Разумеется, – подтвердил де Прель. – И поторопитесь!

Бригадир поспешил покинуть замок.

Инспектор и следователь молчали; Доллон в растерянности стоял чуть поодаль.

– Где мадемуазель Тереза? – спросил де Прель.

Доллон продвинулся чуть вперед.

– Она заснула, господин следователь, ей лучше, с ней доктор, и он просил ее не будить...

– Хорошо, – отвечал следователь, – оставьте нас одних!

Доллон удалился.

– Господин де Прель, давайте поднимемся на второй этаж, – предложил Жюв.

Несколько мгновений спустя Жюв и де Прель уже сидели в той самой комнате, где два дня прожил Этьенн Рамбер, и молча глядели друг на друга.

Следователь первым нарушил молчание:

– Так что же, дело окончено? Этот Шарль Рамбер – убийца?

– Шарль Рамбер? – Жюв с сомнением пожал плечами. – Действительно, получается, что он убийца!

– Но вы вроде в этом сомневаетесь? – удивился де Прель.

Жюв, опустив глаза, внимательно рассматривал носы своих ботинок, потом поднял голову:

– Да; хотя вывод этот напрашивается сам собой, в глубине души я не верю в вину Шарля Рамбера.

– Но я не понимаю, какие могут быть сомнения: улики против него тяжелейшие, к тому же он практически ничего не смог ответить на обвинение отца, что равносильно признанию.

– Но кое-что говорит и в его пользу, – с легким сомнением в голосе возразил Жюв.

– Расследование однозначно показало, что преступление было совершено кем-то, кто находился в доме!

– Возможно, – отозвался Жюв, – но не обязательно!

– Как вас понимать?

– Не будем торопиться, господин следователь, – улыбнулся Жюв. И, поднявшись, предложил: – Здесь нам пока нечего делать, давайте пройдем в соседнюю комнату, в которой жил Шарль Рамбер.

Де Прель вышел следом за инспектором.

Закурив сигару, де Прель удобно устроился в кресле, Жюв тем временем расхаживал взад и вперед по комнате, изучая ее своими быстрыми, зоркими глазами.

– Не будем торопиться, позволю себе сказать это еще

раз, господин следователь, и вот почему, — вновь заговорил Жюв. — Я полагаю, что в этом деле следует прежде всего решить два принципиальных вопроса: каков характер самого преступления и какими мотивами руководствовался преступник? Если вы не против, давайте сейчас же попытаемся ответить на оба эти вопроса, и прежде всего спросим себя: как следует квалифицировать юридически убийство маркизы де Лангрюн? Первый вывод, к которому приходишь после осмотра места преступления и трупа, — преступление относится к разряду убийств, совершенных с особой жестокостью. По внешнему виду жертвы можно уже кое-что сказать о характере убийцы: очевидно, удары такой силы мог нанести человек низкого происхождения, из преступной среды, профессионал.

— Почему вы пришли к такому выводу? — поинтересовался де Прель.

— Вспомните, как выглядит рана, вы ведь осматривали покойную: горло почти полностью рассечено каким-то режущим предметом. Рану такой глубины и ширины невозможно нанести одним ударом, очевидно, убийца вошел в раж и перестарался. Это говорит о том, что убийце отнюдь не претило его деяние, такие убивают без страха, а может, даже без волнения! Внешний вид раны говорит еще и о том, что убийство совершено человеком сильным: вам, конечно, известно, что люди слабые физически, с плохо развитой мускулатурой бьют обычно в глубину, а значит, острым орудием, в то время как люди сильные предпочитают режущие удары, страшные широкие раны...

— Ваши выводы абсолютно верны, — согласился де Прель, — и я вслед за вами склонен думать, что мы действительно имеем дело с убийством именно этого рода. Но может, вы сделали еще какие-нибудь наблюдения?

— Давайте теперь попробуем, — сказал Жюв, — определить, каким орудием было совершено убийство. Мы его не нашли — пока, во всяком случае. Я отдал распоряжение опорожнить все выгребные ямы, вычистить в парке пруд и обыскать все кустарники, но независимо от того, увенчаются наши поиски успехом или нет, я абсолютно уверен, что орудием преступления является обычный нож с фиксатором, самый примитивный нож, каким пользуются грабители. Маркиза де Лангрюн была убита не благородным кинжалом.

— Что заставляет вас так думать?

— Опять же внешний вид раны. Если бы убийца воспользо-

вался колющим орудием, он бы бил, скорее всего, в сердце, а он резал горло, резал лезвием, это важно, значит, орудием убийства был нож, а не кинжал, а само убийство совершено профессионалом.

– И что из этого следует? – спросил де Прель.

– А то, что такое преступление вряд ли мог совершить Шарль Рамбер, – со значением сказал Жюв. – Молодой человек из хорошей семьи, да еще в таком юном возрасте никак не может оказаться профессиональным убийцей!

– Действительно! – пробормотал де Прель.

– А теперь, с вашего позволения, господин следователь, рассмотрим мотив или мотивы преступления. Зачем преступнику понадобилось убивать?

– Гм, конечно, с целью ограбления, – с запинкой отвечал де Прель.

– А что он украл? – спросил Жюв. – Ведь на ночном столике маркизы прямо на виду были найдены все ее перстни, бриллиантовая брошь и кошелек... само собой разумеется, я тщательно исследовал содержимое всех взломанных ящиков и обнаружил и другие драгоценности, а также золотые и серебряные монеты на сумму пятьсот десять франков, три банковских билета по пятьдесят франков... Хорош вор, если он не замечает деньги и драгоценности, которые сами лезут к нему в руки!

– Да, это и в самом деле странно, – признал следователь.

– Конечно, странно! Может, он метил на что-то большее? Но на этот вопрос, признаться, я затрудняюсь дать ответ.

– Понимаю.

Жюв продолжал свои рассуждения:

– Другое дело, если преступник никакой не профессионал, а маньяк, сумасшедший, который совершил убийство без всякой цели, в приступе безумия, – к сожалению, такое и сейчас случается довольно часто.

– И что тогда? – перебил его де Прель.

– Тогда я бы вновь вернулся к молодому Рамберу, потому что хотя даже самые серьезные улики не могут заставить нас поверить, что Рамбер профессиональный убийца, но на роль маньяка он годится вполне. Мать его, кажется, страдает умственным расстройством, и, если предположить на минуту, что Шарль Рамбер истерик, больной, он вполне может быть повинен в убийстве маркизы де Лангрюн – кстати, это никак не противоречит нашим предыдущим выводам насчет физической силы убийцы, потому что у психически больного чело-

века при определенных обстоятельствах силы могут удесятеряться. К тому же, – продолжал Жюв, жестом остановив следователя, который намеревался было что-то у него спросить, – вскоре я буду располагать весьма точными данными о мускульной силе убийцы: доктор Бертильон* недавно изобрел замечательный динамометр, позволяющий точно определить силу человека, который произвел взлом... Я отправил на исследование образчик доски от взломанного ящика и вскоре получу нужные сведения.

– Это действительно может иметь решающее значение, – подтвердил де Прель. – Но, раз мы до конца не уверены в виновности Шарля Рамбера, давайте подумаем, нет ли у нас оснований подозревать еще кого-нибудь.

– Да, мы вполне можем методом исключения ограничить круг подозреваемых, – предложил Жюв, – и приступим к этому немедленно, это будет еще одним шагом вперед.

Следователь согласился и начал первым.

– На мой взгляд, старые служанки, Луиза и Мари, вне подозрений, – заявил он. – Что же касается бродяг, которых мы арестовали и отпустили, – не считая вас, Жюв, – это слишком безликие, примитивные создания.

Жюв утвердительно кивнул головой, и следователь продолжал:

– Теперь – Доллон. Думаю, вы согласитесь со мной, господин Жюв, что он представил нам бесспорное алиби: всю ночь до пяти часов утра он просидел вместе с врачом у постели больной жены. Видимо, его тоже надо исключить из числа подозреваемых.

– Тем более что, как установил судебный врач, преступление было совершено между тремя часами ночи и четырьмя часами утра, – подтвердил Жюв. – Теперь посмотрим, как обстоят дела с Этьенном Рамбером.

– Этьенн Рамбер, – сейчас же откликнулся де Прель, – выехал в тот день около девяти вечера с вокзала Орсэ пассажирским поездом, который прибывает в Веррьер утром, без пяти минут семь. Он провел ночь в поезде и прибыл именно им – лучшего алиби быть не может.

*Бертильон (Бертийон), Альфонс (1853–1914) – французский криминалист, разработавший некоторые полицейские приемы раскрытия преступлений (в "бертильонаж", созданную им научную систему установления личности преступника, входили: антропометрия, словесный портрет, сигналетическая фотография и описание особых приметы). – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

– Действительно не может, – отозвался Жюв и продолжил: – Значит, нам остается только Шарль Рамбер? – И, внезапно оживившись, он заговорил с воодушевлением: – Преступление было совершено абсолютно бесшумно, убийца находился в доме, он подошел к комнате маркизы, тихонько постучал, маркиза открыла ему дверь, она не удивилась, увидав его, она его знала, он прошел вместе с ней в ее комнату...

– Подождите, подождите, Жюв, – прервал его де Прель, – тут у вас концы с концами не сходятся: вы забыли, что дверь в комнату маркизы была взломана, задвижка сорвана, она буквально висела на болтах...

Жюв с улыбкой взглянул на него.

– Я ждал этого вопроса, господин следователь! Но прежде, чем я вам отвечу, сделайте любезность, пройдите со мной еще раз на место преступления, я покажу вам нечто любопытное.

Жюв пересек коридор и вошел в комнату маркизы де Лангрюн.

– Взгляните-ка еще раз на эту задвижку, – сказал Жюв де Прелю, – вы не находите в ней ничего странного?

– Нет... – отвечал следователь.

– А вот я нахожу! – воскликнул Жюв. – Задвижка вырвана, но сама скоба, куда она должна входить при запирании двери, цела. Однако, если бы дверь действительно взламывали, скоба вылетела бы вместе с задвижкой.

– Это значит, что... – пробормотал де Прель.

– Посмотрите-ка внимательнее на эти шурупы, – продолжал Жюв.

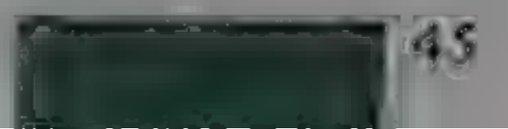
– Да, вот тут я вижу совсем свежие царапины, – присмотревшись, сказал следователь, – отсюда я делаю вывод, что...

– Да говорите же! Говорите! – торопил его Жюв.

– ...что на самом деле эти шурупы вовсе не были вырваны, – робко продолжал следователь, – а просто вывинчены... и, значит...

– ...и, значит, – подхватил Жюв, – все это подстроено специально; и мы можем быть совершенно уверены, что убийца, поступая таким образом, просто хотел пустить нас по ложному следу, заставить поверить, что дверь была взломана, в то время как она была открыта самой маркизой де Лангрюн. Значит, убийца был ей знаком!

Жюв внезапно остановился, а затем без всяких церемоний повлек следователя обратно в комнату Шарля Рамбера. Он прошел прямо в ванную, опустился на колени и ткнул пальцем в клеенку, которая была расстелена на полу:



— Что вы здесь видите, господин следователь?

Следователь поправил свой монокль и, пристально посмотрев на то место, куда указывал ему полицейский, обнаружил маленькое черное пятнышко.

— Это кровь? — спросил он.

— Кровь! — подтвердил Жюв. — И, следовательно, история с окровавленным полотенцем, обнаруженным Рамбером-отцом в туалетных принадлежностях сына, не выдумка впечатлительной мадемуазель Терезы, оно действительно существовало и является решающей уликой против молодого человека.

Де Прель наклонил голову.

— Да, тут ничего не скажешь, виновность Шарля Рамбера можно считать доказанной!

Помолчав несколько секунд, Жюв вдруг сказал:

— Нет, нельзя!

Де Прель застыл в изумлении.

— Как? — вскричал он. — Вы это серьезно?

— Абсолютно серьезно. Да, у нас есть основания предполагать, что убийство совершено кем-то, кто находился в доме, и в этом случае убийца, несомненно, Шарль Рамбер, но мы не можем исключать возможность того, что кто-то проник в дом снаружи... Что, например, мешало убийце войти в дом через дверь?..

— Но ведь дверь была заперта на ключ...

— И что из этого? — усмехнулся Жюв. — Уверяю вас, самое ненадежное, что можно придумать, — это замок, открываемый ключом. Вот если бы дверь запиралась на обычный засов, хороший надежный засов, как в прежние добрые времена, я бы сказал вам: в дом никто не входил, потому что войти в помещение, закрытое на засов, можно лишь одним способом — взломав дверь. Но мы-то имеем дело с замками, которые открываются ключом, и нет такого ключа, с которого нельзя было бы снять слепок, и нет такого слепка, с помощью которого нельзя было бы сделать дубликат. Ну а с дубликатом войти — раз плюнуть...

— Но если бы убийца проник в дом снаружи, — возразил де Прель, — он бы наверняка оставил следы возле него, а мы ничего не обнаружили...

— Ошибаетесь! — поправил его Жюв. — Прежде всего... у нас имеется обрывок карты Тарида*, — и Жюв вынул его из

*Комплект туристских схем отдельных городов и районов Франции с указанием их основных достопримечательностей.

кармана, – я нашел его вчера по дороге от замка к насыпи, и на этом обрывке, по странному совпадению, как раз окрестности замка Болье...

– Это не доказательство, – прервал его следователь. – Что странного в том, что в нашем районе найден кусок карты нашего же района?.. Вот если бы вы нашли у кого-то оставшуюся ее часть, вот тогда...

– Смею вас уверить, – сказал Жюв, – что я займусь этим в самое ближайшее время. К тому же карта – не единственное, чем я располагаю в поддержку своей версии. Сегодня утром возле насыпи я обнаружил весьма подозрительные следы...

– Ну, и что из этого, по-вашему, следует? – отозвался следователь, на которого открытие Жюва вроде бы не произвело большого впечатления.

Жюв принялся размышлять вслух:

– А почему бы нам не объединить обе эти версии? Если мы предположим, что убийца находился в замке до совершения преступления и покинул замок сразу же после? Что вы скажете о преступнике, который, совершив убийство, вскочил в поезд на ходу, оставив на насыпи следы, которые я и обнаружил?

– Скажу, что поезд – это не трамвай, в него так просто не вскочишь...

– Правильно, – согласился Жюв, – но замечу вам, что возле туннеля, в связи с ремонтными работами, все поезда уже месяц как делают остановку.

Следователь, несколько поколебленный рассуждениями Жюва, все же привел еще одно возражение:

– Но мы ведь не нашли никаких следов возле замка.

– Не нашли, – признал Жюв, – но я заметил на клумбе, прямо под окнами маркизы, участок удивительно ровной земли. Если бы я спрыгнул со второго этажа на рыхлую землю и захотел уничтожить следы от своих ботинок, картина была бы именно такой.

– Мне бы хотелось взглянуть самому...

– Что ж, за этим дело не стало! – согласился Жюв.

Де Прель с Жювом быстро спустились по лестнице и вышли из замка. Доро́гой следователь спросил у Жюва, как, по его мнению, можно объяснить отсутствие следов на газоне.

– Все очень просто, – сказал Жюв. – Если, как мы предполагаем, убийца пробежал по газону, то это случилось ночью, под утро же выпала роса, а общеизвестно, что, когда роса ис-

парятся, травы, примятые людьми или животными, распрям-
ляются и всякие следы исчезают.

Наконец следователь и инспектор дошли до того участка на клумбе, который, по выражению Жюва, был слегка "подправлен", и, опустившись на колени, внимательно осмотрели землю. Рядом с клумбой раскинул свои листья крупный ревень, от которого на клумбу даже падала тень. Жюв, мимоходом взглянув на ближайший лист, невольно издал изумленный возглас.

– Ну вот, так я и знал! – удовлетворенно воскликнул он.

– В чем дело? – спросил следователь.

– Смотрите! – Жюв показал де Прелю лист ревеня, весь усыпанный маленькими черными точками.

– Что это? – удивился де Прель.

Жюв ладонью очистил поверхность листа.

– Земля, обычная земля, как та, что десятью сантиметрами ниже, вокруг нас...

– Ну и что?

– А то, что, по моему убеждению, – улыбнулся Жюв, – обычная земля и даже растения не способны передвигаться самостоятельно, тем более прыгать на десять сантиметров в высоту!

Поскольку следователь молчал, Жюв продолжил:

– Отсюда я делаю вывод, что, раз эта земля не попала на ревень сама по себе, она была туда принесена! Вы спросите меня – как? Да очень просто! Тот, кто прыгнул в этом месте на клумбу, господин де Прель, уничтожил следы от своих ботинок, разровняв землю руками, а поскольку руки у него оказались грязными, в земле, он машинально отряхнул их; земля, которая прилипла к его пальцам, разлетелась в разные стороны, и часть ее попала на лист ревеня, где мы ее и обнаружили. Таким образом, совершенно очевидно, что если даже убийца и не проникал в замок снаружи, то он по крайней мере бежал оттуда после совершения убийства.

– В таком случае это был, наверно, не Шарль Рамбер!

– И все же получается, что это был именно он.

Наступило молчание. Де Прель, которого все больше и больше раздражали выкрутасы Жюва, обдумывал его слова.

– Есть еще одна, последняя версия, которую мне придется тоже изложить вам, – вновь заговорил Жюв, – хотя вряд ли она вам понравится. Видите ли, сударь, преступление в Больё – преступление странное, загадочное, таинственное; в общем, это настоящее преступление в духе... Фантомаса!

Услышав от полицейского это почти легендарное имя, де Прель пожал плечами:

– Вот так так! Я бы никогда не поверил, что вы призовете на помощь Фантомаса! Фантомас, черт возьми, – это слишком легкий выход, самый простой способ объяснить преступление! Между нами говоря, я считаю всю эту историю с Фантомасом просто шуткой, придуманной в кулуарах Дворца Правосудия. Фантомас не существует!

Жюв вздрогнул. И после минутного молчания заговорил очень серьезно:

– Напрасно вы смеетесь, сударь! Ой как напрасно! – Он говорил сдержанно, но выделял каждое слово, точно хотел таким способом подчеркнуть свою убежденность. – Вы следователь, а я всего лишь скромный инспектор сыскной полиции, но вы практикуете три-четыре года, а может, и того меньше, а я пятнадцать лет, и я знаю, что Фантомас существует! И мне вовсе не смешно, когда я начинаю подозревать, что к делу причастен Фантомас!..

Де Прель смотрел на полицейского, не скрывая своего удивления.

– Никто никогда не посмел бы назвать меня трусом, – продолжал Жюв. – Я видел смерть вблизи. Целые банды злодеев клялись разделаться со мной... Мне угрожали местью... Пусть! Меня это не трогает! Но когда мне говорят о Фантомасе, когда в каком-нибудь деле я чую присутствие этого гениального злодея, тогда, господин де Прель, мне становится страшно! Мне, Жюву! Страшно, потому что против Фантомаса нельзя бороться обычными средствами, потому что храбрость его не имеет границ, могущество его беспредельно... потому что, чего уж там, господин де Прель, все, кто пытался бороться с ним – мои друзья, сослуживцы, начальники, – все до одного погибли!.. Фантомас существует, я знаю это, но кто он? Можно без страха смотреть в лицо опасности, но безликая опасность, о которой только догадываешься, внушает ужас.

– Да что он, дьявол, что ли, этот Фантомас? – перебил его следователь. – Уж наверно он такой же человек, как все!

– Да, вы правы. Это человек, такой же как мы с вами, но этот человек, повторяю вам, гений! У него какой-то особый дар убивать, не оставляя никаких следов. Его не видишь, а угадываешь... его не слышишь, а предчувствуешь... Если в этом деле замешан Фантомас, то я не уверен, сможем ли мы когда-нибудь его распутать!

Но ведь это не значит, дорогой мой Жюв, что мне надо бросать следствие? – спросил де Прель, на которого речь Жюва, хотел он того или нет, все же произвела впечатление.

Полицейский рассмеялся невеселым смехом:

– Что вы, сударь. Если я и признался вам, что мне страшно, то совсем не имел в виду, что я трус! Будьте уверены, свой долг я выполню до конца!..

У них за спиной раздались чьи-то шаги, и они обернулись: это оказался запыхавшийся почтальон.

– Кто-нибудь из вас, господа, знает господина Жюва?

– Жюв – это я, – ответил полицейский. Он взял телеграмму, резким движением раскрыл ее и, пробежав глазами, вздрогнул от неожиданности.

– Прочтите, господин следователь, прошу вас! – сказал он, протягивая телеграмму де Прелю.

Телеграмма была послана из сыскной полиции и имела следующее содержание:

"Срочно возвращайтесь Париж, исчезновением лорда Белсома кроется страшное преступление. Предполагаем участие Фантомаса".

VII АГЕНТСТВО "SOUTH STEAMSHIP CO..."*

– Здесь живет господин Гурн?

Консьержка дома номер 147 по улице Левера, госпожа Дуланк, как раз только что вернулась в свой закуток, наспех подметя на лестницах, и теперь с любопытством разглядывала человека, который задал ей этот вопрос. Перед ней стоял высокий темноволосый мужчина с пышными усами, в мягкой шляпе и в пальто, застегнутом сверху доотзу, с поднятым чуть ли не до ушей воротником.

– Здесь живет господин Гурн? – повторил свой вопрос посетитель.

– Его нет, сударь, – ответила консьержка. – Он в отъезде, и уже довольно давно.

– Это мне известно, – не отступал незнакомец, – и все же, мадам, я хотел бы подняться к нему в комнату, так что прошу вас меня туда проводить.

Мужчина стал рыться в кармане, словно собираясь пред-

*"Южное пароходное агентство" (*англ.*).

явить письмо или удостоверение в оправдание столь нелепой просьбы, но удивленная консьержка после нескольких минут раздумья опередила его:

– Вы хотели бы?.. А-а! Все ясно! Вы пришли за вещами? Вы из агентства... подождите, как же называется это агентство?.. Какое-то чудное название... кажется, английское...

Консьержка распахнула дверь, которую до сих пор держала полуоткрытой, и, зайдя в свой закуток, стала шарить в ящиках, куда обычно раскладывала почту жильцов, пока не отыскала в ящичке Гурна потрепанный проспект. Поправив очки, консьержка принялась изучать его; тем временем незнакомец, незаметно подойдя к ней сзади, бросил через ее плечо быстрый взгляд на бумагу и, так же осторожно отойдя в сторону, непринужденно сказал:

– Я из "South Steamship Co..."

– Да, так оно и есть, "South...", – с трудом выговорила консьержка. – Прямо язык сломаешь... Однако в вашем агентстве не очень-то торопятся, я жду вас уж никак не меньше трех недель. Господин Гурп сказал, что за багажом придут через несколько дней после его отъезда. – Госпожа Дуланк машинально выглянула в окно своей комнатенки, которое выходило во двор. Потом вновь осмотрела с головы до ног своего посетителя: для грузчика он был одет что-то слишком хорошо. – Но ведь у вас нет ни тележки, ни грузовика, не на спине же вы чемоданы потащите?..

Незнакомец немного помедлил, но ответил спокойно:

– Нет, сейчас я ничего не возьму. Мне только нужно осмотреть багаж, чтобы иметь представление, насколько он громоздок. Проводите меня, пожалуйста.

– Ну, раз нужно, – тяжело вздохнула консьержка. – Это на шестом!

Взбираясь по лестнице, она ворчала:

– Что бы вам прийти чуть-чуть пораньше, пока я подметала лестницу, а то вот приходится второй раз взбираться на сто двадцать ступенек.

Наконец они поднялись на шестой. Вынув из кармана ключ, консьержка открыла дверь. Квартира оказалась скромной, но обставлена была не без изящества. В первой комнате, одновременно столовой и гостиной, окна были во всю стену, и из них открывался прекрасный вид: никаких домов по соседству, одни сады до самого горизонта. Так что любопытства соседей можно было не опасаться.

– Надо бы проветрить, – пробормотала консьержка, – а

то господин Гури, когда вернется, будет недоволен.

Так он часто бывает в отъезде? — спросил незнакомец.

Конечно. Господин Гури — он вроде коммивояжера, все время разъезжает. Наверно, это не так уж приятно, но, видно, зарабатывает он неплохо — во всяком случае, никогда не скупится.

— Вот как, — откликнулся мужчина в мягкой шляпе, — значит, никогда не скупится?

— Нет, сударь.

И болтливая консьержка пустилась в бесконечное перечисление презентов, которые она получала от своего постояльца, незнакомец тем временем рассматривал на камине фотографию молодой женщины.

— Это госпожа Гурн? — спросил он.

— Господин Гурн не женат.

Мужчина в мягкой шляпе, подмигнув и понимающе усмехнувшись, полушепотом спросил:

— Подружка? Да?

Консьержка отрицательно покачала головой:

— Нет, это не совсем то, что вы думаете, к тому же на фотографии она совершенно на себя не похожа.

— Так вы ее знаете?

— И знаю, и не знаю. Когда господин Гурн в Париже, она часто бывает у него, и всегда днем... Очень элегантная женщина, такую не часто встретишь у нас в Бельвиле, по-моему, эта женщина — из высшего света, она всегда под вуалью, мимо меня проходит очень быстро, никогда не остановится поговорить, но зато никогда не забывает оставить мне монетку в сто су...

— Она, как видно, тоже щедрая, — заметил незнакомец, которого, видимо, заинтересовали откровения консьержки.

— Это уж точно.

На лестнице раздался мощный бас: звали консьержку.

Госпожа Дуланк выбежала на лестничную клетку.

— Я на шестом! — крикнула она. — Что случилось? Что вам от меня надо?

— Гурн здесь живет?

— Поднимайтесь, я как раз у него. — Вернувшись в квартиру, консьержка не удержалась от комментария: — Опять спрашивают господина Гурна. Словно сговорились.

— А что, у него часто бывают гости? — сейчас же поинтересовался незнакомец.

— То-то и оно, что очень редко. Поэтому я и удивляюсь

Появились двое мужчин – одежда сразу выдавала их профессию. Это были грузчики. Один из них собирался заговорить, но консьержка опередила его и, повернувшись к мужчине в мягкой шляпе, спросила:

– Ах, вот уже и ваши рабочие, пришли за вещами? Так быстро?

Незнакомец скривился, хотел было что-то сказать, но промолчал. Зато заговорил один из грузчиков.

– Мы из "South Steamship Co...", – сказал он резко, – мы пришли забрать вещи господина Гурна. Это? – Грузчик указал на два огромных чемодана и две небольшие коробки, стоящие в первой комнате, в углу.

– Как? – удивилась госпожа Дуланк. – Вы не вместе?

Незнакомец хранил молчание. Грузчик объявил без колебаний:

– Конечно, нет, этого господина мы не знаем. Ну давай, взяли, – обратился он к своему товарищу.

Но, прежде чем грузчики успели двинуться с места, консьержка одновременно с мужчиной в мягкой шляпе оказались между ними и вещами.

– Нет, – сказал незнакомец вежливо, но властно, – вы ничего не унесете.

Вместо ответа один из грузчиков вынул из кармана засаленный, мятый блокнот и стал листать его. Внимательно прочтя нужную страницу, он сказал:

– Вот заказ, все точно... – Он снова сделал знак своему товарищу: – Взяли!..

У госпожи Дуланк уже не было сомнений, что происходит что-то неладное. Разволновавшись, она выскочила на лестничную клетку и закричала встревоженным голосом:

– Госпожа Орор!.. Госпожа Орор!..

Человек в мягкой шляпе бросился за ней, решительно взял ее под руку и вернул обратно в комнату.

– Прошу вас, мадам, – сказал он тихо, – не шумите! Не кричите!

Но консьержка уже впала в панику от странного поведения мужчин.

– Ах, зачем только я вас пустила! – пронзительно визжала она. – Я ничего не понимаю... Кто вы все такие? Не смейте прикасаться ко мне!.. Не смейте!.. Что вам здесь нужно?

– Да я же говорю вам, у нас заказ, – твердил свое грузчик. – Посмотрите на квитанцию. Вон там наверху штамп агентства. И если этот господин, – грузчик указал на незна-

комца, – утверждает, что он тоже от нас, он врет, это я вам говорю...

Самозванец сохранял полное спокойствие. Консьержка, еще больше испугавшись, снова закричала:

– Госпожа Орор! Госпожа Орор!..

Загадочный незнакомец двинулся к ней.

– На помощь! На помощь! – не своим голосом завопила госпожа Дуланк.

Грузчик потерял терпение.

– Какого черта, грабить мы, что ли, вас пришли? Тогда давайте ведите сюда полицию, нам-то что, нам на нее плевать с высокого дерева!

Но тут его взгляд упал на незнакомца.

– А-а, я, кажется, понимаю, в чем тут дело, – заговорил он с решительным видом, – видимо, господин сам не знает, чего хочет. – И, повернувшись к своему товарищу, сказал: – Ну-ка, Огюст, сбегай на угол, приведи сюда фараона, пусть господин объяснится с консьержкой при нем!

Огюст поспешил исполнить его распоряжение. Прошло несколько тревожных минут, в течение которых присутствующие не обменялись ни единым словом. Консьержка, вся дрожа, стояла в прихожей, готовая в любую минуту выскочить на лестницу. Грузчик, не выпуская из рук блокнота, с насмешливым видом разглядывал мужчину в мягкой шляпе, которого, казалось, ничуть не заботило происходящее – он только рассеянно поглядывал вокруг. На лестнице раздались тяжелые шаги. Поднимались Огюст с ажаном.

– Что здесь происходит? – величавым и торжественным голосом осведомился он.

При появлении постового все лица прояснились, консьержка перестала дрожать, с лица грузчика исчезла насмешка. Обе были готовы пуститься в объяснения, но мужчина в мягкой шляпе, опередив их, первым подошел к ажану, встал прямо перед ним и, глядя ему в глаза, произнес:

– Сыскная полиция! Инспектор Жюв!

Ажан, совершенно не ожидавший такого заявления, отпрянул на шаг, но тут же, подняв глаза на говорившего, вскинул руку к своей фуражке и встал в почтительную позу.

– Прошу меня извинить, господин инспектор! Я вас не узнал... господин Жюв! А вы ведь долго жили в нашем квартале! – Потом он с раздраженным видом повернулся ко второму грузчику и приказал: – Вперед, и без глупостей!

Инспектор сыскной полиции Жюв, который тем самым

раскрыл свое инкогнито, улыбнулся, понял, что ажан принимает грузчика агентства "South Steamship Co..." за воришку.

– Все в порядке, – объявил он, оставьте в покое этого человека, он ни в чем не виноват.

– Но тогда я совсем ничего не понимаю; зачем меня сюда звали? – спросил ажан.

Консьержка, потрясенная тем, что незнакомец оказался полицейским инспектором, сочла нужным вмешаться:

– Если бы господин инспектор сказал мне, что он из полиции, я бы не позволила звать сюда ажана.

– Назовись я раньше, мадам, – с улыбкой возразил Жюв, – в тот момент, когда вы были так взволнованы, вы не поверили бы мне. И все равно позвали бы на помощь. – Он повернулся к изумленным грузчикам: – Что касается вас, любезные, можете возвращаться в свое агентство.

Грузчики запротестовали – у них было еще несколько вызовов, – но Жюв жестом остановил их:

– Все дела придется отложить. Вы должны сейчас же связаться с вашим начальником. Как его зовут?

– Господин Вуланд, – сказал один из грузчиков.

– Прекрасно, передайте господину Вуланду, что я жду его здесь, и прошу поторопиться... И пусть захватит с собой все бумаги, касающиеся их совместных дел с господином Гурном... ясно?

– Куда уж ясней... – отвечал грузчик. – Да ладно, день-то все равно пропащий...

– Вы не останетесь внакладе, – пообещал Жюв.

Грузчики пошли к двери. Инспектор сыскной полиции вполголоса дал им еще одно наставление:

– Ни слова обо всем этом, особенно здешним жильцам. Вы должны сделать только одно – предупредить вашего начальника.

На протяжении четверти часа после того, как грузчики отправились к себе на улицу Отвиль, Жюв осматривал мебель, выдвигал ящики, рылся в платяных и стенных шкафах и одновременно расспрашивал консьержку об ее жильце, господине Гурне, который, казалось, сильно интересовал полицейского.

– Господин Гурн, – рассказывала женщина, – светловолосый, среднего роста, крепкий, бритый по английской моде, а вообще человек как человек, от других его не отличишь, и ничего примечательного в нем нет.

Вряд ли такого рода портрет мог удовлетворить полицей-
ского. Между тем он дал указание жандарму взломать замок
у одного из чемоданов, что тот и совершил с помощью ма-
ленькой отвертки, обнаруженной в кухне, а сам снова обра-
тился к госпоже Дуланк, которая в полной растерянности
неподвижно стояла у стены:

– Вы сказали мне, что у господина Гурна была любовни-
ца. Часто он виделся с этой женщиной?

– Да, господин инспектор, довольно часто, когда жил в
Париже, и всегда днем...

– Они выходили из дома вместе?

– Нет, господин инспектор.

– Эта женщина когда-нибудь проводила здесь ночь?

– Нет, никогда, господин инспектор.

– Понятно, – пробормотал Жюв, как бы разговаривая сам
с собой, – видимо, замужняя...

Госпожа Дуланк неопределенно махнула рукой:

– Вот об этом ничего не скажу...

– Хорошо, – прервал ее Жюв, – потрудитесь передать пид-
жак, который висит за вами.

Консьержка послушно протянула Жюву пиджак, сняв его
с вешалки. Жюв быстро оглядел его, отыскал на внутренней
стороне воротничка этикетку и прочел на ней: "Претория".

– Прекрасно! – воскликнул он вполголоса. – Это как раз
совпадает с моими догадками.

Затем он стал внимательно осматривать деревянные пуго-
вицы, на обратной их стороне было вырезано имя "Смит".
Ажан, проследив за действиями инспектора, счел необходи-
мым, осматривая вещи из чемодана, последовать его при-
меру.

– Господин инспектор, – объявил он, – вещи в этом че-
модане неизвестного происхождения, ярлыков нет.

– Хорошо, – поблагодарил его Жюв, – открывайте второй

Ажан принялся за замок второго чемодана, Жюв тем вре-
менем прошел в кухню и через мгновение вернулся оттуда
держа в руках тяжелую медную колотушку, насаженную на
железную ручку. Эта колотушка явно вызвала его интерес:
он даже взвесил ее на руке, как вдруг ажан громко вскрик-
нул от ужаса. Жюв взглянул на ажана, потом на раскрытый
чемодан и, хотя работа и приучила его ко всему, невольно
вздрогнул. Взгляду его открылась страшная картина: в чемо-
дане лежал труп!..

Госпожа Дуланк, не выдержав этого леденящего душу зре-

лица, в полуобморочном состоянии рухнула в кресло, ажан бросился к ней на помощь. Ничуть не потеряв присутствия духа, Жюв распорядился:

– Сейчас же закройте дверь на лестничную клетку, и в эту комнату тоже: если у женщины начнется первый припадок, никто не должен этого слышать.

Ажан выполнил его указание и вернулся обратно. Женщины из народа редко позволяют себе падать в обморок, госпожа Дуланк после минутной слабости пришла в себя, но с кресла встать она не могла, так и сидела, подавшись вперед и уставившись в одну точку. Впрочем, труп был не столь уж и страшен. Мужчина приблизительно пятидесяти лет, с резкими чертами лица, высоким лбом и залысинами. Несчастный лежал в чемодане весь съежившись, колени его были согнуты, подбородок вдавлен в грудь. На нем был элегантный костюм, и по всему было видно, что он из благородных. Следов насилия заметно не было.

Повернувшись к консьержке, Жюв спросил:

– Когда вы в последний раз видели господина Гурна?

– По крайней мере недели три назад, господин инспектор... да, три недели ровно, и за это время никто сюда не приходил, даю голову на отсечение...

Жюв сделал знак ажану, и тот, догадавшись, склонился над трупом и ощупал его.

– Давно окоченел и одеревенел, – констатировал он, – и, однако, никакого запаха – может, из-за холодной погоды...

Жюв покачал головой:

– Какой бы мороз ни стоял – а сейчас, кстати, не так уж холодно, – труп не может сохраняться в течение трех недель, но вот посмотрите-ка. – И Жюв показал своему подчиненному на маленькое желтое пятнышко у самого кадыка, который у покойного, из-за его худобы, заметно выпирал из расстегнутого воротничка. Не вдаваясь в объяснения, Жюв осторожно приподнял труп под мышки. На шее прямо у последнего позвонка он обнаружил запекшееся пятно крови величиной с пятифранковую монету. – Вот вам и объяснение, – пробормотал Жюв и продолжал осмотр.

Ловко и быстро он обыскал всю одежду мертвеца, обнаружил часы. Один из внутренних карманов был набит деньгами, но ни кошелька, ни бумажника он не нашел, хотя, по всей вероятности, убитый должен был иметь при себе хотя бы документы.

– Гм, гм, – произнес инспектор, не уточняя свою мысль.

И. повернувшись к консьержке, спросил: — Что, у господина Гурна был автомобиль?

— Нет, господин инспектор, но... почему вы так решили? — в свою очередь спросила она.

— Сам не знаю, — после паузы отвечал Жюв, одновременно разглядывая лежащий на этажерке большой никелированный шприц, вместимостью около полулитра, вроде тех, которыми пользуются шоферы. — Раз есть желтое пятно на шее, — сказал он ажану, который на корточках сидел перед трупом, — должны быть такие же и в других местах — скорее всего, на запястьях, на лодыжках и на животе. Посмотрите, только осторожней!

Пока ажан выполнял поручение, инспектор спросил консьержку:

— Кто убирал эту квартиру?

— Ее убирала... я, — запинаясь, ответила консьержка.

— Примите мои поздравления! — с иронией в голосе произнес Жюв. — Вы удивительно прилежны и чистоплотны! Но скажите мне, — продолжал он, показывая на бархатную портьеру, скрывающую дверь из гостиной в прихожую, — вам, видно, все равно, что у вас портьера совсем оторвалась?

— Но, господа, я впервые вижу ее в таком виде! — забеспокоилась мадам Дуланк. — Должна вам сказать, что, поскольку господин Гурн не живет здесь постоянно, я не так часто делаю полную уборку квартиры.

— И когда вы ее делали в последний раз?

— Может, с месяц тому назад.

— То есть господин Гурн уехал неделю спустя после вашей последней уборки?

— Да, господин инспектор.

Жюв переменил тему разговора.

— Скажите мне, вы знали этого человека? — спросил он, указывая на труп.

Консьержка, взяв себя в руки, решилась наконец взглянуть на покойника.

— Я никогда не видела этого господина, — ответила она.

Инспектор осторожно продолжал:

— Значит, вы не заметили, как он поднялся сюда?

— Нет, не заметила, — подтвердила консьержка.

Потом, словно отвечая на пришедшую ей в голову мысль, она сказала:

— Вообще-то странно, господина Гурна спрашивают очень редко, должно быть, этот человек... прошел сам, мимо меня...

Жюв, одобрительно кивая головой, хотел закончить за нее, но в это время раздался звонок в дверь.

- Кто-то, кажется, пришел, – заметила госпожа Дуланк.

– Откройте дверь, – приказал инспектор.

Вошел молодой человек лет двадцати пяти с голубыми глазами, по всей видимости, англичанин. Посетитель представился с сильным акцентом:

– Вуланд, директор "South Steamship Co...", меня просили прийти к господину Гурну по приказанию полиции.

Жюв сделал шаг вперед:

– Извините за беспокойство, господин Вуланд, разрешите и мне представиться: Жюв, инспектор сыскной полиции. Проходите, пожалуйста.

Вуланд величественно и невозмутимо прошел в комнату; оглядевшись, он неожиданно увидел открытый чемодан и в нем труп. Ни один мускул в его лице не дрогнул. Господин Вуланд был англичанин до мозга костей и в любой ситуации умел сохранять хладнокровие – отличительную черту всех англосаксов.

– Сударь, будьте так любезны, – попросил Жюв, – покажите мне, пожалуйста, все документы, относящиеся к перевозке вещей из квартиры Гурна!

– Я в вашем распоряжении, господин инспектор... Вот письмо, которое мы получили из Лондона от лорда Белсома четыре дня назад, а именно четырнадцатого декабря, в нем он просил нас семнадцатого декабря, то есть сегодня, забрать багаж в количестве четырех мест, помеченный буквами H.W.K., из квартиры господина Гурна. Наш клиент пишет также, что консьержка получила соответствующие распоряжения и не будет чинить препятствий.

– Куда вы должны были его отправить?

– Наш клиент, – продолжал Вуланд, – указывал в письме, чтобы мы отправили его багаж на первом пароходе, отплывающем в Трансвааль, с тем чтобы в дальнейшем переправить его в Йоханнесбург, где он намеревался его получить. К багажу, как положено, мы должны были приложить два коносамента, третий же отправить в Лондон, Чэринг Кросс, абонементный ящик шестьдесят три, до востребования.

Жюв отметил в своем блокноте: "Чэринг Кросс, 63".

– На чье имя вы должны были послать коносамент?

– На имя Белсома.

– Хорошо. Другими документами вы не располагаете?

– Нет, – отвечал Вуланд.

Молодой человек был все так же невозмутим; Жюв несколько минут молча разглядывал его, потом заметил:

– Сударь, последнее время по Парижу ходили разные слухи о лорде Белсоме, в частности о том, что этот весьма известный в светских кругах человек неожиданно исчез. Вряд ли вы про это ничего не слышали. Как же вы не удивились, получив четыре дня назад от него письмо?

– Я действительно слышал об исчезновении лорда Белсома, – отвечал Вуланд, – но ничего конкретного по этому поводу мне известно не было. Лорд Белсом мог исчезнуть по своей воле и против нее, решать этот вопрос не в моей компетенции. Когда я получил письмо, я решил просто выполнить те указания, которые в нем содержались.

– Уверены ли вы, что письмо было послано именно лордом Белсомом?

– Я уже говорил вам, сударь, что лорд Белсом многие годы был нашим клиентом, мы неоднократно осуществляли перевозку его багажа, и последнее распоряжение, поступившее от него, не вызвало никаких подозрений, потому что это письмо ни бумагой, ни стилем не отличалось от предыдущих.

Жюв молчал, погруженный в свои мысли.

– Есть ли еще необходимость в моем присутствии? – все с тем же достоинством спросил Вуланд.

Жюв поднял голову.

– Нет, господин Вуланд, благодарю вас.

Вуланд, едва заметно кивнув головой в знак прощания, повернулся и направился к двери, но тут Жюв вновь окликнул его:

– Господин Вуланд! Вы лично знакомы с лордом Белсомом?

– Нет... Лорд Белсом всегда передавал нам свои распоряжения письменно, два или три раза он нам звонил, но в агентство не приходил никогда.

– Благодарю вас, – сказал на это Жюв.

Жюв тщательно расставил по своим местам все предметы, которые были сдвинуты во время обыска. Осторожно прикрыл крышку чемодана, избавив, таким образом, несчастного покойника от посторонних взглядов. Потом застегнул свое пальто и обратился к ажану:

– У вас какой комиссариат?

– Улица Рампонно, сорок шесть, – отвечал ажан, – двадцатый округ, мой пост совсем рядом.

– Хорошо, оставайтесь здесь, пока я не пришлю вам смену, а я зайду к вашему комиссару.

И, опустив голову, инспектор медленно пошел к двери.

Ошибки быть не могло: труп в чемодане, покойник – не кто иной, как лорд Белсом! Жюв не раз видел его и опознал мгновенно. Но кто убийца?

– Да, все вроде бы говорит за то, что убийцей является Гурн, – бормотал себе под нос Жюв. – Но есть кое-какие сомнительные детали: обычный убийца никогда бы не отважился на столь смелое преступление, тут действительно нужен профессионал; более того, профессионал, здорово набивший руку. – И совсем тихо, удрученно Жюв добавил: – Может, я правда схожу с ума и все это плод моего воображения, но все-таки совершить такое убийство в самом центре Парижа, с такой смелостью, с твердой верой в безнаказанность и при этом так ловко замести следы... все это напоминает мне... манеру... Фантомаса!

VIII

УЖАСНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Пока Жюв, отозванный телеграммой в Париж, весьма успешно вел там расследование нового дела, в окрестностях замка Болье события продолжали развиваться. Шарля Рамбера так еще и не нашли.

С грохотом и лязгом съехав вниз по косогору, Бузиль остановил свою невероятную колымагу возле хижины старухи Шикар. Мамаша Шикар сразу догадалась, кто к ней пожаловал. Несмотря на свои восемьдесят три года, она вооружилась шваброй и выскочила на порог.

– А-а, это ты! – грозно закричала она. – Бандит! Разбойник! Ворюга! Сколько ты зла беднякам причинил, подумать страшно! Что тебе надо?

Бузиль, явно сконфуженный, опустив голову, медленно подошел к ней.

– Не сердитесь, мамаша Шикар, – умоляюще сказал он, как только смог вставить слово, – вот хочу вам кое-что предложить, может, и договоримся, а?

Старуха недоверчиво посмотрела на бродягу.

– Не знаю, не знаю, не очень-то я тебе доверяю.

Мамаша Шикар, которая по плохой погоде вовсе не была расположена торчать на улице, вернулась в дом. Бузиль ре-

шительно двинулся следом и тщательно закрыл за собой дверь.

– Какая погода поганая, – проговорил он.

– Разве это не свинство с твоей стороны – украсть у меня кролика, да еще самого лучшего? – Мамаша Шикар упорно гнула свою линию.

– Да что вы устраиваете истерику из-за драной кошки! – закричал бродяга. – Лучше послушайте, что я вам скажу, уверен, будете довольны.

Это обещание несколько успокоило мамашу Шикар, и она опустилась на табурет. Бузиль тем временем решительно взгромоздился на стол.

– Ну, выкладывай, – сказала старуха.

– Так вот, будем считать, что ваш кролик потянул бы на рынке два франка пятьдесят, а я принес вам за него двух кур, каждая по сорок су, и если в полдень вы накормите меня супом, то я все утро готов на вас работать.

Прежде чем ответить, мамаша Шикар захотела взглянуть на кур. Бузиль извлек их из котомки: несчастные птицы, связанные за лапы, полузадохшиеся, имели довольно жалкий вид.

– Откуда у тебя эти куры? – спросила мамаша Шикар для виду, потому что нисколько не сомневалась, каким праведным путем они добыты.

Бузиль неопределенно махнул рукой.

– Это касается только меня и курочек, – пробормотал он. – Ну так что, по рукам?

– Ладно уж! Сейчас ты мне наколешь дров, а потом пойдешь на речку и нарежешь тростника.

– Только сначала поставлю мои автомобили к сараю, – важно объявил Бузиль, весьма довольный состоявшимся примирением.

– Твои автомобили? – с удивлением переспросила старуха. – У тебя их что, несколько?

– Конечно, – гордо отвечал бродяга, – целых три.

Через несколько минут из-за домика показался столь странный экипаж, что мамаша Шикар не смогла удержаться от смеха. Сам Бузиль сидел на трехколесном велосипеде допотопной конструкции: два больших колеса сзади и одно, совсем маленькое, спереди – направляющее; к нему вела совершенно заржавевшая рулевая колонка, которая вверху заканчивалась облезлым никелированным рулем. И, однако, эта первая колымага не шла ни в какое сравнение с двумя

другими; велосипед тащил за собой на толстой веревке плетеную ивовую колыбельку на четырех колесах, похожую на детскую прогулочную коляску. В нее Бузиль складывал все тряпье, которое ему удавалось раздобыть во время своих долгих странствий. И, наконец, третья посудина, замыкающая этот фантастический состав, представляла из себя маленькую тележку – коробочку из-под марсельского мыла – на деревянных колесиках. На этой тележке Бузиль обычно возил съестные припасы, сваливая их в кучу: хлеб, масло, вино, овощи. Если свой трехколесный велосипед Бузиль величал локомотивом, то ивовая корзинка была у него спальным вагоном, ну а коробка из-под марсельского мыла именовалась вагоном-рестораном.

– А мне, Бузиль, говорили, что ты сидишь в тюрьме из-за моего кролика и по делу маркизы, – сказала мамаша Шикар.

– Ах, мамаша Шикар, – отвечал Бузиль, – не путайте, пожалуйста, это две совершенно разные истории, и клянусь вам: что касается маркизы, совесть моя абсолютно чиста.

– Ладно-ладно, ну а как насчет кролика?

– А насчет кролика, – сказал Бузиль и почесал затылок, – тут дело другое, но мы же вроде все уладили?

Переговариваясь с мамашей Шикар, Бузиль принялся за дрова, а сама она села чистить картошку для супа. Через какое-то время Бузиль, утерев пот со лба, щелкнул языком:

– Давайте я растоплю печь, мамаша Шикар, пора нам подзаправиться.

– И правда, – отозвалась старая женщина, – скоро половина двенадцатого, давай поедим, а потом ты займешься тростником.

За едой Бузиль поделился с мамашей Шикар своими планами на будущее.

– Раз уж этой зимой я на воле, хочу попутешествовать, – заявил он.

– Поедешь в Тулузу?

– Дальше.

– В Лион?

– Еще дальше.

– Тогда не знаю... в Авиньон, в Бордо?

Бузиль положил ложку, выждал паузу, чтобы получилось поэффектней, и торжественно произнес:

– В Париж, мамаша Шикар, в Париж!

Старая женщина была потрясена.

– Давно мечтаю взглянуть на Эйфелеву башню, – поведал

ся бы вить. Уж лет пятнадцать, как мечтаю, и вот теперь мечта моя наконец сбудется.

А сколько времени ты будешь туда добираться? — спросила посхищения старуха.

Все зависит от обстоятельств, — задумчиво отвечал бродяга, - на моих-то автомобилях рассчитываю месяца за три, если только по дороге не влипну за хулиганство или бродяжничество.

Они кончили есть, старуха мирно взялась за мытье посуды, а Бузиль отправился на речку, но вдруг мамаша Шикар вновь услышала его голос.

— Мамаша Шикар! — кричал Бузиль. — Идите скорее сюда! Похоже, я заработал двадцать пять франков!

Побежденная его настойчивостью и увлеченная любопытством, мамаша Шикар спустилась к реке. Бузиль стоял по пояс в воде. Длинным шестом он старался подтянуть к берегу какой-то предмет, который относило от него течением. Несколько минут спустя, весь мокрый, Бузиль выбрался на берег. Он тащил за собой что-то тяжелое. Заинтригованная, мамаша Шикар подошла поближе и внезапно вскрикнула от ужаса: Бузиль выловил в реке труп! Зрелище было жуткое: юноша, почти ребенок, худые, длинные ноги и руки, одна нога практически оторвана и чудовищно изуродованное, вспухшее, бесформенное лицо. Бузиль, нимало не смутившись, стал осматривать труп и обнаружил, что из ран торчат большие куски сгнившего, похоже от долгого пребывания в воде, дерева. Мамаша Шикар, бледная как смерть, молча смотрела на него.

— Все ясно, — выпрямившись, объявил Бузиль, — парень попал в мельничное колесо, потому так и изуродован.

Старуха встревоженно покачала головой:

— А вдруг опять убийство? Вот уж тогда правда дело дрянь.

— Нет, я его не знаю, это точно, — продолжал Бузиль, — он не из наших мест.

— Ясно, нездешний, — согласилась старуха, — да и одет по-господски.

Бродяга и мамаша Шикар молча посмотрели друг на друга. Энтузиазма у Бузиля поубавилось: если он хотел получить за находку двадцать пять франков, надо было немедленно отправляться в жандармерию, но перспектива быть втянутым в дело об убийстве, о чем предупредила его рассудительная старуха, не слишком ему улыбалась, тем более

что она была вполне реальной. Да, уж если у них тут второе убийство случилось, власти совсем переполошатся, а у блюстителей порядка настроение будет хуже некуда.

– Сброшу-ка я его обратно в воду! – решительно заявил Бузиль.

Он уже хотел было выполнить это намерение, но тут вмешалась мамаша Шикар.

– Этого делать нельзя, – сказала она, – нас мог кто-нибудь видеть. Вот тогда мы точно хлопот не оберемся.

Полчаса спустя, убедившись, что деваться некуда, Бузиль сел на свой допотопный велосипед и покатил в сторону Сен-Жори.

Те, кто не слишком обременен семейными хлопотами или служебными обязанностями, вряд ли первого января, в день начала нового года, чувствуют прилив радости и веселья. Миновал еще один год твоей жизни, и это наводит на размышления. Вот о чем думал сейчас полицейский Жюв, удобно устроившись в своем кабинете. Было четыре часа пополудни, но уже начинало темнеть.

В этот первый январский день Жюв не выходил из дома. Последнее время он был целиком поглощен следовавшими друг за другом таинственными убийствами, которые до сих пор остались нераскрытыми. Дело Белсома! Дело Лангрюн! Фантомас! Где он теперь, этот Фантомас? И если он действительно существует – а инспектор сыскной полиции был в этом абсолютно уверен, – то чем он, скажем, может заниматься первого января? Жюв наслаждался, пригревшись у камина в своем уютном кабинете. Он рассеянно следил за голубым дымком папиросы, мысли его витали где-то далеко, но неожиданный звонок в дверь заставил его вздрогнуть. Он вскочил с кресла и, опередив слугу, сам принял из рук почтальона телеграмму, которую сейчас же раскрыл. Он прочел: "Обнаружили реке Дордони труп молодого человека, лицо изуродовано, предполагаем приметам Шарля Рамбера, оцените обстановку, телеграфируйте решение".

Телеграмма, посланная из Брива, была подписана следователем де Прелем.

Изуродованный труп... утопленник в Дордони... действительно ли это Шарль Рамбер?

Само собой разумеется, после таинственного исчезновения Этьенна Рамбера вместе с сыном у Жюва возникло несколько различных версий, и все же ни одна из них не подкрепля-

лась достаточно вескими доказательствами и потому не вы-
глядела убедительной. Но теперь ситуация решительно изме-
нилась, и у Жюва появилась новая пища для размышлений.
Снова раздался звонок в дверь. На сей раз Жюв не двинул-
ся с места, он слышал, как его слуга решительно объявил:
"Господин инспектор не принимает". Жюв и в самом деле
дал себе зарок никогда не принимать посетителей у себя до-
ма. Если кто-то хочет встретиться с ним по делу, будь любе-
зен наведаться в сыскную полицию часам к одиннадцати утра.
Однако этот посетитель был весьма настойчив, и слуга в кон-
це концов согласился отнести хозяину его визитную карточ-
ку, хоть и знал, как Жюв не любит непрошеных гостей. К его
большому удивлению, Жюв немедленно приказал:

— Проведи сейчас же, прямо сюда!

Через две секунды перед Жювом стоял сам Этьенн Рам-
бер!

Этьенн Рамбер, осунувшийся, с измученным лицом, дер-
жал в руке вечернюю газету, которую от волнения успел
всю скомкать.

— Господин инспектор, — проговорил он удрученным то-
ном, — скажите мне, правда ли это... то, что я здесь прочел?

Жюв, указав посетителю на стул, взял у него газету, про-
бежал глазами примерно тот же текст, что незадолго до это-
го прочел в телеграмме следователя из Брива, и молча по-
глядел на Этьенна Рамбера.

— Зачем вы пришли ко мне, господин Рамбер? — спроси
Жюв очень спокойным, бесстрастным, ничего не выражаю-
щим тоном.

Этьенн Рамбер воздел руки к небу:

— Я хочу знать!

— Что — знать?

Рамбер продолжал, дрожа от беспокойства:

— Этот труп... утопленник... это не мой сын? Не мой без-
ный Шарль?

— Я хотел бы узнать это от вас, сударь, — столь же неиз-
мутимо отвечал Жюв.

Наступило молчание. Этьенн Рамбер, казалось, колебался
А потом, подняв глаза на полицейского, медленно загово-
рил:

— Сжальтесь над несчастным отцом, господин инспектор!
Выслушайте меня, я должен открыть вам нечто ужасное-

Охранник у входа в
не мог прийти в себя от
столько колясок и карет
маленькой городской пл
которым справедливо го
больше прошкался важно
— Раз уж из-за этого пр
шлось, значит, действител
размышлял он вслух.
И этот почтенный челов
тельно, чуть ли не все "об
день у здания суда, где нач
Зал суда оказался битком
где страсти плещут через к
опускает свой карающий м
гуру. Однако здешняя публ
ской. Люди здоровались, но
впечатлениями, но вполголо
ли дружелюбно, сочувственн
ки героинь этого дела, они го
— А вон Тереза Овернуа!
звал председатель суда. Мне
рый относил ей повестку в за
— Вы говорите о владении
— Да, вон той красивой ж
рядом с Терезой. После смер
за что не соглашалась остави
казалось, и справедливо, что э
— Так, значит, Тереза живет
— Именно. Друзья маркизы
менно назначить опекуном Т
кните? Высокий, худой, разго
лосом.
— Вы знакомы с Доллоном?
— Разумеется! Я часто с ни
де Лайтрюи.
— Да, несчастная маркиза!
лось после ее смерти!
Постепенно в зале у
Милая Тереза!

IX

Охранник у входа в здание суда города Кагора Орас Элуа не мог прийти в себя от изумления. Такого столпотворения, столько колясок и карет ему еще не случалось видеть на их маленькой городской площади с памятником посередине, которым справедливо гордились горожане. Орас Элуа все больше проникался важностью момента.

– Раз уж из-за этого процесса все общество так переполошилось, значит, действительно происходит нечто необычное, – размышлял он вслух.

И этот почтенный человек был совершенно прав. Действительно, чуть ли не все "общество" Кагора собралось в этот день у здания суда, где начиналось судебное разбирательство. Зал суда оказался битком набит, точь-в-точь как в Париже, где страсти плещут через край всякий раз, когда правосудие опускает свой карающий меч на сколь-нибудь заметную фигуру. Однако здешняя публика выгодно отличалась от парижской. Люди здоровались, но весьма сдержанно, обменивались впечатлениями, но вполголоса, к тому же настроены все были дружелюбно, сочувственно. Показывая друг другу на одну из героинь этого дела, они говорили с симпатией:

– А вон Тереза Овернуа! Видите? В первом ряду? Ее вызвал председатель суда. Мне рассказывал почтальон, который относил ей повестку в замок Керелль.

– Вы говорите о владении баронессы де Вибре?

– Да, вон той красивой женщины в сером, которая сидит рядом с Терезой. После смерти маркизы де Лангрюн она ни за что не соглашалась оставить девушку в замке Болье – ей казалось, и справедливо, что это слишком жестоко.

– Так, значит, Тереза живет у госпожи де Вибре?

– Именно. Друзья маркизы, посоветовавшись, решили временно назначить опекуном Терезы судью Бонне... Вон он, видите? Высокий, худой, разговаривает с управляющим Доллоном.

– Вы знакомы с Доллоном?

– Разумеется! Я часто с ним встречался у бедной госпожи де Лангрюн.

– Да, несчастная маркиза!.. И сколько еще ужасов случилось после ее смерти!

Постепенно в зале установилась тишина.

– Милая Тереза! – говорила баронесса де Вибре, ласково

наклоняясь к девушке, которая в своих траурных одеждах выглядела особенно бледной. — Как ты себя чувствуешь? Может, нам выйти на воздух?

— Нет, нет, дорогая крестная, — отвечала Тереза, — не беспокойтесь! Все будет в порядке!..

Но баронесса де Вибре только покачала головой:

— Как я могу не беспокоиться! Ты ведь так ослабела, так плохо себя чувствуешь, и почему ты решила, что обязательно должна присутствовать на этом ужасном процессе? По-моему, с твоей стороны это чистое безрассудство.

— Это мой долг, — грустно сказала Тереза, — все, что имеет какое-либо отношение к убийству моей бедной бабушки, я хочу знать во всех подробностях.

Рядом с женщинами сидел судья Бонне. До сих пор он был занят тем, что важно приветствовал знакомых. Но теперь почувствовал желание похвастаться своей осведомленностью.

— Суд, — начал он, — то есть группа лиц, которые сейчас будут слушать дело, состоит в Кагоре, как и в большинстве провинциальных городов, из председателя, советника апелляционного суда... господина Сент-Эрана... я был близко знаком с ним, когда он работал в Сен-Кале... и двух асессоров — председателя гражданского суда Кагора и старейшины нашего судейского корпуса господина Можуля. Так что на сегодняшнем заседании судьи будут в мантиях разного цвета: в красной — председатель суда, в черной — асессоры.

Хотя ни Тереза, ни госпожа де Вибре не проявляли никакого интереса к подобным деталям, судью Бонне это не смущало.

— За маленьким столиком справа расположится секретарь, он будет зачитывать некоторые документы и вести протокол... Напротив него будет сидеть прокурор республики чьим красноречием, не сомневаюсь, вы будете очарованы... На других скамьях, вот здесь, займут место присяжные, которые вынесут свой вердикт, меру же наказания определит суд, — продолжал он давать все новые и новые пояснения.

Сидящие неподалеку с интересом прислушивались, за исключением человека в темных очках, одетого во все черное. Этого человека разглагольствования судьи явно раздражали. Жюв — а это был он, — конечно же, был слишком хорошо знаком с судебной процедурой и не нуждался в комментариях судьи Бонне.

Внезапно словно электрический разряд ударил в этот мо-

ленький зал: все разговоры разом смолкли, наступила тревожная тишина, по залу пронесся шепот – сотни губ на все лады повторяли одно слово: "Рамбер".

Появился Этьенн Рамбер.

Спустившись по проходу в зал, он занял место на предназначенной ему скамье, перед трибуной свидетелей, прямо напротив одного из старейших адвокатов Кагора, мэтра Дарейя. Впрочем, у присутствующих было мало времени, чтобы как следует его рассмотреть. Едва Этьенн Рамбер занял свое место, как раскрылась дверь, соединяющая зал с совещательной комнатой: один за другим присяжные заняли свои места; затем судебный пристав в черном выступил вперед и визгливым голосом выкрикнул традиционное:

– Встать! Суд идет!

Неторопливые, серьезные, торжественные судьи прошествовали на свои места, и председатель произнес сакраментальные слова:

– Судебное заседание объявляется открытым.

Тут же поднялся секретарь, чтобы огласить обвинительное заключение:

– Слушается уголовное дело...

Здешний секретарь суда был превосходным человеком, того же типа, что и Жигу, секретарь де Преля, который сопровождал его во время расследования по делу Лангрюн. Но если Жигу главным образом стремился обратить на себя внимание и усложнить юридические формальности, здешний секретарь никаких амбиций не имел – напротив, он старался остаться незамеченным.

Суд редко заседал в Кагоре, и секретарю суда нечасто приходилось иметь дело с обвинительным заключением столь драматическим по своему содержанию: он опасался, что не сможет совладать с волнением. Потому он попробовал выучить наизусть документ, который ему предстояло огласить публично, но дальше вводной части он так и не продвинулся. Ее-то он и прочитал внятно, с выражением, зато потом, когда память уже ничего не подсказывала ему, принялся бормотать что-то нечленораздельное. Присутствующие сидели в полном разочаровании. Как они ни старались, никто из них не мог толком ничего разобрать. Наконец секретарь окончил чтение; Этьенн Рамбер, словно раздавленный грузом воспоминаний, которые этот документ пробудил в нем, сидел неподвижно, обхватив голову руками. Из этого оцепенения его вывел пронзительный голос председателя суда.

Подсудимый, — сказал судья, — встаньте!

Этьенн Рамбер поднялся, бледный как мертвец, и скрестил руки на груди; видно было, что он пытается овладеть собой.

— Ваше имя? — спросил председатель.

— Эрве-Поль-Этьенн Рамбер.

— Ваша профессия?

— Негоциант, у меня есть владения в Южной Америке, каучуковые плантации...

— Понятно, — прервал судья. — Возраст?

— Пятьдесят девять лет.

На все эти вопросы Этьенн Рамбер отвечал громким, но каким-то бесстрастным, замогильным голосом. Председатель суда после паузы, во время которой он поправлял на своем орлином носу очки в золотой оправе, продолжил:

— Вы человек образованный, состоятельный, видимо, нет необходимости спрашивать вас, понятно ли вам обвинительное заключение, которое только что было оглашено?

— Я внимательно выслушал его, — отвечал Этьенн Рамбер, — и должен заявить, что не согласен с некоторыми пунктами обвинения, а главное — категорически не согласен с тем, что якобы изменил долгу чести и долгу отца...

Председатель суда раздраженно прервал его:

— В мои намерения не входило вступать с вами в дискуссию. В процессе допроса я коснусь всех пунктов обвинения. У вас еще будет возможность выразить свой протест.

Выслушав суровую отповедь председателя, Этьенн Рамбер не выразил никакого неудовольствия.

— Спрашивайте, сударь, — отвечал он все так же подавленно, — я отвечу.

Судья продолжал еще более резко:

— Что же, я очень на это рассчитываю! До сих пор вы почему-то находились в привилегированном положении, вас оставили на свободе, так что теперь потрудитесь хотя бы чистосердечно отвечать на наши вопросы.

Поскольку подсудимый оставил без ответа резкий выпад судьи, последний продолжал:

— Итак, вы ознакомились с обвинительным заключением. Прежде всего, вы обвиняетесь в том, что помогли бежать вашему сыну, который проходит у нас по делу маркизы де Лангрюн и подозревается в убийстве. Вы обвиняетесь также в том, что, желая избежать публичного позора, убили своего сына, тело которого было обнаружено в реке.

При столь грубом изложении фактов Этьенн Рамбер ис

смог сдержать негодования.

Господин председатель, – сказал он, – можно говорить по-разному про одно и то же, и я протестую не столько против пунктов обвинительного заключения, сколько против вашей манеры изложения. В обвинительном заключении сказано, и могло быть сказано, только то, что я воздал по справедливости преступнику, который внушал мне отвращение, но которого я не мог отдать в руки палача.

На сей раз председатель, казалось, был ошеломлен.

– Мы еще вернемся к тому, могли ли вы считать себя вправе самолично вершить правосудие, сейчас вопрос не в этом, сейчас вам надлежит ответить перед присяжными по другим пунктам обвинения. И прежде всего: почему вы упорно отказывались беседовать со следователем?

– Господин председатель, – неторопливо начал Этьенн Рамбер, – мне странно слышать от вас подобные вопросы... Но если уж вам необходимо знать, почему я не стал говорить со следователем, я отвечу вам, что мне нечего было ему сказать, а ему, как мне кажется, нечего было у меня спросить. Из одного лишь уважения к правосудию моей страны я не протестовал, когда вы посадили меня на эту позорную скамью и назвали меня подсудимым. Но никаких противозаконных действий я не совершал, и подобные обвинения в мой адрес я с негодованием отвергаю.

Это заявление подсудимого произвело впечатление на публику. Женщины в зале вытащили носовые платки и промокнули глаза. Баронесса де Вибре, не в силах больше сдерживаться, зарыдала. У взволнованной Терезы по щекам катились крупные слезы. Мужчины, более стойкие, стараясь напустить на себя скептический вид, покашливали... Лица присяжных, несмотря на все усилия сохранить невозмутимость, выдавали сильнейшее волнение...

Судья Бонне наклонился к Доллону:

– Вот увидите, я человек бывалый, я почти уверен, дешево он не отделается!

После паузы, во время которой председатель бросал грозные взгляды в зал, пытаясь усмирить присутствующих, он вновь повернулся к подсудимому.

– Ах вот в чем дело, сударь, вот почему вы так упорно молчали во время всего следствия, – прибегнул он к сарказму. – Что ж, очень любопытно! Вот в чем, оказывается, вы видите долг честного человека?! Занятно, занятно!..

– Я уверен, господин председатель, – прервал его Этьенн

Рамбер, что очень многие в этом зале поняли и одобрили меня.

Такая прямая апелляция к залу явно не понравилась председателю.

– Честные люди поймут и меня, можете не сомневаться, – парировал он, – особенно если я уточню, какую роль вы взяли на себя, Рамбер... Давайте-ка поразмыслим над вашим поведением. В тот момент, когда вы решили, что ваш сын убийца, в тот момент, когда вы обнаружили окровавленное полотенце, то есть доказательство его виновности, вы, честный человек, не сомневались ни секунды! Вы не подумали о том, чтобы отдать виновника в руки жандармов, находившихся во дворе замка, а напротив – помогли ему бежать! Помогли скрыться! Это вы тоже отрицаете?

Этьенн Рамбер, которого била сильная дрожь, снова возразил:

– Господин председатель, если вы считаете, что я повел себя как сообщник, то такое сообщничество я не отрицаю, наоборот – я заявляю о нем во всеуслышание! Господин председатель, долг отца – и этому слову, "долг", я придаю высокий смысл, – долг отца не может, не должен состоять в том, чтобы выдать свое дитя!..

В то время как в зале послышались сочувственные вздохи, председатель пожал плечами:

– Давайте оставим пустые фразы. Вы, Рамбер, защищая себя, прибегаете к высокому стилю; что ж, это ваше дело. На мой взгляд, будет полезнее, если мы попробуем кое-что уточнить...

– Я слушаю вас, господин председатель.

– И прежде всего скажите: в ту ночь, когда вы решили бежать, или впоследствии ваш сын признался в том, что убил маркизу де Лангрюн? Мы, конечно, не примем на веру тот ответ, который вы дадите, но по крайней мере будем знать, какой версии придерживаетесь вы. Так да или нет?

– У меня нет однозначного ответа, господин председатель. Мой сын находился в невменяемом состоянии... Убивать маркизу у него не было никаких причин... но мать его в суматошедшем доме... И этим все сказано. Если он и убил, то лишь в момент помрачения рассудка!..

– Иными словами, Шарль Рамбер признался, но вы не хотите сказать об этом прямо?

– Я не сказал, что он признался...

– Но дали понять...

Председатель сделал паузу, однако Этьенн Рамбер воздержался от ответа.

– Ладно, пойдем дальше, – продолжал судья, – расскажите подробно, что вы делали с того момента, как покинули замок?

– Мы делали то, что делают все беглецы. Скрывались в лесах, в полях... Мы пережили самое страшное, что только может пережить человек!

– Сколько времени это продолжалось?

– Четыре дня, господин председатель.

– Значит, вы убили его на четвертый день?

– Господин председатель! Сжальтесь надо мной!.. Это жестоко! Я не убивал своего сына. Рядом со мной был убийца! Убийца, которого разыскивала полиция и ждала гильотина!

Судья, безразличный к доводам Этьенна Рамбера, лишь пожал плечами:

– Называйте его убийцей, если хотите! Но вы не имели права превращаться в палача! Кстати, признаете ли вы, что убили его?

– Нет, не признаю.

– Так, значит, и это отрицаете?

– Я сделал то, что предписывал мне долг!

Председатель с силой постучал по столу.

– Все та же история! Отвечать вы отказываетесь.

И он предостерегающе поднял руку, требуя тишины: зрители, потрясенные ужасной драмой, подробности которой теперь выяснялись прямо перед ними при последнем ответе Этьенна Рамбера, не смогли сдержать взрыва чувств.

– Что ж, думаю, присяжные должным образом оценят ваше поведение. До сих пор все важнейшие вопросы оставались без ответа... Однако продолжим. Вы, очевидно, советовали что-то вашему сыну? Вы помните хотя бы один совет, который ему давали?

На этот раз Этьенн Рамбер отвечал более спокойным голосом:

– Я не хотел выдавать своего сына и мог желать лишь одного: забвения, а если забвение невозможно, то смерти. Я советовал ему одно: подумать о той жизни, на которую он теперь обречен, о том позорном будущем, которое его ожидает. Я умолял его найти способ исчезнуть навсегда...

– Значит, вы признаете, что советовали ему покончить с собой?

– Я советовал ему бежать за границу.

Председатель намеренно прервал допрос на несколько минут, занявшись изучением бумаг и листая документы дела; он хотел привлечь внимание присяжных к признанию, которое только что было им вырвано у Этьенна Рамбера. Затем неожиданно, не поднимая головы, он задал следующий вопрос:

– Вы удивились, узнав о его смерти?

– Нет, – отвечал Рамбер глухим голосом.

– Как вы расстались?

– Однажды ночью, последней ночью, мы заснули прямо в поле, возле стога сена, измученные усталостью. Это было на берегу Дордони... Когда я проснулся наутро, я был один... он... мой сын исчез... Больше я ничего не знаю.

Однако на этот раз у председателя на руках был козырь, который, как он рассчитывал, Рамберу бить будет нечем.

– Так уж и не знаете? – переспросил он, вновь стараясь угрожающими взглядами утихомирить зал. – Тогда почему же через несколько дней вы явились к инспектору Жюву и первым делом спросили его, что ему известно о трупе вашего сына? Значит, вы не сомневались, Рамбер! Вы знали, что этот труп – труп вашего сына! Как вы это узнали? Откуда?

Тем самым председатель коснулся важнейшей улики, которая могла повлечь за собой обвинение Этьенна Рамбера в убийстве.

Этьенн Рамбер прекрасно это понял, он вдруг повернулся к присяжным с таким видом, будто только к ним одним питает полное доверие.

– Господа, этот допрос для меня мучителен, я больше не могу... я не могу дать нужные ответы... вы уже знаете достаточно, чтобы вынести свой приговор... Судите же меня! Скажите, нарушил ли я долг чести! Нарушил ли я свой отцовский долг! Что касается меня, то на новые вопросы я отвечать не в состоянии...

Несчастный рухнул на скамью – сломленный, обессиленный.

Председатель всем своим видом выражал полное удовлетворение – точь-в-точь охотник, который долго гнал зверя и наконец добился своего.

– Решение не отвечать далее на мои вопросы в какой-то мере равносильно признанию своей вины! Впрочем, последнее слово за присяжными, – ядовитым тоном заявил он, повернувшись к присяжным.

В зале перешептывались, публика не скрывала своего со-

чувствия, тем временем своим обычным тоном председатель объявил:

– Переходим к опросу свидетелей. Хочу сразу же довести до сведения господ присяжных, что наибольший интерес представлял для нас Бузиль, тот самый бродяга, который вытащил труп Шарля Рамбера. К сожалению, у этого человека нет постоянного места жительства, он ежедневно перебирается из одного округа в другой, и потому мы так и не смогли вручить ему повестку с вызовом в суд.

Перед судом прошла длинная вереница свидетелей обвинения, которых по указанию председателя вызывал секретарь: крестьяне, которые видели Рамберов, отца и сына, во время их скитаний, булочники, которые продавали хлеб несчастному Этьенну Рамберу, когда он отваживался зайти в деревню, смотрители за шлюзами, которые видели, но не смогли выловить труп молодого Рамбера, плывущий по Дордони... Эти свидетели ничего в деле не прояснили, зал уже устал слушать, и все ожидали приговора.

– Вот увидите, – твердил тучный мужчина, сидящий в последних рядах, – вот увидите, дело примет совершенно другой оборот, как только будут вызваны свидетели защиты... До сих пор про этого несчастного Рамбера никто и слова доброго не сказал, но вот когда присяжные услышат друзей подсудимого, узнают о его честности и порядочности, вот тогда, я уверен...

– Нет, друг мой, вы ошибаетесь, – возразил ему сосед, – мне известно из достоверных источников, что Этьенн Рамбер отказался от защиты и не назвал ни одного свидетеля со своей стороны...

– Какая неосторожность!

– Это вызов, и какой!.. Этот человек выполнил свой долг и не собирается выпрашивать милости у судей...

– Но хоть адвокат-то не ударит в грязь лицом?

– Мне говорили, что мэтр Дарей по распоряжению своего клиента ограничит выступление заявлением, что полностью полагается на правосудие...

Тем временем председатель повернулся к присяжным:

– Большой интерес, господа, несомненно, представляют показания полицейского Жюва, однако они фигурируют в протоколе расследования, с которым я вас ознакомил, а поскольку ничего нового сообщить он нам не сможет, я не вызывал его. Но вот я вижу в зале мадемуазель Терезу Овернуа, внучку маркизы де Лангрюн. Эта девушка, как вы, наверное,

помните, слышала, как подсудимый пытался добиться признания сына в ту самую ночь, когда они оба бежали из замка Болье. Я не стал вызывать Терезу Овернуа в качестве свидетеля, потому что она уже дала показания в процессе расследования, и я счел излишней жестокостью вновь пробуждать в ней столь тягостные воспоминания. Однако, раз она все же присутствует при слушании дела, я воспользуюсь своим правом и попрошу ее уточнить один важный для нас момент... Мадемуазель Тереза Овернуа, пройдите, пожалуйста, к трибуне свидетелей.

К девушке подошел судебный пристав, и бедная Тереза, не ожидавшая такого оборота дела, вышла в проход и встала к трибуне. Вся дрожа, она ждала вопросов председателя.

– Я не спрашиваю вас, – начал тот, – узнаете ли вы господина Рамбера. Скажите, тот ли это человек, чей разговор с Шарлем Рамбером вы слышали в ночь на субботу в замке Болье?

– Да, сударь, это тот самый человек, Этьенн Рамбер.

– Как вы считаете, если судить по тому разговору, могли ли быть у него намерения убить собственного сына?

Тереза, сделав над собой видимое усилие, ограничилась следующим ответом:

– Я могу сказать вам только одно, господин председатель: господин Рамбер был в страшном волнении, и я поняла, как ужасно он страдает.

Председатель, рассчитывавший на показания Терезы, был разочарован: девушка явно считала, что отец не должен расплачиваться за безумие сына, и собиралась давать показания в пользу подсудимого.

– Хорошо, мадемуазель, достаточно. Благодарю вас, – прервал ее председатель.

Пока Тереза садилась на место, председатель обратился к присяжным:

– Опрос свидетелей окончен, слово предоставляется господину прокурору республики.

Поднялся прокурор, чьей задачей было требовать наказания для Этьенна Рамбера. Составлена его речь была мастерски, однако доказательств явно не хватало. Он начал с того, что коротко перечислил все противоречия и слабые места той линии защиты, которую избрал Этьенн Рамбер. Затем пояснил, почему, несмотря на то что подсудимый постоянно отказывался отвечать, все обвинения против него можно считать доказанными. Уличив подсудимого или уверив себя,

что он уличен, прокурор принялся цитировать какие-то малоразумительные, но авторитетные тексты в подтверждение того, что Этьенн Рамбер виновен в узурпации прерогатив правосудия, виновен в укрывательстве и виновен в убийстве. Речь прокурора хоть и была весьма красноречива, но все же ничего нового не содержала. Вслед за обвинителем поднялся адвокат подсудимого.

– Господа присяжные, – сказал он, – вы слышали допрос Этьенна Рамбера... Вы знаете, в чем он обвиняется, очевидно, вы уже составили свое мнение о степени его виновности, мой клиент просил меня только об одном: сказать вам, что в решении своей участи он полагается на вашу совесть. Несчастный отец безумного и преступного сына, он пытался примирить долг порядочного человека и свои родительские чувства. Сумел ли он сделать это – решать вам. Я не стану ни о чем просить вас, не стану молить о смягчении приговора, я призываю вас судить без снисхождения, но и без жестокости, судить объективно и великодушно, судить чистосердечно.

Эти лаконичные фразы должным образом завершили судебное расследование. В полной тишине председатель в сопровождении членов суда удалился в совещательную комнату, присяжные тоже покинули зал, чтобы вынести свой вердикт. Но как только суд удалился на совещание, а Этьенн Рамбер был уведен двумя жандармами, в зале сейчас же разгорелась бурная дискуссия. Все без исключения были на стороне подсудимого. Самые ярые скептики, самые черствые души и те не остались равнодушными к горю отца. Ожидая приговора, каждый гадал, каким он будет и какое наказание за собой повлечет.

– Сына он убил, это точно, – говорил виноградарь с красным от загара лицом.

– Конечно, – отозвалась его соседка, – и даже если не убил сам, то помог покончить с собой... а что ему оставалось делать? Не мог же он передать его в руки полиции!

– Деваться ему было некуда! – вмешался тучный мужчина. – Этот Рамбер, как бы он ни был привязан к сыну, мог хотеть только одного: чтобы сын покончил с собой! Лично я Рамбера одобряю!

Неугомонный судья Бонне был верен себе до последнего:

– Если присяжные хотят, чтобы суд оправдал Этьенна Рамбера, у них только один путь: объявить, что сына он не убивал, и дать отрицательный ответ на все вопросы. Если присяжные ответят положительно хотя бы на один вопрос, то, припи-

мая во внимание особую строгость господина председателя, можно с уверенностью ожидать сурового приговора... вплоть до смертной казни!

Его прервал звонок, возвещающий возвращение присяжных; присяжные заняли свои места, затем торжественно проследовали судьи, и в тишине поднялся старшина присяжных.

– Перед богом и людьми, – объявил он, повторяя привычную формулировку, и голос его слегка дрожал от волнения, – клянусь честью и совестью, присяжные заседатели единогласно ответили "нет" на все вопросы.

Это было полное оправдание.

X

КНЯГИНЯ СОФЬЯ ПРИНИМАЕТ ВАННУ

Прошло четыре месяца со дня сенсационного оправдания Этьенна Рамбера в суде присяжных города Кагора. Публика, увлеченно следившая за загадочным делом замка Болье, постепенно начала забывать о нем, как забыла она и об убийстве лорда Белсома, так и оставшемся нераскрытым. Один Жювель помнил о них, даже погрузившись в рутину повседневных дел. Блуждая по таинственным закоулкам парижского дна, расследуя убийства, каждый день заливавшие кровью столицу, он ждал и надеялся, что рано или поздно загадочный преступник, сбивший с толку всю полицию Франции, совершит роковую ошибку!

Был конец июня – время, когда Париж, до сих пор запруженный туристами, постепенно пустеет. В отеле "Руаяль-Палас", здание которого протянулось метров на двести на Елисейских полях вплоть до площади Звезды, царило обычное вечернее оживление. Весь персонал отеля был на ногах – работы хватало и в залах первого этажа, и в просторных холлах у входа. В это время клиенты "Руаяль-Паласа" возвращались со званых вечеров или из театров, и по вестибюлям этого огромного отеля тянулась нескончаемая вереница мужчин в черных костюмах, молодых людей в смокингах, элегантных женщин в открытых платьях.

Под портиком остановился роскошный автомобиль. Администратор отеля Луи склонился в почтительном поклоне – так он встречал лишь самых почетных постояльцев.

– Ваша светлость поднимется к себе? – спросил он степенно и учтиво у дамы, которая вышла из машины.

Княгиня ответила любезным кивком головы. Администратор подозвал рассыльного:

– Лифт для госпожи Софьи Данидовой.

Элегантной тенью скользнув по холлу, встретившему ее заинтересованным гулом, через мгновение княгиня исчезла в кабине лифта. Лифт тут же пошел наверх.

Княгиня Софья Данидова находилась в "Руаяль-Паласе" на особом положении: она одна занимала номер из четырех комнат на четвертом этаже. На такую роскошь княгиня имела как бы двойное право. Будучи обладательницей огромного состояния, она к тому же принадлежала к высшей аристократии: брак с князем Данидовым сделал ее двоюродной сестрой русского императора. Княгине Софье Данидовой едва исполнилось тридцать лет, ее голубые глаза странно, но мило контрастировали с тяжелыми черными косами, она была не просто красива, она была обворожительна. Княгиня Софья вела весьма светский образ жизни и по крайней мере полгода проводила в Париже, где останавливалась на американский манер в "Руаяль-Паласе". Для нее были открыты все самые элегантные парижские салоны. Репутация княгини была безупречной. Сплетники, которым совершенно нечем было поживиться, придравшись к ее частым приездам в Париж, намекали, что она, мол, замешана в тайных политических аферах. Однако никаких доказательств тому не было.

Княгиня Софья Данидова, пройдя по большой гостиной своего номера, вошла в спальню. Повернула два выключателя на стене, брызнул свет.

– Надин! – позвала она своим низким голосом.

С низенького дивана, притулившегося в углу комнаты, сейчас же вскочила молоденькая девушка – видимо, княгиня разбудила ее.

– Надин, помоги мне раздеться, – приказала княгиня, – и расчеши мне волосы, я устала.

Служанка повиновалась.

– Прохладный вечер, не так ли, княгиня? – рискнула спросить она у своей хозяйки, накидывая ей на плечи широкий пеньюар.

Надин была черкешенкой: стройная, подвижная, черноволосая, глаза голубые, но где-то на дне их полыхало темное пламя. Княгиня была недовольна: Надин, которая так до конца и не проснулась, очень неловко расчесывала волосы.

– Да осторожней ты! – вскрикнула несколько раз княгиня.

Когда же служанка опять сделала хозяйке больно, княгиня в раздражении ударила девушку по щеке. Надин вспыхнула, отпрянула назад, глаза ее сверкнули гневом.

– Я не хочу, чтобы меня били! – вскричала она.

Княгиня с удивлением остановила на ней свой взгляд.

– Надин, на колени! – приказала она. – Проси прощения – или убирайся вон!

Усмиренная, раскаявшаяся Надин бросилась к ногам княгини, та, удовлетворенная, ласково подняла ее.

– Ладно, – сказала она. – Я больше на тебя не сержусь, теперь оставь меня!

– Позвольте, я сначала раздену вас. – Надин не знала, как загладить свою вину.

– Нет, – отвечала княгиня, – иди к себе, уже поздно. – Но тут же передумала и, потерев лоб рукой, словно отгоняя неотвязную мигрень, сказала: – Хотя знаешь что, приготовь-ка ванну, по-моему, она мне поможет.

Десять минут спустя Надин вышла на балкон звать княгиню, которая стояла там в задумчивости. Быстро и смиренно маленькая черкешенка поцеловала кончики пальцев своей хозяйки и прошептала:

– Все готово.

Прошло несколько минут, и княгиня Софья Данидова, почти раздевшись, уже собиралась лечь в ванну, но вдруг вернулась обратно в свою спальню.

– Надин, – позвала она, – ты еще здесь?

Ей никто не ответил.

– Мне почудились чьи-то шаги, – сказала княгиня, – но, видимо, я ослышалась.

Она быстро оглядела спальню, заглянула и в ярко освещенную гостиную, затем подошла к своей кровати, проверив, в порядке ли щиток со звонками, с помощью которых она могла вызвать к себе любую прислугу отеля и свою личную. Успокоившись, молодая женщина вернулась в ванную и, скинув пеньюар, погрузилась в благоухающую воду. Ванная комната освещалась электрической лампочкой в стеклянном матовом абажуре, которая находилась за спиной у княгини. Софья Данидова блаженствовала в ванне, с наслаждением ощущая, как отдыхает ее тело, когда снова раздался шорох. Княгиня вздрогнула, резко выпрямилась, огляделась, наполовину высунувшись из воды, – никого...

– Нервы ни к черту, – сказала она себе.

Она открыла книгу, собираясь почитать, и тут у нее над

ухом раздался странный насмешливый голос: кто-то стоящий за ее спиной громко прочел фразу из раскрытой книги. Княгиня не успела ни вскрикнуть, ни шевельнуться, как рот ее оказался плотно зажат, а рука, которой она могла дотянуться до звонка, расположенного между краями ванны, схвачена точно тисками. Софья Данидова была близка к обмороку, она ожидала, что на нее вот-вот обрушится чудовищный удар или какое-нибудь страшное орудие убийства вонзится в ее тело, но тут же она почувствовала, что на рот ее уже не давят, а руку не сжимают с прежней силой. Неизвестный, напавший на нее, обошел вокруг ванны и очутился перед ней. Потрясенная княгиня подняла на него глаза. Это был мужчина лет сорока, весьма элегантно одетый; судя по его безукоризненно сшитому смокингу, он вряд ли являлся типичным представителем преступного парижского мира и ничем не напоминал тех выродков рода человеческого, о которых приходилось читать княгине Софье Данидовой. Руки, которые только что держали ее, были белы и ухоженны, благородное лицо, черная бородка, подстриженная веером, открытый лоб с небольшими залысинами. Однако непомерно большая голова и многочисленные морщины, пересекавшие лоб, неприятно поражали всякого, кто смотрел на этого человека. У Софьи Данидовой дрожали губы. Не говоря ни слова, она хотела было выпрямиться, чтобы еще раз попытаться достать до звонка, но неизвестный, мгновенно схватив ее за плечо, не дал ей двинуться с места. И в ту же минуту на лице его появилась двусмысленная улыбка: рванувшись к звонку, княгиня высунулась из воды по пояс, выставив напоказ нежную обнаженную грудь.

– Боже! Как вы прекрасны, мадам! – с сомнительным восхищением пробормотал странный посетитель.

Покраснев и смутившись, Софья Данидова вновь нырнула в воду. Наконец взяв себя в руки, она заговорила:

– Кто вы? Что вы хотите? Уходите – или я позову на помощь!

– Один только звук – и вы погибли! – строго сказал неизвестный. Но тут же насмешливо взглянул на нее. – И потом, неужели вы решитесь позвонить? Вы ведь так целомудренны! Вам придется высовываться из воды, к сожалению, я все равно не могу вам этого позволить, но, уверяю вас, подобное зрелище доставило бы мне огромную радость...

Княгиня, сжав зубы, перебила его:

– Если вам нужны деньги и драгоценности – берите, толь-

ко уходите!

Мужчина бросил взгляд на кольца и браслеты, которые княгиня, прежде чем лечь в ванну, положила рядом, на столик.

— Недурны, но перстень на вас — лучше.

И, взяв руку княгини, он сжал ее в своей, разглядывая перстень на безымянном пальце. Рука молодой женщины дрожала.

— Зачем же так волноваться? Давайте лучше побеседуем, — предложил незнакомец. И, помолчав, добавил: — В драгоценностях нет ничего притягательного, если они лишились своей индивидуальности, то есть если они отделены от того, кто их обычно носит. Напротив, браслет, сжимающий запястье, ожерелье, опоясывающее шею, кольцо на пальце...

Княгиня Софья Данидова, бледная как смерть, пыталась угадать, к чему клонит этот странный, загадочный посетитель.

— Я не могу отдать вам этот перстень, он не снимается, — испуганным, извиняющимся тоном сказала она.

Мужчина язвительно рассмеялся:

— Уверяю вас, княгиня, можете вы снять перстень или нет, это не имеет ровным счетом никакого значения: тот, кто захочет получить его, сделает это без особого труда.

Мужчина небрежно пошарил в кармане жилета и вынул оттуда маленькую складную бритвочку, открыл ее и поднес блестящее лезвие к лицу княгини, которая смотрела на него широко раскрытыми от страха глазами: теперь она, кажется, слишком хорошо его поняла.

— С такой-то острой бритвочкой, — продолжал он, — секунда — и пальчика как не бывало, а вместе с ним и этого прекрасного перстня... — Княгиня содрогнулась от ужаса, но мужчина внезапно изменил тон и заговорил спокойно и ласково: — Не надо меня бояться. Держу пари, вы принимаете меня за грабителя, а то и вообще за разбойника с большой дороги. О, княгиня, как могло вам прийти такое в голову? Смею вас уверить, вы так прекрасны, что мужчины теряют из-за вас голову и совершают самые неожиданные поступки.

Незнакомец говорил так искренне и всем своим видом выражал такое глубокое почтение, что княгиня немного успокоилась.

— Но я же вас совершенно не знаю, — проговорила она.

— Вот так-то лучше! — отвечал незнакомец, а потом притянул к себе низенький стульчик и уселся на него, небрежно опершись о край ванны. — У нас хватит времени познакомить-

ся. Я-то знаю, кто вы, и это главное.

– Сударь, – прервала его Софья Данидова: по мере того как она успокаивалась, гнев ее все возрастал, – не знаю, шутите вы или говорите серьезно, но ваше поведение чудовищно.

– Оригинально, только оригинально, княгиня; и думаю, не ошибусь, если скажу: посчастливься мне быть вам представленным в одном из многочисленных салонов, где мы оба с вами бываем, вы бы вряд ли обратили на меня такое внимание, как сегодня вечером. Вы так пристально вглядывались в меня, что, видимо, лицо мое изучили досконально, и я уверен: что бы теперь ни случилось, вы запомните его надолго.

Княгиня выдавила из себя жалкое подобие улыбки. Взяв себя в руки, она теперь пыталась понять, с кем все же имеет дело. Мужчина, словно прочитав ее мысли, улыбнулся ей в ответ:

– Мне так приятно, княгиня, что вы стали чуть больше мне доверять, так у нас дело быстро пойдет на лад.

Княгиня отрицательно покачала головой.

– Пойдет, пойдет, – уверял он, – смотрите, вот уже пять минут вы не пытаетесь позвонить и позвать на помощь – это прогресс. К тому же, – продолжал он, – я плохо представляю, как княгиня Софья Данидова, супруга великого камергера, кузина русского императора, вызовет к себе всю челядь отеля и покажется всем этим рабам раздетой, в ванне, рядом с неизвестным ей мужчиной.

Княгиня сделала протестующий жест, мужчина продолжал:

– Слух об этом удивительном приключении обязательно дойдет до князя Данидова.

– И все же ответьте мне, – с тревогой проговорила бедная женщина, – как вы сюда проникли?

– Теперь это уже не имеет значения, – отвечал незнакомец, – сейчас главное – решить, как я отсюда выйду... ведь вы, конечно, догадываетесь, княгиня, что я не посмею затягивать сверх положенного мой визит, впрочем, буду счастлив, если вы позволите повторить его завтра вечером.

– Этого только не хватало!

Незнакомец отвернулся и, как бы невзначай опустив руку в воду, достал оттуда термометр на пробковой коре, который плавал на поверхности благоухающей воды.

– Тридцать градусов, – сказал он, – ваша ванна остывает, придется выходить, княгиня.

Озадаченная Софья не знала, то ли ей смеяться, то ли сердиться. А может, он просто сумасшедший? Или действитель-

но влюблен в нее и рассчитывал столь оригинальным способом поразить ее воображение?

– Уходите!

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Сжальтесь над женщиной, над порядочной женщиной! – молила она.

Незнакомец задумался.

– Как же нам поступить? – пробормотал он. – Мы должны быстро найти выход, потому что я очень надеюсь уберечь вас от переохлаждения. А впрочем, все очень просто... Думаю, вы достаточно хорошо ориентируетесь в вашей ванной и сумеете даже на ощупь быстро достать ваш пеньюар? Я никуда не уйду, но погашу свет, в темноте вы сможете спокойно выйти из ванны, и ничто не оскорбит вашей стыдливости.

Незнакомец направился к выключателю, собираясь выключить свет, но тут же вернулся обратно.

– Совершенно забыл про этот ваш звонок, до него ведь так легко дотянуться, не ровен час, позвоните случайно, потом жалеть будете. – И, завершая свою мысль делом, мужчина взмахнул бритвой и обрезал оба провода, ведущие к звонку. – Вот теперь все в порядке, я спокоен, – сказал он. – Хотя я вижу еще провода, вот тут, вдоль стены... Давайте соблюдать осторожность. А что, если это еще один звонок?

Незнакомец вновь взмахнул бритвой, но в тот момент, когда лезвие коснулось изоляции, блеснула искра, и мужчина, уронив бритву, отпрыгнул в сторону.

– Проклятие! – проворчал он. – Я чертовски обжег себе руку. Видимо, вас это весьма обрадует.

Софья Данидова все так же тревожно смотрела на него.

– Не волнуйтесь, – продолжал незнакомец, – вторая рука у меня в порядке, так что наш уговор остается в силе.

И незнакомец направился к выключателю.

Встав во весь рост в ванне, Софья Данидова описала рукой большой круг, боясь наткнуться на преграду. Но ее рука встретила только пустоту. Княгиня ступила на пол одной ногой, потом другой, наконец метнулась к стулу, на котором висел ее пеньюар, с лихорадочной поспешностью накинула его на себя, сунула ноги в тапочки, секунду постояла неподвижно, потом, решившись, нашарила рукой выключатель и включила свет. В ванной было пусто. Софья вошла в свою спальню. В глубине комнаты она увидела улыбающегося ей незнакомца.

– Согласитесь, княгиня, я вел себя более чем галантно и ничем не побеспокоил вас, пока вы выходили из ванны.

– Сударь, клянусь, ваша шутка слишком затянулась, – сказала Софья Данидова. – Немедленно уходите! Я требую!

– Требуете? – переспросил мужчина. – Я не привык, чтобы со мной так разговаривали. Но вас я прощаю, вы же ничего про это не знали. Тем более я, кажется, так и не представился. Какой же я рассеянный! Но почему вы меня не слушаете?

Княгиня Софья Данидова и впрямь пропустила мимо ушей последние слова незнакомца. Она вновь пришла в волнение, тревога и сомнение сжимали ее сердце. На секретере, что стоял между ней и таинственным незнакомцем, лежал миниатюрный пистолет с перламутровой инкрустацией, который Софья Данидова обычно брала с собой, когда выходила из дома по вечерам. Княгиня весьма умело обращалась с этим оружием, и теперь ей пришло в голову, что, если она сумеет им завладеть, ей, пожалуй, будет легче договориться со своим собеседником. К тому же в одном из ящиков секретера лежал бумажник, набитый банковскими билетами на сумму в сто двадцать тысяч франков, – княгиня собственноручно положила его в секретер, после того как утром получила деньги из сейфа отеля, собираясь завтра расплатиться с кредиторами. Ящик секретера, где лежал бумажник, был немного выдвинут, и княгиня с тревогой думала: на месте ли бумажник, или ее таинственный воздыхатель – обыкновенный жулик?

Словно прочитав мысли княгини, незнакомец сказал:

– Я тут, княгиня, заметил у вас один предмет, который не так-то часто можно встретить в женских апартаментах!

Молодая женщина шагнула к секретеру, но незнакомец опередил ее и схватил в руку пистолет. Софья Данидова в ужасе отпрянула назад.

– Не пугайтесь, княгиня, – поспешил успокоить ее незнакомец. – У меня и в мыслях нет посягать на вашу жизнь. Я сейчас же верну вам ваше оружие, но только позвольте сначала обезопасить его... – В одну секунду он вынул все шесть патронов из барабана и любезно протянул княгине теперь уже бесполезный пистолет, говоря при этом с иронией: – Не смейтесь надо мной, княгиня, да, я чересчур осторожен, но я не могу допустить, чтобы случилось несчастье.

Как княгиня ни старалась приблизиться к своему секретеру, чтобы по крайней мере заглянуть в выдвинутый ящик,

незнакомец постоянно преграждал ей путь, умножая улыбки и любезности, но не упуская из виду ни одного движения Софьи Данидовой.

Неожиданно он вынул из кармана часы.

– О, уже два часа ночи! – воскликнул он. – Как поздно! Боюсь, княгиня, я несколько злоупотребил вашим гостеприимством... Ухожу-ухожу. – И, не обращая внимания на вздох облегчения, вырвавшийся из груди Софьи Данидовой, продолжил театральным тоном: – Но я не хочу уходить ни через окно, как возлюбленный, ни через каминную трубу, как воришка, ни через потайную дверь в стене, как разбойник из сказки, я уйду, как джентльмен, который приходил засвидетельствовать свое почтение самой прелестной женщине на свете, а именно – через дверь!

Незнакомец двинулся было к двери, но тут же вернулся.

– И что же вы теперь будете делать, княгиня? – спросил он. – Мой вопрос, возможно, несколько бестактен, но мне важно быть в курсе. Наверное, рассердитесь на меня? Возможно, после моего ухода вы будете кое-чем неприятно поражены, и это еще больше усилит ваше раздражение. Что ж, вы не побоитесь скандала и станете звать на помощь?

Взгляд княгини невольно обратился к секретеру, в котором, конечно, уже не было ее бумажника. Действительно, что ей теперь делать?

– Надо же, – воскликнул незнакомец, прерывая молчание и отвлекая Софью Данидову от ее мыслей, – как же это я так? Чуть было не забыл представиться! – Он вынул из кармана визитную карточку и подошел к секретеру. – Надеюсь, вы не станете возражать, княгиня, если я оставлю свою визитную карточку вот в этом ящике, который вы выдвинули словно специально для меня?

Княгиня невольно вскрикнула, но незнакомец властным взглядом заставил ее замолчать, а затем, как и собирался, бросил в ящик свою визитную карточку.

– Ну а теперь, – продолжал странный посетитель, наступая на княгиню и оттесняя ее к прихожей, – теперь вы, мадам, как женщина благовоспитанная, конечно, проводите своего гостя до дверей... – И, внезапно изменив тон, резко приказал: – И, пока я не выйду за дверь, чтобы ни звука, иначе я убью вас.

Повинуясь гипнотическому взгляду незнакомца, княгиня Софья Данидова из последних сил добрела до прихожей, с трудом повернула ключ в замке, открыла дверь, незнако-

мец проскользнул в приоткрытую дверь и через мгновение исчез. Не теряя ни минуты, Софья Данидова кинулась в свою спальню и принялась трезвонить во все звонки. Окончательно придя в себя, она позвонила по телефону швейцару, дежурившему у входной двери:

– Меня обокрали. Никого не выпускайте из гостиницы!

Потом она нащупала пальцами еще одну кнопку, и в помещении ночных портье на всех этажах отеля заунывно и громко затрезвонил сигнал тревоги. В коридоре послышались шаги, голоса, княгиня поняла, что помощь близка, она выскочила в прихожую, распахнула дверь.

– Остановите его! Остановите! – кричала Софья Данидова. – Он только что был здесь... мужчина, с черной бородой, в смокинге.

– Куда вы? Что случилось? – волновался швейцар, дежуривший в самом конце коридора у выхода из отеля.

Коридорный, который только что выскочил из лифта, подбежал к нему:

– Точно не знаю, но, кажется, в гостинице совершена кража. Я слышал сверху какие-то крики.

– А вы сами на каком этаже? – спросил швейцар.

– На третьем.

– Тогда, наверно, кричат на четвертом... Пойдите взгляните, в чем там дело.

Коридорный, тщательно выбритый рыжий верзила, развернувшись, вновь вошел в лифт. Лифт поднялся на четвертый этаж и остановился прямо напротив номера Софьи Данидовой. Княгиня стояла в дверях. Мюллер, дежурный по этажу, пытался успокоить ее. Княгиня машинально вертела в руках ту самую визитную карточку, которую ее странный посетитель оставил на месте бумажника со ста двадцатью тысячами франков; само собой разумеется, карточка была совершенно чистой – ни имени, ни фамилии на ней не было. Двое коридорных бегали взад и вперед, стучали в двери, вызывали из служебных помещений другую прислугу.

– Ну что? – кинулся Мюллер к рыжему парню, выходящему из лифта, и, тут же сообразив, что лицо его ему незнакомо, добавил: – Вы откуда?

– Я новенький, с третьего, – отозвался парень, – швейцар послал меня сюда узнать, что происходит.

– Обокрали княгиню, – ответил Мюллер. – Скорее, скорее, надо вызвать полицию.

Бегу, сударь.

Через мгновение коридорный третьего этажа был снова внизу и дергал за рукав швейцара, который говорил по телефону:

– Открывайте скорее, черт возьми! Я должен бежать в комиссариат.

Швейцар поспешно выпустил его из гостиницы.

На шестом этаже царило смятение. Перед лакеями и горничными, и так встревоженными доносившимися криками, остановился лифт, из которого никто не вышел; открыв дверь лифта, они обнаружили в кабине разорванную одежду, фальшивую бороду и парик. В полном изумлении прислуга рассматривала эти странные предметы, не понимая, что им следует как можно скорее предупредить администратора об этой находке. Тем временем администратора Луи уже успели разбудить. Последний, ничего не поняв в объяснениях своего обезумевшего подчиненного, поспешно оделся и по лабиринту гостиничных коридоров добежал до четвертого этажа. Дорогой он был остановлен баронессой Ванден Розен, давнишней клиенткой отеля, более чем зрелой вдовой.

– Господин Луи, – застонала женщина, падая на пол и рыдая, – у меня украли бриллиантовое ожерелье! Перед тем как уйти обедать, я оставила его у себя на столе в футляре.

Луи настолько растерялся, что даже не нашелся, что сказать баронессе. Тем временем к нему подбежал Мюллер.

– Украли бумажник у княгини Софьи Данидовой, – объявил он, – но я распорядился никого не выпускать из гостиницы, так что преступник от нас не уйдет!..

В это мгновение появились две горничные с шестого этажа. В полном недоумении они несли одежду и фальшивую бороду с париком, обнаруженные в лифте, и сложили их на полу перед Луи, который, казалось, окончательно был сбит с толку всеми этими странными происшествиями, столь стремительно обрушившимися на него. Однако у Мюллера сразу возникли кое-какие подозрения.

– Господин Луи, как выглядит новый коридорный с третьего этажа? – спросил он Луи, потянув его за рукав.

В этот момент в конце коридора появился еще один лакей: пожилой мужчина, лысый, с белыми бакенбардами. С удивлением взглянув на Мюллера, чей вопрос показался ему явно неуместным, Луи сказал:

– Да вот он, как раз идет к нам, его зовут Арнольд.

– Проклятие! – прорычал Мюллер. – А рыжий парень?

– Рыжий? – переспросил Луи и отрицательно покачал головой, давая понять, что он не знает, о ком идет речь.

Мюллер со всех ног кинулся вниз по лестнице.

– Кто-нибудь выходил? – подбегая к швейцару, тревожно спросил он.

– Нет, никто, – отвечал швейцар, – кроме коридорного с третьего этажа, которого вы послали за полицией.

– Рыжего?

– Рыжего, – спокойно подтвердил швейцар.

Княгиня лежала в кресле-качалке, возле нее суетилась Надин, в руках у княгини все еще была визитная карточка, которую оставил ей таинственный грабитель, столь ловко похитивший у нее целое состояние. Словно зачарованная, княгиня снова взглянула на нее, но на сей раз ее растерянные глаза расширились от ужаса: на карточке, до сих пор совершенно чистой, постепенно стали проступать знаки, буквы, и княгиня прочла:

– Фан... то... мас!

XI СЛЕДОВАТЕЛЬ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Судебный следователь Фюзелье, остановившись посередине своего кабинета во Дворце Правосудия, с большим усердием чистил шляпу. И одновременно разговаривал сам с собой, что давно вошло у него в привычку:

– Что ж, сегодня я неплохо потрудился. Правда, дело так и не сдвинулось с мертвой точки, но я тут ни при чем, моя совесть чиста. Самое главное – решить, что мне теперь предпринять. Снова допросы? Гм! Ничего нового я все равно не узнаю. Так как же быть?..

Осторожный стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – сказал Фюзелье.

Дверь приоткрылась, Фюзелье, узнав посетителя, радушно приветствовал его:

– Это вы, дорогой мой Жюв! Какой сюрприз! Рад вас видеть в моем кабинете!

– Господин Фюзелье, – отвечал Жюв, – вы прекрасно знаете, как я ценю ваше общество и с каким удовольствием обсуждаю с вами наши общие дела. И, значит, я могу не изви-

няться, что давно не заходил к вам, вы без труда угадаете, в чем тут причина.

– У вас много работы?

– Не то слово...

– Да, пожалуй, сейчас как никогда столько громких и прямо-таки кровавых дел.

– Вы правы, – подтвердил Жюв. – И что особенно неприятно: этот год также не принесет особой славы нашей полиции. Хоть мы и трудимся в поте лица, но похвастаться нам, увы, нечем...

– Какой же вы идеалист, дорогой мой Жюв! – улыбнулся Фюзелье. – Вы все мечтаете о блестящих победах, о сенсациях. Однако ваши успехи, черт возьми, ни у кого не вызывают сомнения.

Жюв протестующе махнул рукой:

– Не знаю, что вы имеете в виду. Если взять, к примеру, дело Белсома или дело Лангрюн, то тут меня хвалить не за что. Ни в одном из этих дел я не пришел ни к какому результату.

– У вас нет ничего нового в деле об убийстве лорда Белсома? – спросил Фюзелье, опускаясь в кресло.

– Ничего! Ровным счетом ничего! Я топчусь на ровном месте.

Фюзелье, скрестив руки на груди, стал шутливо выговаривать полицейскому:

– Да что это вы, дорогой мой Жюв! Грех вам жаловаться. Просто грех! На сегодняшний день на вашем счету, хоть вы и утверждаете обратное, немало: вы сумели внести ясность в дело Белсома и практически закончить дело Лангрюн.

– Вы очень любезны, сударь, но, к сожалению, вы ошибаетесь: я ничего не прояснил в деле Белсома.

– Но вы же нашли пропавшего лорда?

– Нашел, и что из того?

– Да это же просто замечательно! Кстати, объясните, как вам пришло в голову отправиться на улицу Левер и порыться в чемоданах господина Гурна?

– Все очень просто, господин Фюзелье. Вы ведь помните, какой шум поднялся, когда исчез лорд Белсом?

– Конечно.

– Именно в этот момент я был отозван в Париж начальством. Черт побери, мне сразу стало ясно, что мы имеем дело с несчастным случаем, и не с самоубийством, а именно с убий-

– Хорошо, и что нам это дало?

– Очень многое: ключ к разгадке. Зная, что лорд Белсом был убит, убит неизвестным лицом, я стал подозревать всех, вернее, всех, кто когда-либо с ним общался... Вскоре мне стало известно, что во время войны в Трансваале лорд Белсом познакомился и впоследствии поддерживал отношения с неким Гурном, англичанином, личностью весьма сомнительной... Естественно, у меня возникло желание посмотреть на этого Гурна и побеседовать с ним. Вот и все.

Фюзелье одобрительно кивнул головой:

– Меня восхищает ваша скромность, Жюв! Вы говорите так, словно не совершили ничего необычного, а ведь на самом деле вы проявили поразительное чутье!

Однако Жюв не согласился с похвалами следователя.

– Мне просто повезло!

– И когда вы осматривали труп, – улыбаясь, подхватил Фюзелье, – вам, конечно, тоже просто повезло? Ведь вам, например, удалось обнаружить, что в вены был впрыснут раствор сульфата цинка, то есть тело в некотором роде набальзамировали, чтобы оно не издавало неприятного запаха.

– Я был внимателен, не более того, – вновь запротестовал Жюв.

– Хорошо, раз вы так настаиваете, будем считать, что в деле Белсома вы не проявили всех своих выдающихся способностей, но все же, как я вам уже говорил, дело Лангрюн вы довели до конца.

– О! Так уж и довел...

– А ведь я знаю, Жюв, что вы присутствовали на судебном разбирательстве в Кагоре.

– Вот как? И что же?

– Скажите, что вы обо всем этом думаете?

– О чем конкретно? – уточнил полицейский.

– Кто убил маркизу? Виновен или нет Этьени Рамбер? Справедлив ли приговор?

– Господин Фюзелье, – заговорил полицейский, – если бы кто другой спросил меня об этом, я бы не стал отвечать или сумел как-нибудь уклониться от прямого ответа. Но мы так давно знаем друг друга и вы всегда так по-дружески относились ко мне, что я готов поделиться с вами своими соображениями. Я считаю, что дело Лангрюн не окончено, и пока не могу утверждать ничего определенного...

– Так что ж, по-вашему, Шарль Рамбер не убивал маркизу?

– Этого я не говорил.

– Ну хорошо, а Этьени Рамбер, он что, невиновен в смерти сына?

– Вполне возможно.

– Я что-то совсем ничего не понимаю...

– Видите ли, мы так и не знаем, как все произошло на самом деле... Эта мысль не дает мне покоя. Я постоянно думаю об этом убийстве, и день ото дня оно вызывает у меня все больший интерес.

Фюзелье молча ждал продолжения, и Жюв заговорил опять:

– Вы даже не представляете, что́ приходит мне в голову...

Фюзелье подождал несколько минут в надежде, что полицейский скажет что-нибудь еще. Но тот молчал.

– Жюв! – наконец сказал Фюзелье и погрозил ему пальцем. – Я обвиняю вас в том, что вы хотите приплести Фантомаса к убийству маркизы де Лангрюн.

– Признаю свою вину, господин следователь... – в тон ему отвечал Жюв.

– Дался же вам этот Фантомас, черт побери! – воскликнул следователь. – По-моему, вы без него и шагу ступить не можете.

– Каюсь.

Но тут Фюзелье вновь сделался серьезным.

– Я хочу спросить вас кое о чем, Жюв. Боюсь только, что мой вопрос покажется вам несколько бестактным.

– Умоляю вас, не стесняйтесь.

– Так вот, дорогой мой Жюв, как могло случиться, что вы до сих пор не заинтересовались кражей в "Руаяль-Паласе" и не обратились ко мне с расспросами?

– Вы имеете в виду историю с Софьей Давидовой?

– Да... и с Фантомасом!..

– О! И с Фантомасом? – усомнился Жюв. – Не уверен.

– Гм, но вы, наверно, слышали, Жюв, что грабитель оставил визитную карточку, на которой впоследствии проступила подпись Фантомаса?..

Жюв взял стул, сел на него верхом и, скрестив руки на спинке, уперся в них подбородком.

– На мой взгляд, господин Фюзелье, Фантомас тут ни при чем.

– Почему вы так считаете?

– Видите ли, мне что-то не верится, чтобы Фантомас стал оставлять после себя подобные свидетельства. Это не в его привычках. Того и гляди, он начнет убивать и грабить в фирменной фуражке "Фантомас и Ко"!

Фюзелье рассмеялся:

– А может, Фантомас хотел тем самым бросить вызов полиции? Вы думаете, он на это неспособен?

– У меня, господин Фюзелье, есть другая версия, скорее всего, дело обстояло так: самому обыкновенному воришке просто пришла в голову блестящая мысль выдать себя за Фантомаса... Ловкий трюк – и только.

– Нет, Жюв! Вы ошибаетесь! Заурядному воришке не под силу украсть с ходу бриллиантовое ожерелье и сто двадцать билетов по тысяче франков. Кстати говоря, такая добыча вполне могла соблазнить и Фантомаса... И заметьте, какая дерзость!

– Тогда расскажите мне обо всем этом поподробнее, господин Фюзелье.

Следователь сел за свой стол и, поглядывая в бумаги, которые еще не успел убрать в бювар после утренних допросов, посвятил Жюва во все подробности этого более чем странного дела.

– Больше всего меня поражает, – сказал Фюзелье, – как ловко преступник сумел выбраться из отеля: оказавшись в коридоре, он прыгнул в лифт, в одну минуту переоделся в ливрею слуги и сразу же попробовал проскочить наружу. Швейцар остановил его. Что ж, он не растерялся, снова сел в лифт, который потом отослал на шестой этаж с компрометирующей его одеждой, а сам явился перед дежурным Мюллером, получил задание предупредить полицию, опрометью спустился вниз и, заморочив голову швейцару, который в тот момент разговаривал по телефону, заставил его открыть дверь. Грабитель, проявивший такое хладнокровие, такую смекалку, вполне достоин называться Фантомасом!

Жюв задумался.

– Нет, – сказал он наконец, – меня это не удивляет. Любой мало-мальски ловкий воришка сделал бы то же самое. На мой взгляд, гораздо любопытнее, как этот человек сумел выйти из номера Софьи Данидовой, помешав ей позвать на помощь. Вот это и в самом деле поразительно. Вместо того чтобы зажать княгине рот, запереть ее, скажем, в спальне, он требует, чтобы она проводила его до двери, то есть до самого гостиничного коридора, где только чудо может спасти его, но он в себе уверен: страх княгини перед ним столь велик, что она не пикнет. Прекрасная работа! Точный расчет! Просто поразительно!

– Теперь вы сами видите, дело это необычное, – сказал

Фюзелье. – И многого я так и не понял. Почему, по-вашему, дорогой мой Жюв, грабитель так долго оставался в обществе княгини Данидовой? Зачем понадобилась ему вся сцена в ванной? И зачем было разыгрывать из себя влюбленного?

После нескольких минут раздумья Жюв ответил:

– Мне кажется, господин Фюзелье, это объясняется совершенно однозначно. Но сначала я хочу спросить вас: вы, конечно, осмотрели номер княгини, как вы думаете, где прятался грабитель?

На этот вопрос Фюзелье ответил без колебаний:

– Мне посчастливилось установить это совершенно точно. Как вы помните, началось все в ванной. Там находятся стенные шкафы, сама ванна и, наконец, душ. Речь идет о большой душевой установке фирмы "Норчер". Сверху на душ крепится большая клеенка, которая спускается вниз до самого поддона. Так вот, я обнаружил на эмалированной поверхности этого поддона следы ботинок... Совершенно очевидно, что грабитель в тот момент, когда Софья Данидова входила в ванную, прятался в своеобразной душевой кабинке, прикрытой клеенкой...

– А душ, конечно, расположен возле окна? – вмешался Жюв. – И окно, конечно, в тот вечер оставалось открытым – во всяком случае, до того момента, пока служанка не пришла готовить ванну?

– Именно! И что это, по-вашему, нам дает?

– О! Это интересно! Очень интересно! – отвечал Жюв. – Вы спрашивали, зачем грабителю понадобилось разыгрывать из себя влюбленного? Этому может быть лишь одно объяснение. Номер мадам Ван ден Розен, где он только что украл ожерелье, – соседний с номером княгини, не так ли? По той или иной причине ему не удалось выйти в коридор, тогда он решил сразу же проникнуть в номер княгини Данидовой через балкон, вылез на него через окно, а потом, также через окно, попал в ванную княгини.

– И вы предполагаете, что в этот момент в ванную вошла Надин и ему пришлось спрятаться?

– Нет-нет, – отвечал Жюв, – не торопитесь, господин Фюзелье. Я совсем не думаю, что все это чистая случайность. У преступника был свой план, и спрятался он в душевую кабинку главным образом затем, чтобы дождаться княгини.

– Но зачем ему было ее ждать? – возразил Фюзелье. – Если он оказался у княгини еще до ее возвращения, он мог преспокойно взять бумажник и скрыться.

– Нет, как раз этого он сделать не мог! Конечно, я могу ошибаться, но у меня есть объяснение, которое кажется мне вполне правдоподобным. Сейчас конец месяца. Княгиня Софья Данидова собиралась расплачиваться со своими кредиторами, очевидно, грабителю это было известно. Видимо, он знал и то, что княгиня получила из сейфа бумажник, набитый ценными бумагами... но вот куда она спрятала этот бумажник – этого он знать не мог... тогда он подождал ее, чтобы узнать все от нее самой... и узнал!

– Ну, это уж слишком, Жюв, – запротестовал Фюзелье, – не хотите же вы сказать, что княгиня сама указала ему на ящик секретера.

Жюв встал со стула и облокотился о стол Фюзелье.

– Представьте себе, указала! Как я вам уже говорил, я предполагаю, что грабитель намеревался украсть бумажник, но не знал, где он лежит. Он прячется в душевой кабинке и ждет, чтобы княгиня Софья Данидова либо легла в кровать, либо в ванну и тем самым оказалась в полной его власти. Его предположения сбываются. Княгиня ложится в ванну, грабитель точно знает, как ему себя вести; он появляется перед ней, угрожает, запугивает, потом успокаивает, прикидывается влюбленным, а затем придумывает трюк со светом, и, уверяю вас, вовсе не для того, чтобы пощадить целомудрие княгини, а чтобы иметь возможность обыскать ее вещи и убедиться, что бумажник не лежит у нее в сумочке... Я уверен, найди он в тот момент бумажник, и он бы тут же сбежал... но он его не находит! Тогда он идет в спальню, спокойно ожидает там княгиню, и вскоре она действительно приходит туда. Он не знает, где бумажник, но внимательно следит за каждым жестом, каждым взглядом княгини, глаза ее невольно устремляются к заветному ящику и уж не могут от него оторваться... он прекрасно понимает, что́ тревожит его жертву, на мгновение повернувшись к ней спиной, он бросает в ящик свою визитную карточку и достает оттуда бумажник... С этого момента у него одна задача – уйти, что он и делает: проявив незаурядную смелость и находчивость, он заставляет княгиню проводить себя до двери.

– Я просто восхищаюсь вами, Жюв! Целый день я допрашивал прислугу из "Руаяль-Паласа", собирал показания мадам Ван ден Розен и княгини Софьи Данидовой и так и не сумел во всем этом разобраться. Вполне возможно, если в ближайшее время не объявится какой-нибудь более достойный претендент, я все же отправлю в тюрьму дежурно-

го Мюллера или администратора Луи, но, говоря по совести, пока у меня не было для этого никаких оснований.

– И у меня они не вызывают подозрений, – поддержал его Жюв, – тем более что мы располагаем одной очень важной уликой: из рассказа Софьи Данидовой следует, что грабитель, перерезая электрические провода, сильно обжег себе ладонь... не так ли, господин Фюзелье?

– Да, так, – подтвердил следователь. – Но видите ли...

– Понимаю, понимаю... Мюллер или Луи вполне могут быть сообщниками.

– Вот именно! И все же, Жюв, за пять минут, сидя в кресле, вы все мне объяснили... Браво! Браво! Вот только почему вы отказываетесь верить, что в этом деле участвовал Фантомас?

Жюв, не отвечая на комплименты следователя, вынул из кармана часы.

– А ведь мы не зря потратили с вами время, господин Фюзелье. Признаюсь, я действительно не придал большого значения кражам в "Руаяль-Паласе"... Но теперь, когда мы с вами поразмышляли над некоторыми подробностями, это дело начинает меня сильно интересовать.

XII

УДАР В ВИСОК

Обед в "Руаяль-Паласе" подходил к концу. В большом зале, где обедала прислуга отеля, царило большое оживление. Сидя за отведенным ему столом, главный метрдотель говорил, смеясь:

– Ох уж эти господа, ну и вредные же они! Готовы друг другу в глотку вцепиться. Только что, подавая кофе, я слышал разговор между герцогом и герцогиней де Винжеле. И знаете, что они говорили о ночных кражах в отеле?

– Нет, а что? – с любопытством спрашивали вокруг.

– Они говорили, что Ван ден Розен, у которой украли ожерелье, получила по заслугам! А что касается кражи у княгини Софьи Данидовой, – продолжал метрдотель, – то они нашли ей прекрасное объяснение. "Знаешь, – говорил герцог своей супруге, – эти великосветские русские дамы не внушают мне доверия, да еще эта история с ванной... По-моему, все очень легко объяснится, если поискать среди княгини-

За соседним, в некотором роде почетным столом речь то-
же шла о таинственной краже.

– Господин Анри Вербье, – говорил Мюллер служащему
дет сорока, – боюсь, у нас сложится не слишком приятное
мнение о нашем отеле, как жаль, что именно теперь, когда
на "Гранд-Палас" обрушилась такая напасть, нас отозвали
из нашего филиала в Каире.

– Помилуйте, – отвечал Вербье, – для меня это не имеет ни-
какого значения. Смею вас уверить, подобных историй я на-
смотрелся немало, меня трудно удивить. И все же, госпо-
дин Мюллер, я не понимаю, почему полиция до сих пор так
и не напала на след преступника.

Луи с удрученным видом пожал плечами:

– Полиция сделала все, что могла.

– Как это, однако, неприятно, – продолжал Анри Вербье.

– Что делать, если преступник оказался хитрее нас всех! Кстати, неделю назад сам судебный следователь признал это открыто во Дворце Правосудия.

– Он что, никого не подозревает?

– Совершенно никого.

– Позвольте, позвольте, кое-кого он все же подозрева-
ет, – вмешался улыбающийся Луи, – и это не кто иной, как
наша милая соседка мадемуазель Жанна.

Анри Вербье повернулся к кассирше.

– Как, следователь хотел впутать вас в это дело? – спро-
сил он.

– О! Господин Луи просто дразнит меня!

– Но почему тогда он так долго вас допрашивал?

– Мы ведь уже не раз все это обсуждали. Я сейчас объясню
вам в двух словах, в чем дело, господин Вербье; следователь
обратил внимание на двойное совпадение: утром того дня,
когда была совершена кража, я выдала княгине Софье Да-
видовой бумажник со ста двадцатью тысячами франков, ко-
торый она, по обыкновению, вручила мне на хранение не-
сколькими днями раньше.

– Ну, в этом, кажется, нет ничего странного, – возразил
Анри Вербье.

– Конечно, – вмешался Мюллер, – но мадемуазель Жанна
не все вам рассказала... Представьте себе, что Ван ден Розен,
та самая госпожа, у которой украли бриллиантовое ожерелье,
за несколько минут до кражи просила мадемуазель Жанну
принять на хранение эту драгоценность, но мадемуазель Жан-
на отказалась.

– Вот это и в самом деле весьма некстати, сказал Ре... кассирше, – теперь я понимаю, почему следователь так в вас вцепился.

– Фу, какие вы противные! – воскликнула кассирша. Послушать вас, так получается, будто я неспроста отказалась принять ожерелье мадам Ван ден Розен. Скажите уж прямо, что я сообщница...

– Уверяю вас, мадемуазель Жанна, именно такая мысль у... была у следователя, – вмешался Луи.

– На самом деле вот как все было, – стала объяснять мо... лодая женщина, не обратив внимания на слова Луи. – По здешним правилам я обслуживаю постояльцев отеля, при... нимаю и выдаю им ценные вещи до девяти часов вечера. В девять часов моя служба заканчивается. Вы понимаете, что, как лицу материально ответственному, мне шутить не положено. И потому, когда в тот день мадам Ван ден Розен явилась со своим бриллиантовым ожерельем в половине де... сятого, я имела полное право ей отказать.

– Конечно, конечно, дорогая Жанна, – откликнулся Мюл... лер, – но из любезности вы все же могли пойти ей навстречу.

– Могла, – отвечала молодая женщина, – но правило есть правило.

Не успела мадемуазель Жанна вернуться в свою комнату, что на шестом этаже под самой крышей, отворить окно и опереться о подоконник, как в ее дверь постучали.

– Войдите, – ответила кассирша и обернулась.

Появился Анри Вербье.

– Я теперь ваш сосед, – сказал он, – вот увидел, как вы мечтаете у окошка, и подумал, может, вы не откажетесь вы... курить египетскую сигару. Я привез их с собой из Каира, очень мягкий табак, специально для женщин.

– Как это мило, что вы вспомнили обо мне, – отвечала Жанна, – вообще-то я не курильщица, но иногда балуюсь.

– Что ж! Если вы хотите меня отблагодарить, то вам это сделать очень просто, – сказал Анри Вербье.

– То есть?

– Позвольте мне остаться на несколько минут и покурить вместе с вами.

– Охотно, я так люблю вечером перед сном посидеть не... много у окошка, подышать воздухом... Вы меня развлечете, расскажете о Каире?

Улыбнувшись, Анри Вербье многозначительно взглянул на

молодую женщину.

– Какой удивительный летний вечер! Какой красивейший вид открывается из вашего окна. Я весь во власти какого-то необыкновенного чувства. У вас так не бывает, мадемуазель Жанна?

– Нет. А что вы имеете в виду?

– Сам не знаю. Но видите ли, мадемуазель Жанна, я, к сожалению, человек сентиментальный и очень страдаю от одиночества, ведь у меня нет близких, нет привязанностей... Бывают такие минуты, когда сердцу так хочется любить!

Кассирша насмешливо взглянула на него.

– Любовь – это полная ерунда! – отрезала она. – Ничего глупее и придумать невозможно.

– Нет, любовь – это не глупость, – осторожно возразил ей Анри Вербье, – для нас это единственный путь к счастью. Любовь – это огромное богатство.

– Да, только при таком богатстве можно спокойно умереть от голода...

– Да нет же! Представьте, что мы с вами влюбленные... – Молодая кассирша молчала, и Анри Вербье взял ее за руку. – Ну разве это не замечательно? Я беру ваши пальчики вот так, как делаю это сейчас... И смотрю на них нежно-нежно... Я целую их...

Но девушка вырвала у него руку.

– Прекратите, – закричала она, – я честная девушка, господин Вербье!

– О! Разве я в этом сомневаюсь? – возразил Вербье. – Но неужели в такой прекрасный вечер вы откажете мне в поцелуе? – И, перейдя от слов к делу, Анри Вербье наклонился к девушке, обнял ее за талию и собрался было запечатлеть на ее шее поцелуй, но молодая кассирша вырвалась из его объятий.

– Нет, не хочу! – сердито крикнула она. – Вам понятно?

Голос у нее был резкий, решительный. Однако мадемуазель Жанне не хотелось обижать молодого человека, и она постаралась поскорее перевести разговор на другую тему:

– Что-то становится прохладно, вам не кажется? Пойду накину шаль.

Отойдя от окна, мадемуазель Жанна направилась в глубь комнаты, к вешалке.

– Бог мой, какая же вы злючка, – вновь заговорил Анри Вербье. – Но если вам холодно, совсем не обязательно идти за шалью, я знаю куда более приятный способ согреться.

– А именно? – спросила мадемуазель Жанна.

– А именно, – отвечал Анри Вербье, который, протянув руки вперед, готовился поймать на ходу молодую кассиршу, – просто прижаться друг к другу.

И он заключил девушку в свои объятия, но тут она с молниеносной быстротой вырвалась и, неожиданно перейдя в наступление, нанесла ему в висок сильнейший удар кулаком.

Издав глухой стон, Анри Вербье лишился чувств и рухнул на пол.

Мгновение мадемуазель Жанна как бы в оцепенении смотрела на лежащего на полу мужчину, потом на удивление проворно бросилась к окну и захлопнула его.

Десять минут спустя улыбающаяся мадемуазель Жанна прошла мимо дежурного швейцара и пожелала ему доброго вечера.

– Я ненадолго. Пойду немного пройдусь.

Анри Вербье довольно быстро очнулся от своего обморока, но приходил в себя с трудом, не понимая толком, что с ним приключилось. Медленно приподнявшись, он оглядел комнату и увидел закрытое окно.

– Никого! – произнес он нетвердым голосом.

Услышав свой собственный голос, он вдруг окончательно вернулся к жизни, вскочил на ноги, бросился к двери и стал яростно колотить в нее.

– Проклятие! – вскричал он. – И не докричишься! Все внизу. Я заперт!

Он бросился к окну, собираясь звать на помощь, но, мельком увидев свое отражение в зеркале, украшавшем камин, остановился, подошел к зеркалу и стал с ужасом разглядывать себя: на виске у него была рана и оттуда вытекала маленькая струйка алой крови.

– Подумать только, я, Жюв, позволил обвести себя вокруг пальца женщине!

Но тут же Жюв – а ведь Анри Вербье был не кто иной, как ловко загримированный знаменитый полицейский Жюв, – стукнул ногой, сжал кулаки и заскрипел от злости зубами:

– Пропади все пропадом! Но ведь так ударить, с такой силой, мог только мужчина!..

XIII

БУДУЩЕЕ ТЕРЕЗЫ

В роскошном, недавно купленном особняке по улице Эжена Флаша Этьенн Рамбер принимал гостя – банкира Барбе. Мужчины только что докурили сигары, было десять часов вечера. Расхаживая взад-вперед по своему кабинету, Этьенн Рамбер оживленно обсуждал с финансистом проблему размещения капиталов.

– Конечно, – говорил Рамбер, – капиталы Ассоциации сельскохозяйственных производителей вроде бы растут, но наши ценные бумаги так обложены налогами...

– Да, обложены, – отвечал Барбе, – но ведь налогообложению подвергается любой капитал.

– Что вы думаете об уральской меди, дорогой Барбе?

– Я думаю о ней совсем неплохо, – отвечал банкир, – а вас что, интересуют эти акции?

Рамбер остановился, осушил бокал превосходного шампанского, посмотрел на банкира.

– Постольку поскольку. Видите ли, по-настоящему меня интересуют лишь те дела, в которых я принимаю непосредственное участие.

– Я вами просто восхищаюсь! – воскликнул Барбе. – У вас такой темперамент, вы истинный борец! Хоть вы и мой клиент и я обязан соблюдать с вами осторожность, мне все же очень хочется посвятить вас в один мой проект, который давно уже не дает мне покоя.

– Проект?

– Да, дело это довольно щекотливое, дорогой господин Рамбер, и вы поймете все мои сомнения, как только я изложу его вам, ибо я все же решил сжечь за собой мосты; речь идет о биржевой спекуляции, но не из тех, что я обычно предлагаю моим клиентам, – она затрагивает мои собственные интересы. Я подумываю об укрупнении моего банка, то есть об увеличении капитала.

– Ах вот оно что! По-моему, очень верное решение, Барбе. Однако, если я вас правильно понял, вы хотите предложить мне сотрудничество на паритетных началах, тогда я хочу в подробностях знать ситуацию в банке и требую от вас откровенности. Само собой разумеется, дорогой Барбе, если мы с вами не договоримся, все сведения, полученные от вас, я обязуюсь хранить в тайне.

Добрых полчаса мужчины увлеченно обсуждали деловые

проблемы.

– Дорогой мой Барбе, – заключил Рамбер, – я люблю, что называется, брать быка за рога, в принципе мне нравится ваше предложение, но я не хочу входить ни с кем в долю и предпочитаю в данном случае взять все расходы на себя.

– Вот как? – удивился Барбе.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Рамбер, – вам известны размеры моего состояния – или по крайней мере вы полагаете, что они вам известны, – и вы не понимаете, откуда я собираюсь взять те двадцать миллионов, которые нужны вам для увеличения вашего капитала? Успокойтесь, они у меня есть! Да, последние два года весьма и весьма прибыльной оказалась Колумбия, – продолжал Рамбер. – Но имейте в виду, Барбе, в моем лице, хотите вы того или нет, вы будете иметь не просто соучастника, но, скорее, компаньона... Предупреждаю вас заранее: я буду пристально следить за всеми операциями вашего банка.

– Мне нечего скрывать от вас, господин Рамбер, дорогой мой компаньон, с вашего позволения, – заявил, поднимаясь, Барбе. – Напротив!

Банкир невольно взглянул в сторону камина в поисках часов. Рамбер, угадав его намерения, вынул часы из кармана.

– Без двадцати одиннадцать, Барбе, о, я знаю, вы привыкли рано ложиться спать. Вам пора идти. – Банкир стал извиняться, что не может более задерживаться, но Рамбер остановил его: – Без лишних церемоний, дорогой мой Барбе. Спокойной ночи!

Тяжелая входная дверь захлопнулась. Этьенн Рамбер, проводив гостя, вместо того чтобы вернуться обратно в кабинет, зашел в гостиную. В приглушенном абажуром свете виднелась склоненная белокурая головка: Тереза Овернуа внимательно читала. Заслышав шаги, Тереза обернулась, захлопнула книгу и гибкой, грациозной походкой пошла навстречу Рамберу.

– Сожалею, дорогой господин Рамбер, что из-за меня вы не можете лечь спать, – извиняющимся тоном сказала она. – Но что делать, я завишу от баронессы де Вибре, милой моей крестной, а милая моя крестная часто опаздывает.

После трагедии, разыгравшейся в замке Болье, друзья и близкие маркизы еще больше сплотились. Баронесса де Вибре, женщина отзывчивая, не успокоилась, пока ей не доверили опеку над осиротевшей Терезой Овернуа. Баронесса

перевезла Терезу в Керелль, чтобы не оставлять ее в замке Болье наедине с ужасными воспоминаниями. Она сочла своим долгом принять также к себе на службу управляющего Доллона и его семейство, в чем у нее не было никакой необходимости. Полетели дни, недели, время — лучший целитель — сделало свое дело, веселые и милые друзья в письмах настойчиво звали баронессу в Париж, соблазняя ее развлечениями парижского лета, и после долгих колебаний баронесса решила вместе с Терезой съездить туда на недельку. С тех пор как они приехали, прошел уже целый месяц. Поначалу баронесса заявила, что шагу не ступит без своей подопечной, ну разве что сделает несколько необходимых визитов, но постепенно светская жизнь захлестнула ее с головой. К счастью, у Терезы был еще Этьенн Рамбер. Один раз, другой, и постепенно у баронессы вошло в привычку, отправляясь на званый обед, оставлять Терезу у Этьенна Рамбера.

— Ах! — вздохнула Тереза, окидывая взглядом столь милую ее сердцу гостиную, в чьей строгой обстановке ей виделось что-то сердечное, ласковое, близкое. — Не подумайте, что я хочу сказать что-нибудь плохое о моей милой крестной, но какая же она светская, активная, веселая...

В порыве искренней нежности Тереза Овернуа обвила руками шею Рамбера, прислонилась своей белокурой головкой к его плечу и прошептала:

— Мне бы так хотелось остаться у вас...

Этьенн Рамбер ласково освободился от нежных объятий девушки. Усадив ее на диван в глубине гостиной, он сел с ней рядом.

— Да и я тоже был бы счастлив, если бы ты жила у меня. Но, к сожалению, это невозможно, приходится считаться с общественным мнением, а общественное мнение сочтет неприличным, если молоденькая девушка будет жить у одинокого мужчины.

— Но почему? — удивленно спросила Тереза. — Вас примут за моего отца.

При слове "отец" лицо Этьенна Рамбера исказилось, девушка покраснела.

— Простите меня, — прошептала она.

— Не забывай, Тереза, что я не твой, я "его" отец, отец того, кто... — едва слышно сказал Рамбер.

Чтобы переменить тему, Тереза заговорила о своем будущем:

— Когда мы уезжали из Керелля, судья Бонне посоветовал

мне обратиться к вам, дорогой господин Рамбер, если я захочу узнать свое финансовое положение. Похоже, оно не слишком блестящее? – улыбнулась девушка.

Рамбер с сожалением пожал плечами.

– О! Я не сдамся! – вскричала Тереза с беззаботностью юности. – Я знаю людей, которые, как вы, господин Рамбер, трудятся в поте лица! Я тоже смогу, я буду работать. Я могу, например, стать учительницей.

Рамбер задумчиво смотрел на Терезу.

– Бедная моя девочка, – ответил он, – я знаю, какая у тебя возвышенная душа, как ты серьезна, и это меня утешает. Уже не раз я задумывался о твоем будущем... Конечно, пройдет несколько лет, и найдется достойный молодой человек, честный, богатый, который женится на тебе...

Тереза, краснея, протестующе махнула головой.

– Найдется, обязательно найдется, – настаивал Рамбер. – Уж мы об этом позаботимся. Но пока и в самом деле необходимо найти тебе какое-нибудь занятие. Ведь ты не можешь бесконечно оставаться у баронессы де Вибре.

– Да, да, я сама это чувствую, – согласилась Тереза.

Рамбер улыбнулся:

– Знаешь, пожалуй, у меня возникла одна идея. Среди моих знакомых есть весьма знатная дама из лучшего английского общества. Я с ней в прекрасных отношениях. Эта дама очень богата и много времени посвящает делам милосердия. Возможно, ты даже слышала ее имя. Ее зовут леди Белсом.

Тереза от удивления широко раскрыла глаза.

– Леди Белсом несколько месяцев тому назад потеряла мужа, – продолжал Рамбер, – при весьма загадочных обстоятельствах, с тех пор эта дама приняла меня в круг самых близких своих друзей. Она доверяет мне и неоднократно поручала мне отстаивать ее финансовые интересы. В доме у нее живет много родственниц и просто молодых англичанок, причем не в качестве компаньонок, а просто как помощницы, секретарши. Это большая разница.

– Да, да, понимаю, – сказала весьма заинтересованная Тереза.

– Все эти девушки, – продолжал Рамбер, – из самых знатных английских семейств, в большинстве своем дочери английских вельмож. Если леди Белсом – а я поговорю с ней – согласится принять тебя к себе, ты окажешься в весьма приятном окружении, и я не сомневаюсь, что леди Белсом, которой ты, конечно же, понравишься, впоследствии позаботит-

ся о твоем будущем...

– Дорогой господин Рамбер, – процедила взволнованная Тереза, – сделайте это для меня, поговорите с леди Белсом, я буду так счастлива!

XIV

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЖАННА

Отойдя на приличное расстояние от "Руаяль-Паласа", мадемуазель Жанна свернула на улицу Тилсит, а затем пошла по бульвару в сторону Триумфальной арки. В полном смятении от того, что с ней произошло, в ужасе, что без достаточных оснований совершила столь необдуманный поступок, она вдруг почувствовала страшную слабость в ногах и, увидав свободную скамейку, опустилась на нее. Однако вскоре она сумела взять себя в руки и постаралась побыстрее добраться до вокзала Тайо.

– Когда отправляется поезд до Сен-Лазара? – спросила она у первого попавшегося железнодорожника.

– Сейчас отходит, мадам, – отвечал он. – Поспешите!

Мадемуазель Жанна взяла билет во второй класс. В Курселле, внезапно решившись, она вышла. В тот момент, когда пробило полночь, она находилась на маленькой пустынной площади между Северным и Южным бульварами Перер. С площади Жанна решительно свернула на улицу Эжена Флаша. Остановившись у одного из особняков, она позвонила в дверь.

– Вас спрашивает дама, – объявил лакей Этьенну Рамберу.

Рамбер, ожидавший баронессу де Вибре, поспешно распорядился:

– Скорее! Скорее! Проводите ее сюда!

Дверь гостиной приоткрылась, пропуская посетительницу, которая тут же постаралась проскользнуть в самый темный уголок. Тереза с радостью поспешила ей навстречу, но тут же остановилась, не узнавая своей крестной. Этьенн Рамбер в свою очередь взглянул на вошедшую женщину и тоже не узнал ее.

– С кем имею честь? – спросил он, поклонившись. И тут же, подойдя поближе, воскликнул: – О боже!

Снова раздался звонок. На сей раз в гостиную вошла улыбающаяся баронесса де Вибре.

Ой, как я поздно! — воскликнула она.

Она подошла к Рамберу, протягивая ему руки, окинула Терезу долгим ласковым взглядом и приготовилась рассказать что-то забавное. Но тут она заметила в углу гостиной незнакомую женщину, которая стояла как статуя, опустив глаза. Этьенн Рамбер, который поначалу было растерялся, наконец взял себя в руки и уже со спокойным выражением лица подошел к таинственной незнакомке.

– Мадам, будьте добры подождать меня в кабинете, – сказал он.

Проводив посетительницу в кабинет, он сейчас же вернулся обратно.

– Кто эта женщина, господин Рамбер? – спросила Тереза. – Почему вы так бледны?

Рамбер улыбнулся натянутой улыбкой.

– Я немного устал, дитя мое, последние дни я очень много работал.

– Это все из-за меня, – вмешалась баронесса. – Из-за меня вы не можете лечь спать, мы сейчас же уходим...

Как только за женщинами закрылась дверь, Рамбер поспешно вернулся в свой кабинет, запер дверь на два оборота ключа и, сжав кулаки, сверкая глазами, бросился к незнакомке.

– Шарль! – вскричал он. – Что это значит?

– Отец! – отвечала девушка, опускаясь на диван. – Я больше не хочу, не хочу выдавать себя за женщину, – шептала девушка. – Это просто невыносимо!

– Так надо! – проговорил Рамбер резко и властно. – Я требую!

Тем временем мнимая Жанна потихоньку сняла с себя тяжелый парик. Потом рванула корсаж, стягивающий ей грудь, под рубашкой виднелось сильное мускулистое мужское тело.

– Нет! Нет! Я больше не могу! Что угодно, отец, только не это! – твердил молодой человек, которого взволнованный Рамбер уверенно назвал Шарлем.

– Ты должен искупить! – не отступал Этьенн Рамбер.

– Это адская мука, это выше моих сил!

– Шарль, – торжественным голосом воскликнул Рамбер, – разве ты забыл, что для всех ты умер?

– Ах, тысячу раз я предпочел бы умереть по-настоящему, – отвечал несчастный юноша.

Этьенн Рамбер, который до сих пор стоял поодаль, наконец приблизился к молодому человеку и заговорил очень быстро, словно ему хотелось поскорее высказать свою мысль:

Уны! Ты, оказывается, совсем не так болен, не так безумен, как мне казалось! Я спас тебя вопреки всему, на свой страх и риск, потому что считал тебя больным...

Отец! — Взгляд юноши был полон такой отчаянной решимости, что Этьенну Рамберу на секунду стало страшно. Я хочу знать, каким образом вам удалось спасти меня и выдать за утопленника? Это что, случайность? Или тщательно проработанный план?

Этьенн Рамбер всплеснул руками:

— Господи, сын мой! Да у меня и в мыслях ничего такого не было. Случайно, слышишь ты, случайно я обнаружил труп утопленника, тут мне и пришло в голову выдать его за тебя, и я достал тебе женскую одежду...

— И что вы сделали, отец?

— Я закопал одежду мертвеца и одел его в твою. Вот на что способно иногда провидение. А дальше, Шарль, ты ведь знаешь, что́ я пережил: как я сидел на скамье подсудимых и не знал, куда деваться от стыда. Ты ведь читал обо всем этом в газетах, не так ли?

— Так вот как было дело! Какое странное совпадение... — задумчиво и печально проговорил Шарль. Но уже через секунду воскликнул голосом, прерывающимся от рыданий: — Бедный, бедный отец! Над нами тяготеет рок!

— Рок! — повторил за ним Этьенн Рамбер.

— Отец, я не убивал маркизы де Лангрюн, верьте мне! — вдруг вскричал молодой человек и резко вскочил на ноги.

— Я запрещаю тебе говорить об этом. Запрещаю! — Скрестив руки на груди, Этьенн Рамбер вдруг сухо спросил: — Ты пришел только затем, чтобы мне это сказать?

— Я больше не могу выдавать себя за женщину.

— Не можешь? Почему?

— Не могу, и всё.

Но тут Этьенна Рамбера словно осенило.

— А, кажется, я начинаю понимать, — заговорил он. — Да, теперь мне все ясно. Ведь в "Руаяль-Паласе", где мадемуазель Жанна выполняет ответственную работу, совершены две дерзкие, отвратительные кражи. И конечно же, — продолжал он с иронией в голосе, — если кто вдруг узнает в странной кассирше Шарля Рамбера...

— Я не крал!

— Крал! — отрезал Этьенн Рамбер.

Шарль отрицательно покачал головой, у него перехватило дыхание.

– Крал! – снова повторил Этьенн Рамбер. И несчастный отец зашептал сыну на ухо: – Я прочел в газетах об этих кражах и очень встревожился – ведь я знаю, какой у меня сын; я прочел и все понял, потому что...

– Отец, я не крал! – вскричал Шарль пронзительным голосом. – Я тут ни при чем. – И мгновение спустя продолжил почти угрожающе: – Опять вы за свое? Опять, как и в замке Болье, будете мучить меня ужасными намеками? Какой злой гений вдохновляет вас? Почему вы изо всех сил стремитесь видеть своего несчастного сына преступником?

Рамбер пожал плечами:

– Ты защищаешься, как ребенок. Отпираешься без всяких доказательств. Словами не оправдаешься, нужны факты, только факты.

Отчаявшись переубедить отца и устав от спора, Шарль молчал.

– Но раз ты все же здесь, – внезапно заинтересовался Этьенн Рамбер, – раз ты, взволнованный, прибежал к отцу искать защиты, значит, произошло что-то, чего я не знаю, и недавно... Что случилось? Да говори же!

– Несколько дней назад в гостинице появился полицейский, – объяснял Шарль, – назвался Анри Вербье. Но я-то сразу узнал его, хоть он и изменил свою внешность, потому что видел его совсем недавно, в те дни, которые особенно отчетливо врезались в мою память...

– Кого ты имеешь в виду? – прервал его встревоженный Рамбер.

– Это был Жюв!

– Жюв?! – вскричал Этьенн Рамбер. – Продолжай же!

– Жюв под видом Анри Вербье устроил мне что-то вроде допроса, уж не знаю, чего он добивался... А вечером, сегодня, часа два назад, он постучал ко мне в комнату и долго беседовал со мной, а потом подошел, взял за руку, обнял за талию, тогда я изо всех сил ударил его кулаком в висок, он повалился на пол как подкошенный, а я сбежал...

– Он умер? – спросил Этьенн Рамбер.

– Не знаю.

Шарль Рамбер, которого отец оставил одного в кабинете, сидел задумавшись. Дверь отворилась, возвратился Этьенн Рамбер. Он принес сверток с вещами.

– Возьми, – сказал он, – вот тебе мужская одежда, одевайся и уходи!

Жорж Самбадель небрежно стряхнул пепел с трубки на мраморную доску камина и с удоплетворением обнаружил, что светлое дерево пеньковой трубки начало обкуриваться.

– Все это прекрасно, друг мой Перре, – сказал он, – но только, когда я стажировался в Питье и даже Божоне, кормили нас куда лучше, хотя порции были такие же. Все зависит от начальства.

– Да это же естественно, черт побери, – отвечал Перре. – В больницах всегда еда лучше по вполне понятным причинам. Можно кое-что выгадать на больных.

Когда доктор Бирон построил в Пасси свою нервную клинику, где, как говорилось в проспектах, оказывалась помощь как людям в состоянии переутомления и перевозбуждения, так и больным неврозами и более серьезными формами психических расстройств, он во всеуслышание объявил, что с удовольствием примет на работу врачей, практиковавших ранее в обычных больницах. С его стороны это было очень разумно, клиника, по существу приравненная к государственным учреждениям, процветала.

Повернувшись к Самбаделю, Перре продолжил:

– Ладно бы дирекция воровала себе, и пусть, но ведь она из нас все соки выжимает. Моя мечта – сдельная работа, а мы, что называется, сидим на подряде. Какого черта! Ведь мы с тобой, с нашими докторскими степенями, пришли сюда только для того, чтобы иметь возможность продолжать научную работу.

– Кто же тебе мешает?

– А где взять время, позволь тебя спросить? На больных сколько уходит: и поговорить с ними надо, и понаблюдать, и лечение назначить, а все остальное сжирают бумаги. Эти бумаги – пустая трата времени! – раздраженно воскликнул Перре. – Кстати, давно хочу тебе сказать, у меня тут есть для тебя одна больная – по-моему, как раз подходит для твоей статьи о галлюцинациях. Рамбер, сорока лет, мания преследования... беспредметный страх.

– Как же, как же, ее лечили покоем и усиленным питанием.

– Вижу, эту больную ты хорошо запомнил.

– Очень интересный случай. И как она?

– Представь себе, старик, у нее значительное улучшение.

А ведь, когда ее переводили из твоего отделения ко мне, надежд на выздоровление не было никаких, больная считалась неизлечимой.

- Как она ведет себя?

Практически нормально. Болезнь свою не забыла, но сознание совершенно ясное. Помнит о приступах, но приступов больше нет. Функция мозга выправляется, женщина возвращается к жизни. - Подойдя к столу, Перре взял в руки бумагу для писем со штампом клиники. Забавно, правда? Больные манией преследования не так-то часто выздоравливают. Я как раз собираюсь писать ее мужу – он, видно, не получил моего предыдущего письма, во всяком случае, так на него и не ответил. Я уже тогда писал ему, что жена его пошла на поправку и, возможно, в скором времени будет здорова, а теперь я хочу отправить ее в наш санаторий, и мне нужно получить его согласие. Как бы только этот Рамбер не захотел забрать ее домой. Тогда в нашем санатории будет одним пансионером меньше и у нашего дорогого директора надолго испортится настроение.

– Странный человек наш директор: расстраивается, вылечив сумасшедшего! – воскликнул Самбадель.

Произнеся эту тираду, Самбадель занялся письмами, тишину ординаторской нарушал лишь скрип пера. Тем временем в комнату вошел санитар и бросил на стол объемистую связку корреспонденции.

– Утренняя почта, – объявил он.

Перре отодвинул в сторону лист бумаги, куда заносил данные вчерашнего осмотра, и принялся разбирать связку.

– Письма только официальные, – сказал он, отвечая на немой вопрос товарища. – Не повезло тебе сегодня! Не видать тебе заветного сиреневого конвертика, который действует на тебя столь благотворно.

– Что же, сегодня мне некогда расстраиваться. Сейчас приедет Свелдинг...

– Датский профессор?.. Так его ожидают сегодня?

– Вроде бы...

– И что это за тип?

– Хм! Из тех ученых, кому не удалось прославиться у себя на родине.

– Он, кажется, что-то опубликовал в прошлом году?

– Да, в письме он упомянул свою новую книгу: "Клинические исследования по идеонтологии воспаленного воображения". Небось страниц на двадцать пять, не больше!

Мадемуазель Люси! - кричал Перре. - Сейчас же унесите отсюда белье. Черт возьми! У нас ведь сегодня официальный визит!

- И чего пыжится! - буркнула сестра.

– А вы, мадемуазель Берта, может, вы наконец оставите в покое свою прическу? – накинулся Перре на другую медсестру, но тут же переключился на санитара: - Что за безобразие, Жан? Сейчас же бросьте сигарету! Вам бы только бездельничать!

В то время как врачи наводили в клинике порядок, доктор Бирон беседовал у себя в кабинете с профессором Свелдингом.

– Я счастлив, дорогой мэтр, - говорил Бирон умильно и слащаво, – что вы почтили нас своим визитом.

Доктору Бирону было лет сорок, высокий, статный, с прекрасным цветом лица, он отличался необычайной живостью, энергия била в нем через край. Что же касается профессора Свелдинга, то для пожилого ученого он выглядел довольно странно. Лет ему было около шестидесяти, но возраст выдавала разве что седина в кудрявой шевелюре.

– Поверьте, уважаемый коллега, – говорил он, – я так ценю возможность ознакомиться с опытом ученого вашей величины!

– Не хотите ли пройтись со мной по клинике?

Профессор Свелдинг охотно согласился, и они вышли в парк.

– Видите ли, профессор, – объяснял доктор Бирон, – я сторонник теории изоляции и потому не стал строить одно большое здание, а разбросал по территории ряд небольших коттеджей. Это позволило мне расселить моих больных вдалеке друг от друга: психопатов отдельно от умственно отсталых, истериков отдельно от маньяков, тихих помешанных отдельно от буйных.

– Мы в Дании тоже применяем метод изоляции, – одобрительно закивал головой профессор Свелдинг, – только не так широко. Я вижу, при каждом коттедже есть маленький садик?

– Обязательно, – подтвердил доктор Бирон. И он пригласил своего гостя зайти в один из садиков, где мужчина лет пятидесяти прогуливался в сопровождении двух санитаров. – Взгляните, профессор, – сказал доктор, – у этого больного мания величия.

Тем временем больной приблизился к ним.

– Как вы себя чувствуете сегодня, друг мой? – спросил доктор Бирон. – Вы больше не разговаривали со святым Петром?

Сумасшедший удивленно взглянул на Бирона.

– О чем я могу разговаривать с моим швейцаром? – ответил он.

– Какое лечение вы назначаете в подобных случаях? Изоляции, видимо, недостаточно? – спросил профессор.

– Конечно! – живо откликнулся доктор Бирон. – Я стараюсь действовать по принципу: в здоровом теле здоровый дух... окружаю больного чистотой и уютом, организую усиленное питание, в общем, создаю все условия, чтобы он мог успокоиться и отдохнуть. В то же время я стараюсь ему не противоречить, но и не поощряю его, я просто игнорирую его идефикс, не обращаю на него никакого внимания. Пусть он считает себя богом, я не говорю ему ни да, ни нет!.. В каждой больной голове, господин профессор, сохраняются остатки здравого смысла; когда больной проголодается, он попросит поесть, тут я удивлюсь, зачем ему есть, если он бог... И ему придется выкручиваться. Вот так постепенно я переубеждаю его мышление.

– И много у вас случаев выздоровления?

– Трудно сказать, для различных видов заболеваний разная статистика.

– Естественно. Но если взять, например, манию преследования, какой процент успеха?

– Двадцать процентов полного выздоровления и сорок процентов значительного улучшения.

Профессор Свелдинг был явно восхищен этими результатами.

А доктор Бирон уже вел его дальше.

– Слышите крики? Это буйные, но их мы, пожалуй, навещать не будем. Лучше я покажу вам одну больную, которая через несколько дней возвращается домой. Я считаю ее практически здоровой.

В маленьком садике на скамейке сидела женщина лет сорока и вышивала.

– Видите эту даму? Вон там? – говорил доктор Бирон. – Это госпожа Алиса Рамбер. Она у меня уже десять месяцев. Ей повсюду мерещились убийцы. Я окружил ее вниманием, организовал для нее усиленное питание, восстановил ее физическое состояние и потихоньку лечил ее психику. Сейчас это уже совершенно другая женщина.

– И прежнее больное состояние не возвращается?

– Нет.

– А в случае сильного потрясения?

– Не думаю.

– Я могу поговорить с ней?

Доктор Бирон подвел гостя к скамейке.

– Госпожа Рамбер, – сказал он, – разрешите представить вам профессора Свелдинга, который во что бы то ни стало хотел засвидетельствовать вам свое почтение.

Госпожа Рамбер поднялась.

– Я рада познакомиться с господином Свелдингом, – сказала она. – Я только не совсем понимаю, господин директор, откуда он меня знает?

– Что вы, госпожа Рамбер, – поспешил заверить ее профессор, опередив доктора Бирона, – конечно же, я вас совершенно не знаю, но мне известно другое: вы – пациентка доктора Бирона, которая, очевидно, отзовется о докторе с особой теплотой.

– По крайней мере он настолько любезен, что даже не дает своим пациентам соскучиться и приводит к ним неожиданных посетителей.

– Я понимаю вас, госпожа Рамбер, – учтиво отвечал профессор Свелдинг. – Простите, что потревожил вас.

Алиса Рамбер вновь взялась за вышивание. Но через мгновение неожиданно вскочила на ноги.

– Кто меня звал? – вскричала она. – Кто? Кто?..

– Но... – отойдя на несколько шагов, начал было профессор.

Больная перебила его:

– Кто-то сказал "Алиса!", "Алиса!". Это его голос! Его! Уходите!.. Уходите! Я вас боюсь... На помощь!.. На помощь!

Не переставая кричать, она бросилась бежать; сестра и доктор Бирон кинулись за ней...

Больная, необычайно ловкая, как все безумные, сумела увернуться от них.

– О! Я все равно его узнала! Уходите! Убийца!

Сестра пыталась успокоить директора:

– Не волнуйтесь! У нее все это пройдет. Видимо, этот господин ей чем-то очень не понравился...

Больная тем временем спряталась за большим кустом бересклета.

– Фантомас! Фантомас! Он здесь!.. Я уверена! Что ему надо? Чудовище! Бандит! – твердила она, указывая пальцем на

профессора Свелдинга и не отрывая от него расширенных от ужаса глаз.

– Берта! – распорядился доктор Бирон. Отведите больную в комнату, побудьте с ней, пусть она отдохнет. И немедленно вызовите доктора Перре. – Затем, повернувшись к доктору Свелдингу, он добавил: – Мне очень жаль, господин профессор, но этот инцидент свидетельствует о том, что больная не настолько здорова, как я полагал.

Профессор Свелдинг принялся утешать директора:

– До чего же слаб человеческий мозг, и как это грустно! И тому пример эта несчастная, вы считали ее здоровой, а она устроила нам настоящий припадок, непонятно чем спровоцированный! Ни вы, ни я, мне кажется, не похожи на убийц!..

– Вам стало лучше, вы успокоились? – спросила медсестра Берта у госпожи Рамбер.

Больная с отчаянием пожала плечами:

– Милая Берта, если бы вы только знали, как я несчастна и как я жалею, что не смогла сдержаться.

– Не думайте об этом! Господин директор не придаст этому значения!

Больная устало улыбнулась:

– Сомневаюсь. Очень сомневаюсь.

– Ну, полно, ведь вам домой уже отправили письмо с известием о вашем выздоровлении.

– Скажите, Берта, что вы понимаете под моим выздоровлением?

– Это значит... что вам лучше, – отвечала озадаченная сестра.

Сумасшедшая горько усмехнулась:

– Да! Я правда чувствую себя лучше. Но я не о том хотела вас спросить. Вы думаете, я действительно безумная?

– Чего об этом думать... Вы не более безумная, чем я! – ворчливо отвечала сестра.

– О, я знаю, – с грустью сказала Алиса Рамбер, – что ни один сумасшедший никогда не признается, что он болен. И все же за все то время, что я нахожусь на вашем попечении, проявлялась ли хоть как-то моя болезнь?

– Нет! Вообще-то... то есть...

– То есть, – заключила Рамбер, – я иногда говорила вам, что меня преследуют самым ужасным образом. А что, если я говорила правду?

– Не надо! Прошу вас! Не мучайте себя, доктор Бирон счи-

тает, что вы теперь совершенно здоровы. Вы вернетесь домой, и все будет хорошо.

– Ах, милая Берта! Если бы вы только знали!.. – воскликнула госпожа Рамбер, ломая руки.

– Что знала?

– А то, что, если я уеду отсюда, если доктор отправит меня домой, через два дня меня отвезут в другой сумасшедший дом.

– Этого не может быть! – запротестовала медсестра.

– Но это так, – отвечала больная. И, схватив сестру за руку, продолжала взволнованно: – Послушайте, Берта, я здесь уже десять месяцев и ни разу никому не говорила, что меня положили в больницу зря. Напротив, я даже была рада, что нахожусь здесь, потому что чувствовала себя в безопасности. Но теперь все изменилось. Я должна уйти отсюда, но не для того, чтобы вернуться домой, к мужу!

– А куда же вы пойдете?

– Куда? Я ведь очень богата, Берта, очень! Я могу обеспечить вас на всю жизнь! Я слышала, как вы рассказывали другим сестрам, что собираетесь замуж, хотите, я дам вам приданое? Если из-за меня вы потеряете место здесь, я вознагражу вас сторицею, но только помогите мне бежать! Помогите мне бежать отсюда! – Сестра Берта постаралась вырваться от больной, но та удерживала ее чуть ли не силой. – Назовите мне вашу цену, – молила она. – Сколько вы хотите? Тридцать тысяч франков?.. Сорок тысяч?

Сестра, ошеломленная этими сказочными для нее суммами, молчала, тогда госпожа Рамбер сняла с пальца бриллиантовый перстень и протянула его девушке.

– Возьмите, – сказала она, – это залог. Если кто спросит - скажу, что потеряла. И сейчас же, Берта, начинайте готовить мой побег!

Берта стояла, пошатываясь, не очень понимая, явь это или сон.

– Какое богатство! - прошептала она. - Какое богатство!..

XVI

У ГРУЗЧИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЫНКА

– За сколько изволите билетик, голубушка? – спросил кондуктор трамвая "Площадь Звезды – Бульвар Ла Виллет", когда грохочущий состав тронулся с линии Ватрам.

– Я выхожу на бульваре Рошешуар, – ответила Берта, молоденькая медсестра нервной клиники.

– Тогда с вас за два пояса!

Девушка сошла с трамвая, когда он миновал площадь Антверпена. Здесь она бывала редко, но сориентировалась быстро и зашагала по улице Клиньянкура, приглядываясь к вывескам. Вот и лавка виноторговца – третья по счету слева.

Берта приоткрыла дверь: у цинковой стойки сгрудилось множество разгоряченных вином, гомонящих мужчин. Девушка робко остановилась на пороге и звонким голоском прокричала в глубину зала:

– Господин Жоффруа!

Ответа она не дождалась и потому во второй раз позвала уже по-другому:

– Господин Жоффруа, по прозвищу Бочка!..

– Да здесь он, здесь!

Берта облегченно вздохнула.

Завидев девушку, Жоффруа, по прозвищу Бочка, поспешил ей навстречу и, непринужденно расцеловав ее в обе щеки, загрохотал:

– Гляди-ка, вот и сестренка пожаловала!.. Да не сойти мне с этого места, если я как раз не вспоминал только что о тебе!

Берта в свою очередь поцеловала брата, и тот повлек ее в глубь лавки, к кучке дюжих, широкоплечих парней со стаканами в руках. Там он провозгласил:

– Эй, братва, держись крепче, чтоб не упасть, но эта милашка – моя сестра Берта, Бобинетта, как мы звали ее дома.

"Братва" расступилась, пропуская девушку к стойке. Подавшись на настойчивые уговоры, Берта пригубила стакан белого вина. Жоффруа, наклонившись к ней, вполголоса спросил:

– Зачем пришла?

– Дело есть! – отвечала Берта. – Как раз для тебя.

– Никак монетки где-то на дорожке валяются?

Берта лукаво улыбнулась:

– Разве б я стала тревожить тебя понапрасну?

– Так-так, – оживился Жоффруа, – от денег Бочка еще никогда не отказывался.

– Ты что, на работу устраиваешься? – спросила Берта.

Жоффруа, по прозвищу Бочка, приложил палец к губам.

– Тсс, это пока еще секрет, – сказал он, – хотя здесь-то говорить об этом можно: мои ребята в курсе дела.

Пересыпая речь прибаутками, он объяснил сестре, что присмотрел себе место грузчика на Центральном рынке и вот уже две недели тренируется, надеясь победить на конкурсе.

– Видишь ли, чтобы попасть на это место, нужно выдержать экзамен, как в школе; да вот не далее как сегодня утром пришлось корпеть над задачей...

– Над задачей?

– Ну да, – подтвердил Бочка, гордый произведенным на младшую сестру впечатлением, и довольно бегло изложил ей условие коварной задачки: – Вода поступает в резервуар по двум трубам, пропускающим по двадцать литров в минуту каждая, и вытекает из него по третьей трубе со скоростью тысяча пятьсот литров в час. За сколько времени бассейн наполнится?

Тут Бочку перебил Бенуа Лабазник, его самый грозный соперник на пути к вожделенной должности:

– А сам-то ты за сколько времени наполняешься?

Жоффруа Бочка грохнул кулачищем по столу:

– Отстань, тут разговор серьезный...

Сестра поинтересовалась, одолел ли он задачу.

– Кто его знает, может, и одолел, – ответил Жоффруа, – но кое-как, ты ж сама понимаешь, арифметика, всякие там сложи-раздели и прочая дребедень – это не про меня. Ох и попотел же я – легче уж двести кило на спину взвалить!

Между тем народ уже начал вставать из-за столов: в шесть вечера на Центральном рынке, в рыбном ряду, должен был состояться второй тур конкурса – проверка физической подготовки. Вот уже и Бенуа Лабазник, расплатившись, заторопился на место состязания...

Ежегодный конкурс на замещение вакансий грузчиков проводился на Центральном рынке в конце сентября.

Второй тур заключался в том, чтобы перенести на расстояние двести метров мешок муки весом в сто пятьдесят килограммов. При одинаковых оценках за письменный экзамен в грузчики принимали того, кто быстрее и без остановок преодолеет эту дистанцию.

Двухсотметровый ряд был закрыт для всякого движения, за чем следили несколько ажанов, асфальт освободили от лотков, и теперь уборщики тщательно подбирали все вплоть до апельсиновой корки и листика салата, чтобы ни один из претендентов не поскользнулся. А на финише уже собралось жюри: несколько официальных представителей, среди которых – высокопоставленный чиновник городской ратуши, и трое

грузчиков Центрального рынка из самых старых и опытных.

Берте волей-неволей пришлось сопровождать брата по Центрального рынка и присутствовать на состязании. Жоффруа, по прозвищу Бочка, был поглощен предстоявшим экзаменом и слушал сестру вполуха.

— Погоди, вот закончится конкурс, пойдем вместе перекусим, тогда все и обсудим.

Толпа, собравшаяся поглазеть на претендентов в грузчики, была невообразимо пестра и снедаема любопытством. В числе прочих Берта приметила комичного субъекта, восседавшего на трехколесном велосипеде.

— Эй, эй, Бузиль, — окликали его со всех сторон — видимо, он пользовался большой популярностью, — ты часом не у Мафусаила спер эту колесницу?

— А в нем и правда что-то есть, — слегка картавя, проговорил кто-то прямо на ухо Берте.

Девушка быстро обернулась.

Ее собеседником, случайно прибившимся к ней в толпе, оказался хорошо сложенный мужчина лет тридцати пяти в синей блузе и с красным платком на шее, из-под картуза погонщика быков смотрели умные глаза.

Берта ответила ему вполне учтиво.

— Если вам интересно, — продолжал незнакомец, — меня зовут Жюло...

На что Берта непринужденно сказала:

— А меня... меня зовите Бобинеттой. Я сестра Жоффруа, по прозвищу Бочка.

Толпа оживленно загудела: экзамен держал Бенуа Лабазник. Он шел мерным, но спорым, пружинистым шагом, наклонив торс вперед; на плечах и затылке в равновесии покоился огромный мешок муки, вес которого — ровно полтора центнера! — тщательно выверили эксперты.

Бенуа Лабазник преодолел две сотни метров, ни разу не пошатнувшись и не замедлив шаг.

Грянули аплодисменты, но тут же и оборвались: в наступившей тишине взгляды всех устремились к месту старта. Наступил черед Жоффруа.

Силач и впрямь являл собою великолепное зрелище. С обычного шага, каким шел его конкурент, он метров через двадцать после старта перешел на спортивную ходьбу... Когда он поравнялся с группой, где стояла Берта, толпа взревела от восторга.

Жюло, взявший на себя роль верного рыцаря девушки,

врачи громче остальных, а уморительный Бузиль, так тот просто бесновался на насесте своего дрянцулета, хлопая без всякого стеснения стоящих впереди по плечам.

Когда были объявлены результаты, то оказалось, что Бенуа Лабазник и Жоффруа Бочка поделили первое место между собой, затратив на двухсотметровый путь одинаковое время; теперь все зависело от оценок за письменный экзамен, ибо в нынешнем году на Центральном рынке имелась лишь одна вакансия.

Обсуждая все это со своим новым знакомым, Берта-Бобинетта увлеклась и не заметила, как к ним придвинулся мужчина в старом, потертом черном пальто и в жокейской шапочке на прилизанных волосах. Он кивал на каждое слово Берты – казалось бы, машинально, как человек, погруженный в свои мысли, но на самом деле внимательнейшим образом разглядывал ее.

– Пойдемте, – заторопил девушку Жюло, потянув ее за рукав, – вас ведь ждет брат. – И поскольку Берта медлила, шепнул ей на ухо: – У этого типа мерзкая рожа, он не внушает мне доверия...

– И впрямь, какая гнусная физиономия! – отозвалась девушка. Потом тоном медика-профессионала добавила: – Вы обратили внимание на цвет его лица? Этот человек, должно быть, серьезно болен: он не просто бледный, он зеленый!

XVII

В "СВИНЬЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ"

Результаты конкурса предстояло узнать лишь назавтра, и это не на шутку беспокоило Жоффруа Бочку, тем не менее он безмятежно сказал сестре:

– Ставишь вышивку — и я к твоим услугам.

Заглянув в несколько пивных близ Центрального рынка, они решили поужинать в "Свинье святого Антония".

Перед "Свиньей" стояла удивительная конструкция: состав из трех невероятных экипажей, детище изобретательского гения Бузиля.

Когда закончилась серия допросов, которым Бузиля подвергли прошедшей зимой, после того как он выловил из реки утопленника, Шарля Рамбера, ему удалось осуществить свой план и добраться до Парижа. Лишь недельное опоздание допустил он против намеченного графика — эту неделю при-

шлось отсидеть и орлеанской городской тюрьме и на суше
бесделицы: ничтоже сумняшеся, Бузиль пышел свой вело-
поезд на самые напруженные транспортом проспекты столи-
цы. Неподалеку от "Одеона" его задержали и препровонили
в ближайший полицейский участок, конфисковав при этом
на сорок восемь часов дикопинное транспортное средство,
но, поскольку ничего серьезного против него не было, в кон-
це концов его отпустили на все четыре стороны. Вырулив со
своим составом на Марсово поле, откуда отважный путеше-
ственник мог наконец полюбоваться Эйфелевой башней, пред-
метом мечтаний, он попался на глаза редактору газеты "Авто"
и в обмен на бутылку вина, выставленную ему в ближайшем
бистро, простодушно поведал свою историю. Сенсационная ста-
тья о путешествующем по свету бродяге тотчас была опублико-
вана, и на следующее же утро Бузиль проснулся знаменитостью.

Но оказалось, что и это еще не все!

Папаша Франсуа Бонбонн, владелец "Свиньи святого Анто-
ния", смекнув, что из этого экстравагантного чудака и его
невероятного экипажа можно сделать настоящий аттракцион,
нанял его на два месяца, предоставив ему стол и кров плюс
пять франков ежедневно на карманные расходы, с единствен-
ным условием: чтобы Бузиль на день выставлял свой вело-
поезд у двери в его заведение. Впрочем, торчать на улице Бу-
зилю быстро наскучило, и он все чаще слезал с сиденья и ны-
рял в продымленный погребок. Так он в виде оплаченной
выпивки и закуски честно возвращал папаше Бонбонну свой
заработок до последнего гроша.

В погребке "Свинья святого Антония" табачный дым ста-
новился все гуще, гомон — все громче. Время подходило к
двум часам ночи, и добропорядочная публика уже покинула
заведение: последних приличных посетителей Франсуа Бон-
бонн только что проводил по узкой винтовой лестнице, ве-
дущей из подземелья в первый этаж. Теперь хозяин, чья мо-
гучая фигура перегораживала единственный выход из погреб-
ка, сиплым басом подбадривал с лестницы своих завсегдатаев:

— Ну, кому целую кастрюлю подогретого вина?

Сидевшая рядом с братом Берта сочла момент подходя-
щим, для того чтобы посвятить Жоффруа в свои планы.

— Понимаешь, мне нужен именно такой силач, как ты...

— Что надо делать: катать бочки?

Берта помотала головой, машинально продолжая наблю-
дать за невысоким бледным молодым человеком с пробива-
ющейся бородкой, который только что устроился напро-

тив нее и теперь робко заказывал порцию кислой капусты...

– Нет, предстоит выломать в окне решетку, – пояснила она. – Камень уже раскрошился, да и прутья проржавели. Если как следует поднатужиться и расшатать их, то там уж и выдернуть недолго...

– И это все? – спросил Жоффруа Бочка.

– Все, – подтвердила девушка.

– Ну что, на два пятерика потянет?

Жоффруа вдруг умолк и с подозрением уставился на своего соседа справа, который, похоже, внимательно прислушивался к его разговору с сестрой. Заметив это, Берта улыбнулась и успокоила Жоффруа:

– Ничего, не волнуйся, я его знаю. – И в подтверждение любезно протянула руку тому, кого Жоффруа заподозрил в чрезмерном любопытстве: – Добрый вечер, Жюло, что у вас новенького?.. А я-то, представьте, вас не заметила.

Жюло пожал протянутую руку и, больше не обращая на девушку внимания, возобновил беседу с наголо бритым мужчиной.

– Ну, Билли Том, – негромко выспрашивал он, – расскажи-ка мне, что стряслось в твоем заведении?

– Да, у нас в "Руаяль-Паласе" и впрямь вышла неприятность с богатыми постоялицами... – отозвался бритый. – А три недели спустя сцапали Мюллера – за то, что он выпустил того субчика, который обстряпал дельце...

– Мюллера? – задумчиво спросил Жюло. – Это кто ж такой?

– Да дежурный по этажу.

– А-а, дежурный... И кто ж его сцапал?..

– Фараон, кто ж еще... кажется, его зовут Жюв...

– Хм-м, – хмыкнул Жюло, обращаясь уже скорее к самому себе, – так я и думал!..

У входа в погребок раздался шум.

По винтовой лестнице спускались двое посетителей, явно пользующихся здесь популярностью: Большую Эрнестину, известную шлюху с бульвара Севастополь, сопровождал Бенуа Лабазник, у которого заплетались и ноги, и язык. Продвигаясь между столами и опираясь при этом то на чьи-нибудь плечи, то на голову, Бенуа отыскал свободное место на скамье и плюхнулся на нее, придавив бледного молодого человека с пробивающейся бородкой, который только что устроился напротив Берты.

Окинув взглядом эту гору мускулов, юноша не стал роп-

тать, а скромно отодвинулся на краешек скамьи. Эрнестина заметила это и предложила юноше свое покровительство:

– Не робей, мальш, Лабазник тебя не задавит, а если и вздумает сделать тебе бо-бо, Эрнестина не даст тебя в обиду... – Взяв голову юноши в ладони и бесцеремонно наградив его смачным поцелуем, Эрнестина громогласно возвестила: – А мне, ей-богу, он нравится!.. Как тебя кличут, мальш?

– Поль... – еле слышно пробормотал молодой человек, покраснев до корней волос.

Тем временем хозяин заведения, Франсуа Бонбонн, поставил перед Бенуа Лабазником кастрюлю с подогретым вином. За спиной Бонбонна между столиками пробирался бродяга Бузиль, который оставил свой экипаж и спустился в погребок с твердым намерением пропить и проесть свои пять франков без остатка.

Бенуа, едва завидев Жоффруа Бочку, предложил ему чокнуться. Но Жоффруа, пьяный в дым, наотрез отказался.

– Смотри-ка, кто это! – возопил Бузиль.

В его голосе было столько радостного изумления, что большинство присутствующих обернулись в его сторону. Не преминули сделать это и Жюло с Бертой.

– Да ведь это же давешний зеленолицый! – сказала своему соседу медсестра.

– И впрямь он!.. – согласился Жюло.

– Слушай, но где же я тебя видел, а? – допытывался неугомонный Бузиль.

Зеленолицый отмалчивался. Вдруг Бузиль завопил на весь погребок:

– Ну да, конечно! Да ведь это нас с тобой вместе сцапали тогда под Веррьером, в день убийства!.. – С этими словами он дернул его за рукав: – Ну вспомни же: когда шлепнули маркизу де Лангрюн!

– Ну так что из того, черт побери? – с досадой буркнул зеленолицый.

Тем временем Жоффруа Бочка и Бенуа Лабазник уже меряли друг друга взглядом. Подогретые алкоголем, оба были готовы пустить в ход кулаки... Не на шутку встревожившись за брата и побаиваясь подозрительного окружения, Берта принялась настойчиво упрашивать Жоффруа:

– Уйдем отсюда!.. Прошу тебя!

Но Жоффруа, развалившийся на скамье в углу зала, в ответ только мотал головой.

Отвязавшись от Бузиля, зеленолицый вернулся к прерван-

ному вмешательством бродяги разговору, который он вел с подсевшим к нему гитаристом.

– И вот что странно, – заметил гитарист, – акцента у него ни на йоту.

Покачав головой, зеленолицый еле слышно ответил:

– О, в совершенстве владеть чужим языком – плевое дело для такого мастака, как наш Гурн!

Тут он внезапно умолк, будто поперхнувшись: ему показалось, что Большая Эрнестина, которая прохаживалась взад и вперед между столиками и только что оказалась у него за спиной, кое-что слышала из их разговора.

А в зале между тем начинался многообещающий диалог.

– Что ж, если кому захочется показать силу, желающие найдутся!

Это Жоффруа, по прозвищу Бочка, бросил вызов. Вокруг установилась тишина: теперь слово было за Бенуа Лабазником, который в эту самую минуту накачивался вином – прямо из кастрюли. Поставив ее на стол, он утер губы рукавом.

– Может, повторите – я что-то не расслышал...

Большая Эрнестина незаметно придвинулась к Жюло, и между ними состоялся быстрый обмен репликами.

– Выкладывай, – потребовал от нее мужчина.

Делая вид, будто она всецело захвачена разгоревшимся спором между Жоффруа и Лабазником, Эрнестина, не глядя на Жюло, ответила:

– Тот, с зеленой физиономией, говорил своему приятелю с гитарой: "Конечно, это он. Ладонь обожжена!"

Едва сдержав готовое сорваться с языка ругательство, Жюло инстинктивно сжал кулак. Между тем Большая Эрнестина уже отошла от него. Теперь она хриплым голосом окликала щуплого молодого человека с пробивающейся бородкой:

– Ну что, задремал, мальчуган? Может, мне сесть к тебе на коленки?..

Помрачневший Жюло, затравленно озираясь, привлек к себе проходившую мимо служанку, толстуху Мари.

– Эй, Мари, скажи-ка, куда выходит вон то окошко за моей спиной? – тихо спросил он.

Служанка на миг задумалась.

– Да в погреб, куда ж еще?..

– А как выбраться из погреба? – продолжал Жюло.

– Да никак, – выпалила служанка, еще немного поразмыслив, – своей двери там нету, все одно через зал...

Сигналом к бою послужила тарелка — ее запустил Жоффруа Бочка в своего соперника Бенуа Лабазника, но промазал, и она разбилась о стену. Все повскакали с мест. Женщины принялись вопить, мужчины — сыпать бранью. Силачи оказались в толпе друг напротив друга. Жоффруа Бочка вооружился стулом, Бенуа Лабазник силился отодрать от стола мраморную столешницу, дабы использовать ее в качестве палицы. Драка стала всеобщей, в воздухе носились приборы и посуда.

Внезапно хлопнул револьверный выстрел. Если бы зеленолицый и гитарист уже какое-то время не следили за Жюло, они не успели бы определить, кто стрелял, так молниеносно все было проделано. А Жюло оказался не только проворным, но и метким стрелком. Удостоверившись, что зал освещается одним-единственным светильником, к которому вдоль стенного карниза вела витая пара проводов, Жюло прицелился в эти провода, выстрелил, и пуля перебила их.

Зал тотчас погрузился во тьму. На миг гвалт был перекрыт криком боли, и чей-то голос прохрипел:

— На помощь, патрон!

В ту же секунду потерявшаяся в толпе Бобинетта услышала, как кто-то негромко чертыхнулся у нее над самым ухом. Чьи-то руки дотронулись до ее талии, затем ощупали спину, плечи, голову, потрогали шляпку — Берта была здесь единственной женщиной в шляпке, и кто-то, видимо, хотел убедиться, что это именно она. Насмерть перепуганная медсестра почувствовала, как ее приподнимают, ставят на скамью. И кто-то, дыша винными парами ей прямо в лицо, прошептал:

— Ты не дашь сбежать двадцать пятого числа сумасшедшей Рамбер!

Несмотря на охвативший ее страх, Берта ошарашенно пролепетала:

— Но... что?.. кто?..

Голос сделался еще тише, но Берта сумела разобрать:

— *Тебе запрещает это Фантомас!*

И не успела девушка опомниться, как раздались леденящие душу слова:

— Иначе — смерть!

От ужаса едва не лишившись чувств, девушка рухнула на скамью. Тем временем накал схватки нарастал. Особенно яростно сражался со своим противником тот, которого посетители заведения, не сговариваясь, успели окрестить "зеленолицым". Наделенный недюжинной силой и словно нечувствительный к сыплющимся на него ударам, он вцепился в плечо

свято врага, скользнул вниз по рукаву, разжал его кулак и ощупал ладонь. Противник его воскликнул от боли: "Ах ты дьявол!" – зеленолицый, похоже, задел еще не зажившую рану. Однако в этот момент его собственная нога оказалась вывернута и в этом неестественном положении зажата, как в тисках, чьими-то крепкими коленями; еще одно усилие, и нога будет сломана... Выпустив руку, зеленолицый рухнул на пол, его враг очутился на нем... "Ну все, конец", – подумал зеленолицый, но тут и противник в свою очередь вынужден был его отпустить: в их схватку вмешался кто-то еще. Он пришел на помощь зеленолицему, атаковав его противника.

Зеленолицый в одно мгновение опознал своего избавителя, дотронувшись рукой до его лица; к своему великому удивлению, он узнал в нем юношу с пробивающейся бородкой. Зеленолицый сразу ухватил его за шиворот и уж больше не выпускал...

Под чьим-то мощным напором дерущиеся переместились ближе к лестнице. Крики сделались пронзительней, надрывней: упавших давили, ступая прямо по рукам и ногам.

Франсуа Бонбонну ни на миг не приходила мысль вмешаться. Слишком хорошо знакомый с нравами своих посетителей, он уже давно усвоил, как нужно поступать в случаях, когда начинается подобная свалка. Поэтому он отправился на ближайший перекресток. Впрочем, постовой уже успел вызвать ажанов с соседнего участка.

Франсуа Бонбонн провел первых прибывших за стойку и молча показал, куда подсоединять шланг. Привычные к делу ажаны проворно размотали длинный брезентовый рукав, пропустили его в узкий люк с винтовой лестницей и, открутив кран, принялись заливать погребок водой.

Неожиданный душ вмиг охладил воинственный пыл. Орошение продолжалось добрых пять минут, и, когда полицейские сочли, что посетители "Свиньи святого Антония" в достаточной степени утихомирились, бригадир, встав с фонарем у люка, решительным тоном скомандовал выходить по одному.

Промокшие до нитки клиенты повиновались, понимая, что всякое сопротивление бесполезно. Друг за дружкой, покорные, тихие, они появлялись из люка, ажаны сразу хватали их, надевали наручники, соединяя по двое. От строя отделялся очередной ажан и вел задержанных в комиссариат.

Когда все посетители вышли, бригадир спустился в погре-

бек – удостовериться, что там никого не осталось. На полу в луже крови лежал гитарист – его ударили ножом прямо в грудь...

Очередной парой, которую привели в участок, оказались зеленолицый и юноша с пробивающейся бородкой, которого спутник не отпускал с тех пор, как опознал во время ареста. Дежурный по комиссариату, переписывавший задержанных, не смог удержаться от возгласа удивления, когда зеленолицый показал ему свое удостоверение и прошептал на ухо несколько слов. Он отдал ажану распоряжение:

– Этого господина освободите немедленно. Что касается второго...

Но тут вмешался зеленолицый:

– Что касается второго, то прошу отпустить и его – я намерен оставить его при себе.

Дежурный повиновался; по его знаку с обоих сняли наручники. Юноша ошеломленно уставился на зеленолицего и уже открыл было рот, собираясь поблагодарить, но тот, крепко ухватив его за руку и тем самым пресекая малейшую возможность бегства, повлек к выходу из комиссариата.

На улице они столкнулись с бригадиром – тот на пару с ажаном нес несчастного гитариста, в котором блюстители порядка узнали младшего инспектора сыскной полиции. Бедняга чуть дышал. Не отпуская своего спутника, зеленолицый придвинулся к бригадиру, и несколько секунд они оживленно беседовали, после чего бригадир, вытянувшись по стойке "смирно", отрапортовал:

– Так точно, господин инспектор, больше там никого не было.

Загадочный субъект топнул ногой:

– Проклятие! Гурн удрал!

Тот, кого до сих пор приходилось называть "зеленолицым", быстро шагал в сторону Монмартра, увлекая за собой своего юного спутника – бедняга дрожал всем телом, явно не понимая, что с ним приключилось, и готовясь к самому худшему. У церкви Сент-Эсташ зеленолицый вдруг остановился в бледном свете уличного фонаря. Повернувшись к своему пленнику и глядя ему прямо в глаза, он объявил:

– Я Жюв. Полицейский Жюв...

Молодой человек растерянно уставился на него, а он продолжал, чеканя каждое слово:

– А ты, мадемуазель Жанна, ты – Шарль Рамбер!..

XVIII

Занималась заря; в серенькой ночи колеблющийся свет фонарей отбрасывал на землю грязно-желтый круг. Молодому человеку явно не терпелось выбраться из этого светлого пятна; он сделал несколько шагов... Но Жюв удержал его за руку.

– Ну-ка, отвечай! Ты – Шарль Рамбер и ты же был мадемуазель Жанной? – проговорил он тоном, не допускающим возражений.

– Не понимаю, о чем вы говорите! – отпирался Поль.

– Рассказывай! – хмыкнул Жюв.

Он остановил проезжавший мимо ночной фиакр, открыл дверцу, пропустил впереди себя юношу. Склонившись к кучеру, он объяснил, куда ехать, после чего сам поднялся в экипаж.

Некоторое время Жюв хранил молчание, потом, повернувшись к своему спутнику, сказал:

– Тебе нет никакого смысла отпираться! Я абсолютно уверен, что ты – Шарль Рамбер, одно время выдававший себя за мадемуазель Жанну!

– Нет, вы ошибаетесь!.. – запротестовал Поль. – Шарль Рамбер мертв!

– А-а, так ты это знаешь? Оказывается, ты все-таки понимаешь, о чем речь?

Поль в ответ лишь густо покраснел.

Жюв, отвернувшись к окошку в дверце, словно и не заметил смущения своего спутника: он иронически улыбался.

– Ну так как? – усмехнувшись, спросил он. И добродушным тоном продолжал: – Право же, глупо отрицать очевидное!.. К тому же ты должен понимать: раз мне известно, что ты Шарль Рамбер, то мне известно и многое другое...

– Ну хорошо, – сдался юноша, – я – Шарль Рамбер, и я выдавал себя за мадемуазель Жанну!.. Но как вы об этом узнали?.. Почему оказались в "Свинье святого Антония"? Вы пришли туда арестовать меня?

– Возможно!

– И куда же вы везете меня теперь? В тюрьму?

Жюв пожал плечами:

– Ты слишком любопытен, мой мальчик... Впрочем, если ты хоть немного знаешь Париж, тебе будет нетрудно об этом догадаться...

– Я вижу, мы выехали к Сене. Это-то меня и пугает...

– Правильно, мы в двух шагах от префектуры. Так что

выбора у тебя нет. Сопротивление бесполезно...

Спустя несколько минут фиакр свернул на Часовую набережную и остановился у той самой Остроконечной башни, что пользуется у преступников дурной славой, поскольку слу́жит входом одновременно в две тюрьмы: "Консьержери" и "Депо"...

Выйдя из фиакра и расплатившись с кучером, Жюв повел своего пленника на второй этаж. Пройдя длинный коридор, полицейский свернул в другой, открыл одну из дверей.

– Сюда! – коротко скомандовал он юноше, пропуская его вперед.

Повинуясь приказу, Шарль Рамбер вошел в небольшую комнату, оборудование которой говорило само за себя: его привели в кабинет антропометрической службы доктора Бертильона.

Между тем полицейский громко позвал:

– Эктор! Вы где?

На зов явился служащий.

– Кто меня спрашивает?

– Я!

– А, господин Жюв! Привели добычу?.. В этакую рань? И что же, этот юноша уже бывал у нас?..

– Нет, – отрезал Жюв тоном, который должен был отбить у служащего охоту к дальнейшим расспросам, и продолжал: – Этот молодой человек не числится в вашей картотеке, Эктор, но я как раз хочу, чтобы вы сняли с него данные и завели на него карточку...

Служащий был несколько озадачен: обычно в столь ранний час подобной работой никто не занимался. Раздосадованный тем, что его заставляют работать, он сухо сказал Шарлю Рамберу:

– Давай-ка сначала под ростомер... – И поскольку юноша пребывал в замешательстве, прикрикнул: – Только не валяй дурака, ясно? Не нужно притворяться, парень, что все это тебе в диковинку... разувайся...

Сделав, как было велено, Шарль Рамбер встал под ростомер, потом по приглашению антропометриста дал обмакнуть в вязкие чернила поочередно все пальцы, сфотографировать себя анфас и в профиль и, наконец, измерить размер головы от уха до уха с помощью циркуля специальной формы.

– Смотри какой послушный! Не больно-то ваш подопечный разговорчив, господин Жюв... И что же он натворил? – полюбопытствовал Эктор.

Вместо ответа Жюв лишь пожал плечами.

Шарль Рамбер уже не сомневался, что тюрьмы ему не миновать. Жюв, встав с кресла, подошел к нему и, положив руку на плечо, уже мягче проговорил:

– Пошли, проверим еще кое-что...

Покинув ярко освещенную комнату антропометрической службы, они прошли сумрачным коридором, потом Жюв, достав из кармана ключ, отпер одну из дверей и, пропустив Шарля Рамбера вперед, объявил:

– Входи, это кабинет динамометрии...

Комнату, в которую Жюв завел своего пленника, человек неискушенный наверняка принял бы за столярную или слесарную мастерскую. Вдоль стен были сложены, а кое-где и просто валялись на полу деревянные дощечки различных форм и размеров, в стеклянных витринах высились горки металлических пластинок различной длины, ширины и толщины.

Тщательно заперев за собою дверь, Жюв искоса взглянул на Шарля Рамбера.

– Ну что, небось ломаешь голову, зачем я тебя сюда привел?

С этими словами Жюв снял шапочку и, подойдя к высокому столику, стянул покрывавший его серый чехол.

Открывшаяся взору конструкция представляла собой металлический каркас, установленный на прочном треножнике и состоящий из нижней площадки, которая могла перемещаться вперед и назад, и верхней части, образованной двумя боковинами и стягивающей их стальной перекладиной. На этой раме были укреплены два динамометра с хитроумными передаточными механизмами.

Повернувшись к Шарлю Рамберу, Жюв заявил:

– Это эффрактодинамометр доктора Бертильона, шефа антропометрической службы, в помещениях которой мы сейчас находимся. С его помощью я сейчас и определю, стоит ли возиться с тобой дальше.

Жюв просунул в паз тонкую деревянную дощечку, перед этим придирчиво отобранную в высившихся вдоль стены горках заготовок. Из ящика он достал инструмент, в котором Шарль Рамбер, уже немного знакомый с воровским миром, признал фомку.

– Вставляй фомку в это отверстие и жми изо всех сил, – сказал полицейский. – Если тебе удастся выгнать стрелку на известное деление, достичь которого, должен признаться, трудно, но не невозможно, то считай, что тебе повезло...

Приободренный напутствием полицейского, Шарль Рам-

ер налет на фомку что было сил, стремясь оправдать возлагаемые на него надежды.

Достаточно, остановил его вскоре Жюв. И, заменив в аппарате деревянную дощечку железной пластинкой, протянул юноше другой инструмент. Приступай!

Полминуты спустя Жюв уже изучал кусок дерева и кусок металла под сильной лупой. Наконец он удовлетворенно щелкнул языком.

– Шарль Рамбер, объявил Жюв, сегодня мы пришли сюда не напрасно! А новый аппарат доктора Бертильона действительно полезное изобретение!

Инспектор, довольный собой, наверняка продолжил бы пространный монолог, если бы в дверях не возник дежурный.

– Вот вы где, господин Жюв, а я вас повсюду разыскиваю. Вас спрашивает один человек. Он утверждает, что вы сами велели ему прийти.

Жюв бегло взглянул на визитную карточку, которую протянул ему дежурный.

– Отлично, проводите этого господина в кабинет и скажите, что я сейчас приду, – распорядился он.

Дежурный вышел, и Жюв улыбнулся Шарлю Рамберу.

– Ты валишься с ног, – сочувственно сказал он. – Пойдем, я устрою тебя где-нибудь, чтобы ты поспал хотя бы часок – не изверг же я, в самом деле.

Жюв проводил Шарля Рамбера в небольшую приемную, где юноша, все такой же бледный и встревоженный, уступая его настояниям, улегся на диван.

– Ни о чем не думай! Спи спокойно!

Перед тем как покинуть приемную, Жюв удостоверился, что дежурный на месте, и вполголоса дал ему такое наставление:

– Присмотрите за этим юношей. Это мой друг. Но учтите: мне бы очень не хотелось, чтобы он ушел отсюда без моего ведома... Сейчас я кое с кем побеседую и снова поднимусь сюда.

После чего Жюв поспешил спуститься в свой кабинет. На звук открываемой двери посетитель поднялся, и Жюв церемонно поклонился ему:

– Я имею честь беседовать с господином Жерве Авантероятно, с господином Жювом?

– Да, сударь, – ответил полицейский и, указав собеседни-

ку на стул, уселся в кресло за небольшим, заваленным папками столом. Немного помолчав, он начал: — Я позволил себе пригласить вас лишь после того, как навел о вас кое-какие справки. Вы человек долга и не рассердитесь на меня за беспокойство, если будете знать, что от вас требуется внести посильную лепту в справедливое и благое дело...

Посетитель не на шутку удивился:

— Так вы наводили обо мне справки?.. С какой же, позвольте, целью? И откуда вы меня знаете?

Жюв улыбнулся.

— Верно ли, — спросил он, уходя от ответа и стараясь, как всякий уважающий себя полицейский, напустить туману, — верно ли, что вас зовут Жерве Авантен? Что вы работаете инженером-строителем? Что вы собираетесь жениться? Что вы человек весьма обеспеченный? И, наконец, что совсем недавно вы ездили в Лимож?..

Молодой человек с улыбкой склонил голову.

— Ваши сведения совершенно точны, — сказал он, — но я все же не понимаю, чем вас так заинтересовала моя скромная персона?

Жюв, не переставая улыбаться, продолжал:

— Интересно узнать, почему вы не откликнулись на объявления в газетах с просьбой связаться с полицией всех тех, кто двадцать третьего декабря вечером выехал из Парижа пассажирским поездом Париж — Люшон, вагоном первого класса.

На этот раз молодой человек смутился:

— Вы случайно не у моего будущего тестя на жалованье?

Жюв от души расхохотался:

— Все ясно, вы ездили в Лимож навестить любовницу...

— А я не знал, что и государственная полиция интересуется нашей частной жизнью.

— Пошутили — и хватит! — воскликнул Жюв. — Само собой разумеется, мне нет никакого дела до ваших матримониальных планов. Я хочу получить от вас сведения совершенно иного характера...

У Жерве Авантена вытянулось лицо.

— Теперь я уже совсем ничего не понимаю... — пробормотал он. — Что вы имеете в виду?

— Я хочу, чтобы вы подробнейшим образом рассказали мне о своей поездке. Как вы вошли в вагон? Кого там видели?

— Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Потому, что у меня есть все основания полагать, что в

в ночь вы сядете вместе с убийцей, — ответил Жюв.

Ну, тогда дело другое, — обреченно вздохнул молодой человек. — Я сел в поезд во Вьерзоне, в вагон первого класса.

— Это был вагон с коридором?

Да, с коридором... старой конструкции.

Понятно, туалет в середине, не так ли? А купе по обе стороны от туалета мало чем отличаются от купе в обычных вагонах, без коридора, разве что они семиместные и вдобавок в них есть дверь, которая открывается в коридор вдоль одной из стенок вагона.

— Совершенно верно. Могу лишь добавить, что я ехал в купе для курящих...

— Нет-нет, вы слишком торопитесь, — перебил его Жюв. — Вы, наверно, заходили и в другие купе — что вы там видели? Или даже нет, вернемся еще немного назад... Вот вы на платформе вокзала... ждете поезд... он прибывает... что дальше?

Жерве Авантен улыбнулся.

— Я вижу, вы человек дотошный, — заметил он. — Ну так вот, когда поезд остановился, я нашел вагон первого класса. Поднявшись в него, я прошел по коридору в поисках свободного места. Очень хорошо помню, что сначала я хотел было расположиться в хвостовом купе. Но попасть в него мне не удалось: дверь была заперта изнутри.

— Да-да, правильно, — подтвердил Жюв, — это купе действительно было заперто.

— Тогда я повернул назад и решил устроиться в соседнем. Но мне и тут не повезло: окно оказалось разбито и в купе гулял ветер... Пришлось остановиться на купе для курящих...

— Там был еще кто-то, кроме вас?

— Вообще-то говоря, на одной из полок стоял чемодан и лежал сверток из пледа. Но хозяина их в купе не было — должно быть, он вышел в туалет. Я лег на другую полку — и быстро заснул! Своего попутчика я так и не увидел — когда я выходил в Лиможе, его опять не было в купе.

— Но скажите, сударь, когда вы проснулись, вещи лежали на прежних местах?

Жерве Авантен задумался.

— По-моему, да, но полной уверенности у меня нет, господин Жюв. И еще: я ничего не слышал, хотя сплю довольно чутко...

— Таким образом, — подытожил Жюв, — в ночь на двадцать третье декабря вы ехали в вагоне первого класса пассажир-

ского поезда сообщением Париж—Люшон, и в этом вагоне лежали чьи-то вещи, но самого пассажира вы не видели... а может, и не могли видеть по той простой причине, что его там не было вовсе!..

– Да, ничего определенного я сказать не могу, так что вряд ли мои показания вам пригодятся...

– Напротив, они весьма ценны, я узнал из них все, что хотел узнать.

– В таком случае, – оживился Жерве Авантен, – удовлетворите и вы мою любознательность. Как вы узнали, что я ехал в этом поезде?

Полицейский достал свой бумажник, вытащил из него железнодорожный билет и протянул его инженеру.

– Все очень просто. Я распорядился собрать на всех станциях по пути следования билеты первого класса, которые были отобраны у пассажиров при выходе...

XIX

ЖЕРОМ ФАНДОР

Жюв шел по коридору, насвистывая марш, что было у него признаком самого радужного настроения. Открыв дверь в маленькую приемную, где оставался Шарль Рамбер, он некоторое время смотрел на спящего.

– Как прекрасна молодость! – заявил он поднявшемуся при его появлении дежурному. – Мальчишке грозит каторга, а он спит безмятежно, как министр юстиции Французской республики! – Жюв довольно бесцеремонно встряхнул юношу: – Вставай, лентяй! Уже десять часов, нам пора!

– Куда?

– Нет, ты и впрямь чересчур любопытный... – уклоняясь от ответа, произнес Жюв. – Ну так уж и быть: я веду тебя не в тюрьму, мы едем ко мне!

Жюв закурил отменную сигару и откинулся на спинку кресла, подложив ладони под голову. Пристально глядя на Шарля Рамбера, он отчеканил:

– Хочу тебя обрадовать: ты непричастен ни к делу Лангрюн, ни к делу Данидовой!..

– Зачем вы мне это говорите? – вздрогнув, спросил Шарль Рамбер. – Уж мне-то известно, что не я обокрал княгиню Софью Данидову! Но как вы узнали меня вчера вечером? Как догадались, что я был Жанной?

Жюв улыбнулся и откинул прядь со лба.

– Слушай, малыш!.. В "Руаяль-Палас" мадемуазель Жанна влюбила милейшему Анри Вербье, вздумавшему за ней поухаживать, такую оплеуху, что на моем месте любой бы призадумался, что это за дамочка.

– Но как вам удалось этой ночью узнать меня под личиной Поля?

Жюв покачал головой.

– Запомни раз и навсегда: уж если я, Жюв, видел человека вблизи, то потом ему уже не поможет никакой маскарад!

Шарль Рамбер помолчал несколько минут, потом заговорил снова:

– А почему вы думаете, что не я обокрал княгиню Данидову? Ведь обстоятельства говорят не в мою пользу?

– Нет, ты ошибаешься, – мягко возразил Жюв. – Ты многого не знаешь, и в частности того, что княгиню Софью Данидову и госпожу Ван ден Розен обокрал один и тот же человек. Ну так вот, у госпожи Ван ден Розен взломали дверь. А после сегодняшних проб на эффрактодинамометре я убедился, что ты для этого недостаточно силен.

– Недостаточно силен?! – возмутился Шарль Рамбер.

– Да, недостаточно!.. Результаты, полученные на эффрактодинамометре, убедительно доказывают, что для кражи у госпожи Ван ден Розен, а следовательно, и у княгини Данидовой ты хлипковат!

Молодой Рамбер призадумался, потом спросил:

– Но когда вы пришли в "Руаяль-Палас", вы и не подозревали, что я – Шарль Рамбер, ведь так? Как вам удалось это узнать?

Жюв ответил со снисходительной улыбкой:

– Да это же азы ремесла!.. Несчастный, которого похоронили под твоим именем, перед этим по моему приказу был обмерян, и оказалось, что с пропавшим Шарлем Рамбером у него мало общего. С другой стороны, в "Руаяль-Паласе" я устроил так, чтобы мадемуазель Жанну сфотографировали анфас и в профиль, как это делают в префектуре... Потом я принялся размышлять, как бы мне напасть на след этой мадемуазель Жанны. И вскоре обнаружил ее в воровском мире, вновь ставшую мужчиной, как я и предполагал. Пришлось кое-кого порасспрашивать, и в результате вчера вечером, вхожая в "Свинью святого Антония", я знал, что, во-первых, вместо тебя был похоронен кто-то другой, а во-вторых, что Поль – это Жанна, а Жанна – это Шарль Рамбер!

Но молодой человек не унимался:

– Пускай благодаря эффрактодинамометру вы сочли меня непричастным к кражам в "Руаяль-Паласе". Ну а как же с делом Лангрюн?

– Черт побери, послушать тебя, так ты во что бы то ни стало стремишься оказаться преступником!.. Ну что ж, малыш, и тут точно такая же история, как и в деле "Руаяль-Паласа". Убийца маркизы де Лангрюн тоже взламывал – секретер, а динамометр господина Бертильона неопровержимо свидетельствует, что тебе и это не под силу...

После минутного колебания молодой Рамбер с тревогой, запинаясь проговорил:

– А что, если я действовал в припадке безумия?

Но Жюв покачал головой:

– Понимаю, ты намекаешь на свою матушку, верно? И тебя мучает мысль, что у тебя плохая наследственность, возможно, ты лунатик и помимо воли мог стать убийцей... Ну-ну, Шарль Рамбер, пей спокойно свой чай с молоком и не забывай себе голову такими глупостями!.. Во-первых, нет никаких оснований предполагать, что ты безумен, более того, и твоя бедная матушка, возможно, не так уж больна...

– Но в таком случае, господин Жюв...

– Зови меня просто Жюв.

– В таком случае, раз вы знаете, что я невиновен, вы сможете сообщить об этом и моему отцу?

Жюв взглянул на юношу с иронической улыбкой:

– Какой ты быстрый!.. Да пойми же, что я единственный человек, который уверен в твоей невиновности.

– Что же теперь со мной будет? – робко пролепетал юноша.

Поразмыслив, Жюв ответил вопросом на вопрос:

– А что ты сам думаешь делать?

– Пойду к отцу...

– Нет-нет, ни в коем случае! Вот когда я схвачу Фантомаса за шкирку, то сам отведу тебя к отцу.

– А зачем ждать ареста этого Фантомаса? – спросил молодой Рамбер.

– Потому что, если ты не повинен в преступлениях, которые тебе приписывают, – отрезал Жюв, – то, скорее всего, это дело рук Фантомаса!

– Но все-таки, господин Жюв, что вы мне посоветуете?

Инспектор встал и принялся мерить шагами кабинет.

– Слушай, – начал он, – скажу тебе откровенно: ты мне симпатичен. И еще: этой ночью был момент, когда я думал,

...ким приключениям наступил конец и я больше не уви...
...ый свет. Не будь тебя, так бы оно и случилось. Ты
спас мне жизнь. Так что мы квиты, но ты первый оказал
мне услугу, а я лишь отплатил тебе за добро. И теперь, чтобы
открыть новый счет, я обязан сделать все, чтобы ты не сва-
лился на мостовой. Вот что я предлагаю: смени имя и поста-
райся снять где-нибудь меблированную комнату. Приоденешься, придешь ко мне, и я дам тебе записку к одному
своему приятелю, секретарю редакции крупной вечерней га-
зеты. Ты образован и, как я убедился, энергичен. Тебя, вы-
интересуют методы работы полиции, и я уверен, что в каче-
ве репортера ты очень быстро продвинешься. Станешь извест-
ным, уважаемым человеком... Ну как, тебе это подходит?

– Вы чересчур добры ко мне! – воскликнул Шарль Рамбер. – Ведь это как раз то, о чем я мечтаю!..

Но Жюв, жестом остановив молодого человека, протянул ему пачку банковских купюр.

– Вот тебе на первое время, – сказал он, – а теперь нам обоим нужно хорошенько выспаться. Устраивай свои дела, а через две недели ты уже должен быть репортером в "Капитали"...

Поколебавшись, Шарль Рамбер обратился к полицейскому:

– А под каким именем мне представиться?

– Разумеется, под вымышленным, – отвечал Жюв.

– Раз это журналистский псевдоним, нужно подыскать что-нибудь запоминающееся, – заметил молодой человек.

– Да, чтобы производило впечатление, вроде Фантомаса!

– Может, вы мне подскажете?

– Имя у тебя должно быть довольно редкое – это первое, благодаря чему можно выделиться, – посоветовал Жюв. – А фамилию нужно покороче, с глухо звучащим корнем, но со звонким окончанием...

Пока Шарль Рамбер морщил лоб, Жюв предложил:

– Как ты смотришь на то, чтобы взять первый слог от прозвища Фантомас? Фан – это хороший корень... Постой-ка, я вроде бы подобрал тебе имя целиком: будешь зваться, если не имеешь ничего против, Жером Фандор...

– Жером Фандор? – задумчиво повторил молодой Рамбер. – Что ж, вы правы, имя и впрямь звучное.

Между тем Жюв уже выпроваживал его:

– Ну и прекрасно, Жером Фандор, а теперь дай мне поспать. Иди готовься к новой жизни, которая перед тобой откры-ется...

XX

– Вы хотите навестить леди Белсом сегодня? А который час? Половина двенадцатого... Алло, преподобный отец, я думаю, можно, вы же знаете, как поздно привыкла ложиться леди Белсом... Алло, вы только что из Шотландии?.. Подождите, пожалуйста, у телефона!..

Оставив аппарат, Тереза Овернуа подошла к леди Белсом, которая полулежала в шезлонге в просторной гостиной своего особняка в Нейи. По рекомендации Этьенна Рамбера внучка маркизы де Лангрюн уже два месяца как была принята знатной английской дамой в число молодых особ, которых она держала в качестве личных секретарей.

Тереза с улыбкой обратилась к леди Белсом:

– Это преподобный Уильям Хоуп: он просит дозволения нанести вам визит прямо сейчас. Он приехал из ваших северных владений...

– Достойнейший человек! – воскликнула леди Белсом, захлопнув книгу и улыбнувшись Терезе Овернуа. – Скажите же ему, пусть приходит.

Девушка вернулась к телефону, а леди Белсом устремила взгляд на одну из двух юных англичанок, которые вместе с Терезой Овернуа выполняли функции ее наперсниц.

– Почему вам смешно, Лизбет? – спросила она.

Лизбет и не думала таиться от патронессы:

– Мне кажется, что этот святой человек, преподобный отец, скверно поужинав в поезде, унюхал на том конце телефонного провода аромат чая и благоухание тостов.

Леди Белсом не смогла удержаться от смеха:

– Да полно вам, преподобный отец выше всех этих соблазнов.

Но девушка настаивала на своем:

– Простите меня, леди Белсом, но разве преподобный отец не объяснял недавно Терезе, что к хлебу насущному надобно относиться с уважением, поскольку на нем – благословение Господне, и что плохо прожаренный ростбиф – своего рода богохульство?..

– А мне кажется, – перебила ее Тереза, – что речь шла о фазане!

Леди Белсом пожурила насмешниц:

– Ах вы маленькие злоязычницы, да вы просто завидуете тому, что у человека отменный аппетит! Берите пример с Сю-

зяины — вот уж кто знает толк в еде.

Сюзанна, хорошенькая брюнетка, была погружена в чтение письма.

— О, леди Белсом! — воскликнула она, покраснев. — С тех пор как крейсер, на борту которого находится Гарри, вернулся в Европу, я совсем потеряла аппетит!

Поднявшись с шезлонга, леди Белсом прошлась по комнате и подошла к девушке.

— Не нахожу никакой связи, — заметила она. — Любовь питает душу, но отнюдь не тело; на ваш аппетит я намекнула вовсе не в упрек вам, моя маленькая Сюзанна; напротив, вы просто обязаны сохранить для будущего мужа свои розовые щечки и отменное здоровье, чтобы стать достойной супругой и матерью...

Тут проказница Лизбет перебила леди Белсом и закончила мысль за нее, переиначив по-своему:

— ...матерью многочисленного потомства, семерых или восьмерых девочек, которые потом все повыскакивают замуж за молодых пасторов, чтобы в свою очередь...

На этом ей пришлось закончить, потому что в дверях появился лакей и объявил:

— Его преподобие Уильям Хоуп!

В гостиную вошел пожилой человек в черном, наголо бритый, с округлым брюшком и добродушной физиономией.

— Разрешите вашему покорному слуге, леди Белсом, — высокопарно произнес вошедший, — изъявить вам свое нижайшее почтение.

Леди Белсом благосклонно протянула руку священнику, который коснулся ее губами.

— Очень рада вашему возвращению, — сказала леди Белсом, — и не откажитесь выпить с нами чашку чаю.

Священник взглядом поприветствовал девушек, потом, как бы извиняясь за то, что не отказывается от угощения, пустился в объяснения:

— Я исключительно плохо пообедал в поезде и...

Лизбет перебила его:

— Разве вам не кажется, что эта чашка источает дивный аромат?

Священник протянул руку за чашкой, которую подала ему девушка.

— Именно это я и собирался сказать, мисс Лизбет...

Тереза и Сюзанна, оказавшиеся свидетельницами этой сценки, отвернулись к стене, чтобы скрыть душивший их смех, но

леди Белсом заговорила вдруг таким серьезным голосом, что их веселье вмиг улетучилось. К тому же леди Белсом перешла к своему письменному столу.

– Милые девочки, – сказала она, – нам с преподобным отцом надо обсудить кое-какие дела, так что будьте любезны взять свои папки.

Пока девушки проворно и бесшумно подбирали документы, которые могли понадобиться хозяйке, на какое-то время вернувшейся к заботам землевладелицы, леди Белсом учтиво осведомилась у священника:

– Как прошла поездка?

– Благодарю вас, леди Белсом, как обычно, хорошо. Наши крестьяне из Скоттуэлл-Хилла исполнены оптимизма и самых благих намерений, но зима ожидается суровой, в горах, сообщают, уже выпал снег.

– Вы раздали детям и женщинам теплую одежду? – спросила леди Белсом.

– Распределены тысяча двести пар, – отвечал священник, протягивая ей исписанный лист.

– Проверьте, – кивнула леди Белсом Сюзанне, после чего обратилась к преподобному отцу: – Помощник управляющего – достойный человек, но он слишком нетерпим. Он мог исключить из списков на распределение несколько семей, которые открыто исповедуют либеральные взгляды. Я же хотела бы, чтобы мое милосердие распространялось на всех: нужда не щадит ни наших друзей консерваторов, ни наших политических противников...

Согласно кивая, преподобный отец начал:

– Это истинно по-христиански...

Но леди Белсом прервала его:

– Я просто исполняю свой долг... А туберкулезный санаторий в Глазго?

– Строительство почти завершено. Через нашего поверенного мне удалось сократить смету, составленную подрядчиком, примерно на пятнадцать процентов, что даст экономию в триста фунтов...

– Эти триста фунтов вы приплюсуете к сумме, выделенной на приобретение угля для бесплатной раздачи в Скоттуэлл-Хилле. Зима ожидается суровая, и в домах надо будет как следует топить...

Между тем преподобный отец уже какое-то время ерзал на стуле, выказывая стеснение и нерешительность. Воспользовавшись тем, что леди Белсом, углубившись в бумаги, от-

вета от него взгляд, он тихонько пробормотал:

– Мне бы хотелось сказать вам еще вот о чем... это касается покойного лорда Эдварда Белсома...

Молодая женщина вздрогнула. Лицо ее на миг помрачнело, и лишь чрезвычайным усилием воли ей удалось овладеть собой.

– Слушаю вас, – только и ответила леди Белсом.

Как бы тихо ни говорил преподобный отец, девушки расслышали имя покойного лорда и деликатно отошли.

– Ведь вам известно, леди Белсом, – начал преподобный отец, – что в Шотландии я побывал впервые после смерти вашего супруга, лорда Белсома. Обитатели ваших владений все еще взбудоражены.

– Надеюсь, – с живостью перебила его леди Белсом, – память о покойном лорде Белсоме не подверглась никакому очернению?

– На этот счет не беспокойтесь! В Скоттуэлл-Хилле известно, что убийца пока не найден, но за его поимку назначена награда, и все надеются, что полиция... О, простите, что я вновь напомнил вам...

При последних словах священника лицо леди Белсом болезненно исказилось.

– Что поделаешь, это необходимо, преподобный отец, – ответила она.

Тот послушно отозвался:

– Да, чуть не забыл... Помощник управляющего самостоятельно принял решение выгнать обоих братьев Тилли. Знаете, тех кузнецов, которые много пьянствовали и мало платили!

– Мне совсем не нравится, что помощник управляющего принимает подобные решения, предварительно не посоветовавшись со мною! – гневно воскликнула леди Белсом. – К добру побуждают добром. Нет на этом свете судей нашим поступкам. С какой же стати помощник моего управляющего позволяет себе то, чего не позволяю себе я?

Дверь гостиной вновь отворилась, и лакей объявил:

– Господин управляющий Силвертаун...

Девушки тотчас разобрали с подноса письма и газеты и, повинуясь заведенному порядку, принялись распечатывать их. Тереза скороговоркой перечислила:

– Просьбы о помощи, просьбы прислать одежду... опять из шотландских владений, потом от пострадавших в Иври-Пор... из версальского приюта для престарелых...

Затем наступила очередь Сюзанны:

– Романист Мириаль испрашивает разрешения на будущем собрании представить леди Белсом свою сестру...

– Об этом позже, – проговорила леди Белсом, устало махнув рукой. Преподобный отец подошел к ней и поклонился. Леди Белсом отпустила его.

Но вот Лизбет подала леди Белсом довольно длинное письмо. Прежде чем прочесть его, она взглянула на подпись и воскликнула:

– А вот и новости от господина Этьенна Рамбера!

Заслышав это имя, Тереза оторвалась от работы и подошла к леди Белсом, не без оснований надеясь, что патронесса позволит и ей ознакомиться с письмом от ее покровителя. И та не обманула ее ожиданий.

– Прочтите, дитя мое, – предложила леди Белсом. – Потом расскажете мне, что пишет наш друг.

Неделю назад Этьенн Рамбер покинул Париж, заявив, что отправляется в дальнее путешествие.

Тереза еще не добралась до последней строчки, когда обе юные англичанки закончили разбирать корреспонденцию и Лизбет, которой не терпелось узнать дальнейшие планы патронессы, спросила у нее:

– Сегодня мы будем читать вслух?

Но леди Белсом не ответила, поглощенная беседой с управляющим. Лизбет, подходя к леди Белсом, услышала:

– Да-да, вы правильно сделали, что распорядились починить сегодня ограду парка. Вы же знаете, как я нервничаю!

Управляющий принялся ее успокаивать:

– Вашей милости совершенно нечего опасаться: запоры надежны и дом тщательно охраняется... к тому же наш привратник, Уолтер, спит очень чутко... Да и сам я, леди Белсом...

– Да-да, я знаю, мой славный Силвертаун... – прервала его хозяйка. – Благодарю вас, вы можете идти.

После его ухода леди Белсом обратилась к девушкам:

– Что-то я устала.

Лизбет обняла ее. Подошла Тереза с объемистой книгой и почтительным тоном произнесла:

– Ваша Библия, леди Белсом.

И пока Тереза укладывала священную книгу на стоявший поблизости столик, леди Белсом, жестом благословляя девушку, еле слышно прошептала:

– Да пребудет с вами Господь, дитя мое!

XXI

УБИЙЦА ЛОРДА БЕЛСОМА

Пробило полчаса. Наступила полночь. Затих вдали перестук фиакров, развозивших по домам любителей театра, и ничто более не нарушало тишины уютного парижского предместья Нейи. Утихло все и в особняке леди Белсом. Но хозяйка еще не спала. Удобно расположившись в шезлонге, придвинутом к камину, она грела озябшие ноги и, возможно, немного вздремнула, но что-то вдруг заставило ее встрепенуться.

Леди Белсом поднялась и в смутной тревоге направилась к окну. Внезапно она застыла на месте как вкопанная: раздался выстрел из револьвера.

Совладав с испугом, леди Белсом опрометью бросилась к двери в вестибюль.

– На помощь! – вскричала она. – Что происходит? – Вдруг испугавшись за девушек, она с беспокойством позвала: – Лизбет! Тереза! Сюзанна! Ко мне!

В коридоре захлопали двери. Полураздетые, растрепанные, выбежали Тереза и Сюзанна.

– Откуда этот шум и крики? – лепетала насмерть перепуганная Тереза. – Мне страшно!

Леди Белсом, желая успокоить девушек, сказала:

– Кажется, все утихло, – но потом, заметив, что их подруга не вышла, громко крикнула: – Лизбет! Лизбет!

В это мгновение появилась Лизбет – растерянная, с искаженным от ужаса лицом.

– Какой кошмар!.. Грабитель проник в первый этаж из сада... Уолтер вцепился в него... душит... они катаются по полу... бьются насмерть... – Произнести что-нибудь еще она была не в силах: у нее перехватило дыхание.

Леди Белсом хотелось расспросить поподробнее, но тут без стука вбежал управляющий Силвертаун. Взбудораженный, запыхавшийся, он принялся объяснять:

– Мы завершали обход, когда вдруг заметили прятавшегося в тени человека – судя по повадкам, явного вора... Окликаем его – он бежать! Мы за ним вдогонку, хватаем... он сопротивляется! Пришлось пару раз стукнуть!.. Короче, мерзавец у нас в руках, и вскоре за ним явится полиция!

У леди Белсом дрожали руки.

– Но почему вы решили, что это вор?

– Ну... одет прескверно... – неуверенно пробормотал управляющий. – Да и потом, что делать нормальному человеку

в такой час в чужом саду!..

– И как же он объясняет свое присутствие там? – высокомерно осведомилась леди Белсом.

– Помилуйте, да у него на объяснения и времени-то не было! – воскликнул управляющий. – Его только увидели – и тут же поймали... а ведь вы, верно, знаете, леди Белсом, какой сильной наградил бог нашего Уолтера!..

Леди Белсом перебила управляющего:

– Жестокости я не одобряю; серьезно ли пострадал этот человек? Хочу надеяться, что нет. Прежде чем пускать в ход кулаки, его следовало бы расспросить! У меня в доме никто не должен драться, и сказано ведь в Евангелии: "Поднявший меч от меча и погибнет!"

Управляющий, сбитый с толку, стоял потупясь.

Смягчившись, леди Белсом распорядилась:

– Пусть сюда позовут Уолтера!

Минуту спустя появился богатырского телосложения привратник и неловко поклонился хозяйке.

– Как могло случиться, что в такое время в особняк проник человек?

Уолтер, теребя в руках фуражку, принялся оправдываться:

– Да простит меня ваша светлость! Я и сам диву даюсь!.. Я увидел этого человека... а когда он начал отбиваться, я его и стукнул! Потом прибежали двое слуг. Сейчас они сторожат его.

– Он как-нибудь объяснил свое появление? – спросила леди Белсом.

– На этот счет он помалкивает... вот разве что...

– Что?

– Ну, он утверждает, – запинаясь, выговорил Уолтер, – что ваша светлость славится своим милосердием, что вы истинный друг всем обездоленным и что вы, дескать, примете его!

– Я приму его!.. – едва слышно сказала леди Белсом.

Тут, не утерпев, вмешался управляющий Силвертаун:

– Позвольте объяснить вашей милости, насколько опасен подобный шаг. Несомненно, этот человек безумен, а если нет, то это, скорее всего, хитрая уловка. После убийства лорда Белсома бандиты, возможно, замышляют...

Устремив на управляющего пристальный взгляд, леди Белсом медленно, с расстановкой проговорила:

– Так вот, я буду не столь жестокосердна, сколь вы, и приму его. Пусть же его приведут сюда!.. – И, видя, что управляющий с Уолтером топчутся в нерешительности, прикрикнула: – Я что сказала? Выполняйте!..

– Говорите, я слушаю, – холодно произнесла леди Белсом.

Перед ней стоял приведенный управляющим и Уолтером мужчина в темном костюме, со всклокоченной шевелюрой и плохо ухоженной бородой, с изнуренным, осунувшимся лицом. Не глядя на леди Белсом, незнакомец глухо пробормотал:

– Я скажу все лишь вам одной!

– Лишь мне одной?.. Вы хотите сообщить мне что-то важное?

– Коли вам приходилось иметь дело с бедняками, – кротко отвечал неизвестный, – то, должно быть, вы знаете, что и в своем отчаянном положении они не любят унижаться перед, – незнакомец указал на управляющего и слугу и после некоторого колебания продолжил: – ...перед теми, кому не дано их понять!

На это леди Белсом ответила:

– Мне приходилось иметь дело с бедняками, я выслушаю вас одна. – И, обращаясь к своим людям, коротко скомандовала: – Оставьте нас.

На закрывшуюся дверь упала бархатная портьера. В комнате, слабо освещенной небольшой электрической лампочкой, леди Белсом осталась наедине со странным субъектом, которого отважно согласилась выслушать без свидетелей. Проводив своих людей и удостоверившись, что никто из них не собирается возвращаться, леди Белсом заперла дверь на задвижку и вдруг, бросившись к незнакомцу, молча и неподвижно стоявшему посреди комнаты и неотрывно следившему за каждым ее движением, обвила его шею руками.

– О мой любимый!.. Гурн! Сердце мое, свет очей моих! – простонала она. Потом, хорошенько всмотревшись в его лицо, воскликнула: – Боже мой! Да эти костоломы ранили тебя. Тебе, наверно, больно? Бедный мой, бедный!.. Ты с ума сошел! Как ты мог прийти вот так?.. Чтобы тебя схватили, избили!

– Я так долго... так долго был без тебя! – мрачно произнес Гурн. – Сегодня вечером я бродил в окрестностях, у тебя в доме светилось только твое окно... Я и решил, что все, кроме тебя, спят. И пошел напрямик... через стены, ограды... полетел, как мотылек на пламя... Вот!

Вся трепеща, с сияющим взором леди Белсом сжимала своего любовника в объятиях:

– Как я тебя люблю! Ты храбрый! Я вся твоя! Но это же безумие! Ведь я могла вообще ничего не узнать, и ты бы оказался в полиции...

– Я не подумал об этом. Я хотел видеть тебя немедленно!.. – шептал Гурн.

Держась за руки, они уселись на угловой диван. Леди Белсом, задыхаясь, проговорила:

– Ты моя радость, душа моя!.. Только тобой и живу, тобой одним... Ты для меня все!..

– Люблю тебя!.. – эхом отозвался Гурн.

Потом повисло тяжелое молчание. Влюбленные не отрываясь смотрели друг другу в глаза, вспоминая пережитое.

– О, как хорошо нам было вместе! – вздохнула леди Белсом.

Она вспомнила войну в Трансваале, поле сражения, где впервые увидела Гурна, закопченного пороховой гарью сержанта... А потом был огромный пароход, который нес их сквозь просторы синего моря к туманным берегам Британских островов...

Гурн тоже предался воспоминаниям:

– Там, на юге Африки... Там, в необозримом океане, по пути на родину...

– Ты возвращался победителем, – говорила леди Белсом, – в ореоле славы!

– После ада боев наступил великий покой, умиротворение... Вот тогда мы познакомились ближе...

– И полюбили друг друга, – подхватила леди Белсом, – но когда путешествие завершилось... Лондон, Париж... круговерть светской жизни грозила разлучить нас... Но наша любовь оказалась сильнее... Я – твоя, ты помнишь?.. Твои ласки опьяняют меня, твои поцелуи сводят меня с ума. Но вспомни и о том, что ты сделал для меня... из-за меня... послушай! Вчера минул ровно год и месяц...

Леди Белсом умолкла, не в силах совладать с охватившим ее волнением.

За нее продолжил Гурн – медленно, обволакивающим шепотом:

– Да, я стоял подле тебя на коленях в нашей комнате на улице Левера, и вдруг шорох... дверь распахивается!.. Входит он, злобный, разъяренный... твой муж! Лорд Белсом – собственной персоной!..

– Я не понимаю, – леди Белсом прервала его, бессильно соскользнув на пол, – не понимаю, как случилось...

– Зато я все сразу понял! – хрипло крикнул Гурн, резко выпрямляясь. – Взглядом он ищет твои глаза, наставляет револьвер тебе в грудь. Вот-вот выстрелит!.. Тут я бросаюсь

к нему, оглушаю ударом молотка, потом сжимаю ему горло...

– Да, я видела... – тусклым голосом произнесла леди Белсом. Взгляд ее остановился. – Я видела, как напряглись твои сомкнутые на его шее пальцы...

– И я убил его... – удрученно заключил Гурн.

Леди Белсом поднялась и теперь, рыдая, искала губы любовника:

– О Гурн!.. Мое божество!..

Но Гурн озабоченно нахмурился.

– Мне нужно было обязательно увидеться с тобой сегодня, – сказал он решительным тоном, – потому что завтра – кто знает?..

Леди Белсом испуганно посмотрела на Гурна.

– Кажется, полиция взяла след, – продолжал он. – Конечно, я сильно изменил внешность. Узнать меня почти невозможно, и все-таки меня чуть не схватили...

Леди Белсом, испытывая чувство тревоги, спросила его:

– Ты считаешь, полиции известно, как все было на самом деле?

– Нет, – произнес Гурн после некоторого размышления. – Все, что им известно, – это что я убил его ударом молотка.

– Ужасно!.. – не сдержавшись, простонала леди Белсом.

– Так или иначе, но меня разыскивают как убийцу!..

– Да, мы были так неосторожны! Надо было тщательнее скрывать от него нашу любовь... А нельзя ли устроить так, чтобы подозрение пало на другого... ну, не знаю... на какого-нибудь известного преступника?.. Фанто...

– Ни слова о Фантомасе! – перебил ее Гурн. – К тому же мы и так сделали все, что могли!.. – И после паузы добавил: – Возможно, мне придется бежать – думаю, в Англию! А может, даже за океан... ты поедешь со мной?

Леди Белсом не колебалась ни секунды:

– Ты же знаешь, я хочу быть всегда с тобой, везде, повсюду... Давай встретимся завтра!.. Там, где обычно... и договоримся обо всем, подготовим твой побег.

– Мой?.. – с мягким упреком переспросил Гурн.

Леди Белсом и сама поняла свою оплошность и поправилась:

– Наш побег!..

Гурн улыбнулся: похоже, у него отлегло от сердца.

– Вот это другое дело.

Тут леди Белсом высвободилась из объятий, которые гро-

зили затянуться до бесконечности, и выдохнула:

– До завтра...

Она подошла к двери в коридор, неслышно отодвинула задвижку, вернулась к камину и нажала кнопку звонка. Тотчас появился Уолтер.

Леди Белсом с достоинством распорядилась:

– Проводите этого человека до ворот, и чтобы никто больше не причинил ему зла! Я отпускаю его!..

Гурн молча вышел; вслед за ним, повинуясь приказу, – Уолтер.

Снова оставшись в одиночестве в просторной гостиной, леди Белсом с беспокойством ждала, когда же наконец ее ушей достигнет звук закрываемых за Гурном ворот. Еще не оправившись от пережитого волнения, она подошла к угловому дивану, где совсем недавно они с Гурном так страстно целовались. Вдруг в тишине раздались крики и топот, совсем как час назад!..

– Это он! – кричали снаружи. – Держите его! Он здесь, осторожнее!

– Господин инспектор, сюда! Убийца! Гурн! Да-да, он самый!..

Бледная как смерть, леди Белсом прошептала:

– О боже!.. Что с ним будет?

Тем временем в саду все стихло, зато послышались голоса в коридоре. Силвертаун кричал:

– Арестован Гурн! Убийца лорда Белсома был здесь!..

Потом раздался взволнованный голос Лизбет:

– Леди Белсом!.. Господи, а вдруг он убил и ее?!

Внезапно распахнулась дверь, и Лизбет, увидав неподвижно стоявшую у дивана леди Белсом, вскричала:

– Ах, леди Белсом!.. Вы живы, слава богу!..

К ногам леди Белсом бросились рыдающие Тереза с Сюзанной. Но она, отстранив девушек, с окаменевшим лицом двинулась к окну.

Издалека, из парка, донесся голос Гурна:

– Руки прочь, мерзавцы!

Эти слова еще звучали в ушах леди Белсом, когда в гостиной появился донельзя довольный управляющий Силвертаун.

– Я так и знал! – заявил он ликующим тоном. – Конечно, это он, тот самый негодяй!.. Я узнал его, несмотря на бороду!.. И тотчас сообщил в полицию!.. Впрочем, она и так уже двое суток была начеку: один из инспекторов сыскной по-

тиции шел по его следам... Как только Гурн вышел из дома, я дал им знать!

Леди Белсом с ужасом смотрела на своего управляющего.

– И что же? – с замиранием сердца спросила она.

– Я предупредил полицию, так что это благодаря мне, ле-ди Белсом, убийца арестован!..

Мгновение леди Белсом смотрела в упор на человека, объявившего ей столь сокрушительное известие. Она попыталась что-то сказать, но вдруг рухнула, лишившись чувств... Девушки и управляющий засуетились вокруг нее. В этот самый момент на пороге гостиной появился Жюв.

– Разрешите войти? – спросил он.

XXII

НАХОДКА

Когда Жюв прибыл на улицу Левера, часы пробили три.

Консьержку дома номер 147 – того злополучного дома, где в дорожном чемодане в квартире Гурна был обнаружен труп лорда Белсома, – полицейский застал за чашкой кофе. Жюв уже не раз приходил после с обыском в квартиру коммивояжера, так что консьержка знала его прекрасно. "У этого человека, – говаривала она госпоже Орор, своей жилице и первой подруге, – не глаза, а бинокль! Он успевает все увидеть за минуту, даже когда и видеть-то нечего..."

И на сей раз консьержка встретила Жюва восторженно:

– О! Добрый день, господин инспектор! Как я рада...

Однако инспектор был не слишком расположен слушать болтовню консьержки и сразу перешел к делу:

– Ключи от квартиры!

Консьержка кинулась к доске, на которой рядами висели многочисленные связки ключей. Выбрав одну из них, она спросила:

– Похоже, у вас есть новости?.. Я давеча читала в газете, что Гурн наконец-то арестован. Так, значит, уже доподлинно известно, что убийца – мой жилец? Ах он каналья!..

Жюв на ходу бросил:

– Гурн арестован, это так, но пока что он ни в чем не признался. Так что, госпожа Дуланк, ничего определенного сказать не могу.

– Может, и мне подняться с вами, господин Жюв? – крикнула ему вслед консьержка.

– Нет-нет, занимайтесь своими делами и считайте, что ме-

...ка, Жов начинает повторять эту фразу, которая
...ала ему в детстве
...ывшись по лестнице и квартиру, некогда занимаемую
...ым Гури, Жов размышлял. "По прежнему неизвестно, почему
...ин Гури убил пэра Бельома. Да и вообще неясно, что за тип
...с дикими оскорбительное убийство — никто ничего не ви-
...ел, никто не слышал... Вот, по крайне говоря, и все, что
...жно утверждать с уверенностью... Но этого мало, этого со-
...ршенно недостаточно..."

Добравшись до площадки шестого этажа, Жов вставил
...ч в замочную скважину, открыл дверь и вошел в зло-
...ную квартиру. Оставшись в прихожей и тщательно за-
...ерев за собой дверь, он некоторое время пребывал в нере-
...шительности. "Зачем я снова пришел сюда? – думал он. –
...тобы найти улику, которая пролила бы свет на это зага-
...очное преступление? Но ведь я уже столько раз устраивал
...десь обыск — и все без толку! – Полицейский устроился в
...ресле. – Черт побери! Здесь Гури был у себя дома, ему
...чего было взламывать... Так что, переверни я хоть все
...верх дном, все равно не найду ничего, что позволило бы мне
...рименить динамометр доктора Бертильона!"

Жов поднялся. Долго сидеть на одном месте ему не позво-
...яла его деятельная натура. В очередной раз он обошел квар-
...иру.

"Кухня?.. На рассеянность я вроде не жалуюсь... разве я
...абыл там что-нибудь посмотреть? По сути, там и нет ничего
...нтересного... плита?.. буфет?.. я все перерыл!.. Прихожая?..
...оже ничего!.."

Полицейский прошел в гостиную.

"Я рылся во всех шкафах! Ничего! Проверил все вещи, ко-
...торые упаковал Гури, собираясь уезжать, но внутри не оказа-
...лось ничего достойного внимания..."

Взгляд Жова упал на кипу газет в углу. Полицейский под-
...дал ее ногой.

"И это я пересмотрел – перечитал всю эту макулатуру
...вплоть до колонок с объявлениями – и ничего не нашел..."

Жов вошел в спальню Гурна.

"И здесь пусто..."

Рядом с камином, у стены, стоял небольшой секретер, над
...которым возвышались довольно хлипкие полки, заставлен-
...ные потрепанными книгами.

"Разве что порыться в книгах? Мои ребята уже занимаются этим без меня, надеяться на что-то трудно: вряд ли даже иголочь ускользнула от их внимания..."

Жюв уселся за столик и принялся методично перекладывать лежавшие вперемешку бумаги. И вот, закончив уже перебирать письма, кое-как запихнутые в бювар, он воскликнул:

– Эге, вот это интересно!

Он развернул большой лист плотной гербовой бумаги и, зная английский, внимательно прочитал свидетельство о присвоении сержантского звания Гурну, выданное ему в Трансваале, где он сражался под командованием лорда Роберта. Дочитав до конца, Жюв безнадежно махнул рукой.

– Невероятно! – воскликнул он. – Подлинность документа не вызывает сомнений, и он свидетельствует о том, что этот негодяй был когда-то честным человеком. – Стукнув кулаком по столу, Жюв продолжил свой монолог: – Так, значит, Гурн – это Гурн?.. Неужели моя легенда ошибочна?

Он вернулся к письмам, потом, поднявшись из-за стола, окинул взглядом книжные полки, полистал тома, некоторые встряхнул, держа двумя руками за обложку: не выпадет ли оттуда листок или записка...

– Ничего! – заключил он вслух.

Все-таки он еще раз просмотрел большой железнодорожный справочник "Шекс", потом – расписание морских сообщений. "И ведь что характерно, – думал Жюв, – если быть объективным, следует признать: все обнаруженное здесь указывает на то, что этот Гурн, как ни крути, честно занимался своим ремеслом!"

И Жюв вернулся к прежнему вопросу:

"Выходит, Гурн – это Гурн?.. Всего лишь Гурн?"

Но после минутного размышления отверг это предположение:

"Нет, это невозможно! Просто быть не может!"

Полицейский снял с полки коробку, искусно имитирующую книгу. В ней находился комплект крупномасштабных туристских карт Тарида.

– Проверим еще раз, – пробормотал Жюв себе под нос, – не спрятано ли что-нибудь среди этих планов. – Внезапно с его губ слетело восклицание: – О господи!.. Вот это да! Инспектор даже привстал. Он был до того поражен, что у него дрожали руки, когда он разворачивал, а потом тщательно разглаживал на письменном столе одну из карт, извлечен-

ную им из коробки, приговаривая:

– Так-так, это действительно карта Центрального района, черт побери! Вот Кагор, вот Брив, вот Сен-Жори... А вот здесь должно было быть Болье! Недостает как раз того куска!..

Жюв как завороженный глядел на карту, где на месте плана замка маркизы де Лангрюн и его окрестностей зияло аккуратно вырезанное – похоже, перочинным ножиком – отверстие. Не в силах оторвать от карты глаз, инспектор пробормотал:

– Эх, удалось бы доказать, что тот кусочек, который я нашел на земле неподалеку от вокзала в Веррьере на следующий день после убийства, вырезан именно из этой карты, принадлежащей Гурну!

Жюв взглянул на номер карты, потом торопливо сложил ее и собрался было покинуть квартиру, но не успел сделать и нескольких шагов к двери, как вздрогнул от неожиданного, пронзительного звонка. Жюв остановился. "Что за чертовщина? – подумал он. – Кто это может звонить в квартиру Гурна, когда всему Парижу известно, что он арестован?" И инспектор на всякий случай удостоверился, что револьвер у него по-прежнему в кармане.

Он подошел к двери, широко распахнул ее и, пораженный, отступил.

– Ничего себе! – воскликнул он, разглядывая пришедшего. – Это же Шарль Рамбер!.. Вернее, Жером Фандор!.. И что сие значит?..

XXIII ГИБЕЛЬ "ЛАНКАСТЕРА"

Ни слова не говоря, молодой человек вошел в квартиру, и Жюв машинально закрыл за ним дверь.

– Что случилось? – спросил инспектор, видя, что на юноше просто лица нет.

– Какой ужас! – ответил Жером Фандор. – Погиб мой отец!

– Что ты плетешь? – изумился полицейский. – Этьенн Рамбер погиб?

С трудом сдерживая подступавшие слезы, Жером Фандор протянул Жюву газету, которая была у него в руке.

– Прочтите! – проговорил он. И указал на статью на первой полосе, заголовок которой был явно рассчитан на то, что-

бы поразить воображение: *"Вода! Огонь! Порох! 150 погибших!"* Подзаголовок уточнял: *"Потерпел крушение "Ланкастер"!"*

– При чем здесь твой отец? Ничего не понимаю! – недоуменно сказал Жюв.

– Прочтите! – настойчиво повторил Жером Фандор.

Молодой человек был так взволнован, что Жюв решил оставить его в покое и стал читать газету. В ней говорилось:

"Только что случилось еще одно ужасающее несчастье, которое наконец заставит нас всех очнуться и понять, что пора, давно пора обратить самое пристальное внимание на безопасность пассажиров, которой, по примеру железнодорожных компаний, столь явно пренебрегают компании морских сообщений.

Вкратце о разыгравшейся сегодня ночью трагедии.

Пароход "Ланкастер", принадлежавший "Ред Стар и Ко" и курсировавший между Каракасом и Саутгемптоном, затонул с людьми и грузом, едва выйдя в открытое море и еще находясь в зоне видимости маяка на острове Уайт. Спасти удалось лишь одного человека. За исключением этого моряка, вся команда и все пассажиры погибли...

Не успел пароход покинуть порт, как служители маяка увидели, что он буквально развалился на куски, а потом в считанные минуты исчез в морской пучине!.. Они немедленно подняли тревогу. К месту гибели "Ланкастера" тотчас устремились парусники, стоявшие в порту пароходы принялись разводить пары, чтобы прийти на помощь тем, кто, возможно, остался в живых после катастрофы...

Увы! Спасатели прибыли слишком поздно! После многочасовых поисков им пришлось вернуться в порт ни с чем. Успех сопутствовал лишь одному кораблю, "Кемпбеллу": он поднял на борт единственного уцелевшего после этой катастрофы, действительно беспрецедентной в истории судоходства...

Нашему коллеге из "Таймс" удалось взять интервью у спасенного. Это матрос по фамилии Джексон. Вот что он рассказал:

Порт остался за кормой, и наше судно шло полным ходом с небольшой бортовой и килевой качкой: море было довольно спокойным. Я натягивал брезент над рубкой с багажом, когда прогрохотал взрыв необычайной силы. Он до сих пор звучит в моих ушах... Произошел он в грузовом трюме –

...единственное, что я могу сказать с уверенностью. В тот же миг корабль разлетелся на куски... Меня оглушило и выбросило за борт... Придя в себя, я обнаружил, что качаюсь на волнах, каким-то чудом обхватив сорвавшийся с борта буек. Как вы понимаете, в таком состоянии я вряд ли соображал, что делаю, однако инстинкт самосохранения заставил меня намертво вцепиться в этот спасительный обломок. Спустя какое-то время меня заметили на "Кемпбелле" и спасли от верной гибели..."

Жюв оторвался от газеты.

– Взорвавшийся корабль – как это понимать? Ведь пассажирское судно не могло везти в трюмах порох.

Инспектор дочитал статью до конца и перешел к списку пассажиров.

– Действительно, – произнес он, – тут указано, что Этьенн Рамбер числится среди пассажиров первого класса... странно!..

Жером Фандор тяжело вздохнул.

– От этого страшного удара судьбы мне никогда не оправиться, – проговорил он. – Когда в тот день вы сказали, что не считаете меня виновным, мне следовало бы встретиться с отцом...

Несчастный юноша с большим трудом держал себя в руках. Жюв тепло посмотрел на него.

– Мой юный друг, – сказал он, – постарайся, несмотря ни на что, поверить мне: отчаиваться рано!..

– Что вы имеете в виду? Ведь все кончено...

– Ничто не доказывает, что твой отец мертв.

– Как? – возразил Жером Фандор. – Вы, должно быть, не дочитали статью до конца – там говорится, что поиски велись самым тщательным образом и теперь следует отказаться от надежды найти еще кого-нибудь оставшегося в живых после этой ужасной катастрофы...

– А если твоего отца не было на борту?

– Но ведь он числится в списке пассажиров!

Жюв, заметно нервничая, мерил шагами комнату; подойдя к молодому человеку, он принялся его утешать:

– Ну-ну, говорю же тебе: не унывай. Подобные ошибки случаются сплошь и рядом. Может быть и так, что твой отец действительно намеревался плыть на "Ланкастере", но в последний момент передумал или ему что-то помешало...

Слова полицейского удивили Жерома Фандора.

— Но помилуйте, Жюв! — воскликнул он. — Что вы хоти-
те этим сказать?

Инспектор сделал неопределенный жест.

— Ничего, кроме одного — и ты должен мне поверить, — ты напрасно горюешь... кто знает, может, твой отец жив-
здоров... И потом, у тебя ведь есть еще матушка... Она вы-
здоровеет... обязательно... слышишь меня? Обязательно!

И пока изумленный Жером Фандор размышлял над услы-
шанным, Жюв внезапно сменил тему разговора.

— Я вот что хотел бы узнать, — сказал он. — Как ты, черт
побери, здесь очутился?

— Мне больше не от кого ждать помощи, — ответил Фан-
дор. — Как только я прочитал о кораблекрушении, я немед-
ля кинулся к вам.

— Так, ясно, — заключил Жюв, — но неясно другое: каким
образом ты догадался, что я здесь, у Гурна?

Вопрос, похоже, застал Жерома Фандора врасплох.

— Господи... — начал он, — да совершенно случайно...

Однако инспектор перебил его:

— Случайно! Для меня это не объяснение! И потом, как ты
мог случайно увидеть, что я вхожу сюда?.. Какого дьявола
тебя занесло на улицу Левера?..

Еще больше смутившись, Жером Фандор попытался укло-
ниться от вопросов полицейского.

— Вы собирались уходить? — спросил он, направляясь в
прихожую.

Но Жюв остановил его:

— Нет уж, ты ответь мне, будь любезен! Откуда ты узнал,
что я здесь?

Деваться было некуда, и Жером Фандор признался:

— Я шел за вами следом...

— "Шел следом"! — воскликнул Жюв. — И откуда же?

— От вашего дома.

— Скажи уж лучше, что ты следил за мной!

И Жером Фандор выложил как на духу:

— Ну что ж, господин Жюв, это так! Я следил за вами. И
слежу каждый день!

Удивлению Жюва не было предела:

— Каждый день? А ведь я ни разу не заметил! Ты, парень,
силен, ничего не скажешь!..

Жером Фандор молча потупился, и полицейский сказал:

— Черт побери, хорошо б еще понять, с какой целью ты
это делал?

– Простите меня, – пробормотал Жером Фандор, – я совершил глупость... Я посчитал, что... что вы – Фантомас!

Предположение юного Жерома Фандора так развеселило инспектора, что он рухнул в кресло, чтобы вволю посмеяться.

– Ну и ну! Придумать такое!.. – стонал он. – А почему ты решил, что я Фантомас?

– Уважаемый господин Жюв, – стал объяснять Фандор, – я поклялся себе, что докопаюсь до истины и отыщу преступника, который перевернул всю мою жизнь. Но я не знал, с чего начать. Из вашего рассказа я понял, что Фантомас – невероятно ловкий человек. Ну а мне известен только один такой ловкач... это вы! Вот я и принялся следить за вами – разве не логично?!

– Послушай, а ведь это интересно... Во-первых, в твоих рассуждениях действительно есть логика. А во-вторых, ты следил за мной так искусно, что я даже не заподозрил об этом... Молодец! – Некоторое время полицейский внимательно разглядывал молодого человека, потом, посерьезнев, продолжил: – Ответь-ка, но только честно: теперь ты убедился, что пошел по ложному пути, или все еще подозреваешь меня?

– Нет-нет, мои подозрения рассеялись с тех пор, как я увидел, что вы вошли в этот дом. Фантомас не стал бы учинять обыск у Гурна, потому что...

Юноша умолк, не договорив. Жюв с интересом наблюдал за ним.

– Хочешь, я скажу тебе кое-что? – наконец нарушил он молчание. – Мой юный Фандор, если как репортер ты будешь и дальше проявлять такие же смекалку и находчивость, то очень быстро станешь лучшим уголовным хроникером нашего времени! – И не успел юноша и рта открыть, как Жюв стремительно повлек его за собой. – Пошли, – сказал он, – мне нужно срочно во Дворец Правосудия.

– Что-нибудь случилось?

– Хочу вызвать одного интересного свидетеля по делу Гурна...

.....

Дождь, зарядивший с самого утра, наконец прекратился.

Управляющий Доллон, протянув за окно руки, удостоверился, что с серого неба падают лишь редкие капли, потом пересек комнату и позвал сына:

– Жак! Где ты?

– Здесь, в мастерской!

Управляющий улыбнулся...

Спустя несколько месяцев после гибели маркизы де Лангрон баронесса де Вибре взяла Доллона на службу и была чрезвычайно довольна тем, что заполучила такого помощника. Переехав в один из флигелей замка Керель, Доллон, разумеется, не мог и предположить, что судьба его детей вскоре так круто переменится.

Действительно, баронесса по-настоящему привязалась и к его дочери, Элизабет, с которой и Тереза Оверна обращалась как с подругой, и к Жаку, которого считала таким смышленым пареньком, что не помочь ему найти в жизни свою дорогу, говаривала она, было бы просто преступлением. Знающая толк в искусстве, баронесса была поражена его способностями к ваянию. Подросток, которого никто и никогда этому не учил, забавлялся тем, что лепил из глины фигурки, восхищавшие баронессу. Несмотря на опасения пожилого Доллона, не слишком уверенного в том, что сын сделал правильный выбор, она поощряла увлечение юноши, снабжая его необходимыми для лепки инструментами: стеками, досочками и тому подобным.

– Хочешь пойти со мной? – предложил управляющий прибежавшему на зов сыну. – Я иду к ручью, проверить, подняты ли шлюзы.

В сопровождении сына управляющий вышел в парк и уже собрался было направиться к ручью, протекавшему по окраине парка, как вдруг Жак остановил его:

– Посмотрите, папа, нам машет рукой почтальон!

Иногда вороватый, но, по сути, добродушный чудак письмоносец, приносивший почту в замок Керелль, и впрямь торопился к управляющему.

– Ох, господин Доллон, сегодня я целый день за вами гоняюсь. Еще утром приходил, но вас не было, а у меня в сумке, господин Доллон, официальное письмо, и я обязан вручить его вам лично...

Он протянул Доллону конверт, и тот вскрыл его.

– Кабинет судебных следователей?.. – вопросительно произнес он, взглянув на заголовок бланка. – Кто бы это мог писать мне из Дворца Правосудия?

И принялся читать вслух:

"Господин Доллон,

не имея времени вызвать вас через судебного исполнителя повесткой по всей форме, я прошу вас оказать мне любезность и срочно, желательно не позже чем послезавтра, прибыть в Париж, в мой кабинет, ибо ваши показания мне аб-

солютно необходимы, чтобы закончить следствие по делу, в исходе которого заинтересованы и вы. Не сочтите за труд взять с собой все без исключения документы, которые вручил вам секретарь суда после того, как было завершено слушание дела Лангрюн..."

– А кто отправил тебе это письмо? – поинтересовался Жак.

– Подписано: Жермен Фюзелье. Мне часто попадалось это имя в газетах, он действительно очень известный следователь.

Управляющий Доллон еще раз перечитал послание, потом обратился к почтальону:

– Скажите-ка, Мило, как вы смотрите на то, чтобы выпить стаканчик вина?

– Разрази меня гром, если я откажусь!..

– Прекрасно, тогда зайдите на минутку в дом – вас проводит Жак, а я тем временем напишу ответ, который вы, надеюсь, не откажете в любезности отправить по телеграфу.

Пока почтальон отдыхал, управляющий Доллон составлял такую телеграмму:

"Господину Жермену Фюзелье,

судебному следователю, Париж.

Выезжаю Веррьера завтра, 12 ноября, поездом 7.20 вечера, прибывающим Париж 5 утра. Время назначьте телеграммой отель "Фран-Буржуа" адресу дом 152, улица дю Бак".

Он подписался: "Доллон", перечитал текст, потом задумчиво произнес:

– И все-таки, что им от меня нужно?..

XXIV

В ТЮРЬМЕ САНТЕ

Гурн широкими шагами мерил внутренний двор тюрьмы Санте, используя каждую секунду времени, отводимого тюремным распорядком на прогулку.

Вот уже пять дней, как убийца лорда Белсома, арестованный в ту минуту, когда он выходил от леди Белсом, своей любовницы, был за решеткой.

Поначалу узнику, похоже, было невыносимо трудно приспособиться к тяготам заключения: после приступов дикой ярости он впадал в глубокое отчаяние, но твердый характер и железная воля помогли Гурну взять себя в руки.

Он находился в камере один — пользовался преимущест-
вами режима предварительного заключения.

На протяжении первых двух суток, пока не закончились деньги, убийца заказывал себе кушанья с воли; когда же кошелек опустел, ему пришлось довольствоваться тюремной пищей.

Стараясь поддерживать приличную физическую форму, Гури по нескольку раз обходил двор быстрым шагом.

– Черт возьми, заключенный Гури! – раздался запыхавшийся голос у него за спиной. – Ну, вы и припустили – за вами никак не угнаться! А я хотел погулять с вами, поговорить о том о сем.

Обернувшись, Гури увидел тюремного охранника Сьежанталя, надзирателя его отделения.

– Можно подумать, что вы служили в отборном отряде пеших стрелков... когда-то и я принадлежал к этой армейской элите. Эх, сколько с тех пор воды утекло!..

Тут надзиратель запнулся.

– И ведь вы тоже воевали, не так ли, Гури? – заметил он немного погодя. – Я слышал, вы дослужились до сержанта в Трансваале?

Гури утвердительно кивнул.

– А вот я выше капрала так никогда и не забирался... зато я жил всегда честно, – папаша Сьежанталь, как фамильярно называли надзирателя заключенные, с укором взглянул на Гурна. – Ну скажите, Гури, возможно ли, чтобы такой человек, как вы – на вид серьезный, порядочный, бывший военный, – совершил подобное преступление?..

Гури молчал; Сьежанталь с покровительственным видом положил ему на плечо руку.

– Признайтесь, ведь это все из-за женщины, а? Убийство из ревности, в состоянии помрачения рассудка? Верно?

Гури пожал плечами и произнес тоном чистосердечного раскаяния:

– Да нет же, господин Сьежанталь, что вы... уж вам-то я признаюсь: я был страшно взбешен, и потом, мне крайне были нужны деньги...

Сьежанталь удивленно посмотрел на заключенного и нахмурился. Решительно, это человек порочный, конченый...

Пробили часы; Сьежанталь бросил:

– Заключенный Гури, пора в камеру!

Гури повиновался и последовал за своим надзирателем.

– Кстати, я забыл вам сказать, – объявил Сьежанталь, по-

ка они взбирались по лестнице на четвертый этаж, где располагалось их отделение, – вскоре мы расстаемся.

– Меня переводят в другую тюрьму? – осведомился Гурн.

– Нет, это я ухожу отсюда. Представьте себе, меня назначили старшим надзирателем в Пуасси; приказ подписан позавчера, а нынче утром мне вручили предписание; с нынешнего вечера я числюсь в отпуске, а через неделю отправлюсь к новому месту службы.

– Вы рады этому назначению?

– Вообще-то да, – отозвался Сьежанталь, – ведь я давно о нем мечтал. Ну, вот это и сбылось – так, совсем неожиданно... что ж, там будет поспокойнее...

Надзиратель и узник поднялись на четвертый этаж тюрьмы; теперь они мерным армейским шагом шли по нескончаемому коридору с бесчисленными камерами по бокам. Перед дверью с номером 127 они остановились, и надзиратель открыл камеру.

– Входите! – скомандовал он.

Гурн повиновался, и Сьежанталь, заперев дверь, ушел.

Оставшись в одиночестве, Гурн принялся размышлять.

На допросах у следователя Фюзелье он сразу признал себя виновным в убийстве лорда Белсома. Однако отрицал – правда, довольно вяло, – что совершил убийство из корыстных целей. "Мы повздорили, он оскорбил меня и к тому же стал угрожать; я только защищался", – утверждал он.

В коридоре раздался монотонный голос – один из надзирателей объявил:

– Камера сто двадцать седьмая, заключенный Гурн, приготовьтесь: вас вызывают к адвокату!

Спустя несколько мгновений дверь камеры отворилась, и появился охранник, с жизнерадостной физиономией и гасконским выговором. Гурн уже заприметил этого младшего надзирателя отделения, по фамилии Нибе, которого теперь, в связи с переводом Сьежанталя, должны были непременно повысить в чине.

Буркнув что-то невразумительное, Гурн поспешно одернул пиджак. Убийца лорда Белсома не слишком стремился встречаться со своим адвокатом, знаменитым мэтром Барберу. Содействием этого светила парижской адвокатуры, выступающего главным образом в суде присяжных, Гурн счел полезным заручиться, тем более что услуги мэтра предоставлялись узнику совершенно бесплатно. Но Гурн уже рассказал своему защитнику все – во всяком случае, все, что намере-

вался. Он не хотел, чтобы его дело приобрело широкую огласку. Напротив: чем незаметнее пройдет процесс, тем лучше.

Гурн молча шагал по коридору впереди охранника – дорога к камере, отведенной тюремной администрацией под адвокатскую комнату, была ему хорошо известна.

Пока он шел, на него со всех сторон косились рабочие-каменщики, выполнявшие в здании тюрьмы ремонт, но, вопреки опасениям Гурна, отнюдь не жаждавшего популярности, они не признавали в нем убийцу лорда Белсома.

Нибе ввел Гурна в адвокатскую комнату, почтительнейшим тоном сказав находившемуся там человеку:

– Когда закончите, нажмите на кнопку звонка, и я тотчас приду.

Войдя, Гурн увидел не знаменитого адвоката, а его секретаря, молодого Роже де Сера – лощеного, элегантного адвоката-стажера.

При виде клиента своего патрона Роже де Сера засуетился. Поприветствовав Гурна ослепительной улыбкой, он двинулся ему навстречу и протянул было руку для пожатия, но потом, видимо сочтя этот жест чересчур фамильярным, вдруг сделал вид, будто просто решил пригладить волосы... Заметив эту маленькую уловку, Гурн ничуть не обиделся, а лишь усмехнулся про себя.

Как выяснилось, свидание предстояло недолгое. Роже де Сера принес за это извинения, как светский человек, усвоивший самые изысканные манеры.

– Прошу вас извинить меня за то, что я проведу с вами лишь несколько минут, – заявил он пронзительным голосом, звучавшим каждый понедельник в адвокатском собрании, – но в настоящее время я чрезвычайно занят. Вдобавок внизу, в моем автомобиле, меня ждут две дамы... Вам я могу открыть тайну: это танцовщицы из варьете, мадемуазель де Вернейи Люсетта де Ланжи. Представляете, эти дамы хотели увидеть вас во что бы то ни стало! Вот что такое известность, а, господин Гурн?

Слегка польщенный, Гурн покачал головой.

Молодой Роже де Сера продолжал:

– Чего я только не предпринимал, чтобы им угодить! Дошел до начальника тюрьмы – я только что из его кабинета... И все впустую, мой дорогой, лишь довел старика до белого каления... Ну, тут надо благодарить прежде всего нашего приятеля Фюзелье. Эта ищейка намерена содержать вас в самом строгом секрете. Хотя, впрочем, вы и сами кое-что об

этом знаете?

Не ответив, Гурн с безразличным видом пожал плечами. Потом, в надежде получить хоть крупицу информации, спросил:

– Ну, а в моем деле что новенького?

– Ничего, насколько мне известно! – ответил Роже де Сера. Но тут же встрепенулся: – Да, кстати! Леди Белсом...

– Что "леди Белсом"? – насторожился Гурн.

– Да так... просто я ее знаю. Я частенько бываю на официальных приемах, в том числе и в посольствах. Мне много раз приходилось видеть ее в салонах. Очаровательная женщина!

Гурн был в замешательстве, не зная, как держать себя с молодым человеком, который становился все развязнее. Он, без сомнения, поставил бы болтуна на место, как вдруг тот, уже собравшись было уходить, спохватился и, рассмеявшись, воскликнул:

– Да, самое-то главное я и забыл! Представьте себе: Жюв, этот проныра Жюв, который метит в национальные герои, вчера устроил еще один, который уже по счету, обыск в вашей квартире!

– Сам? – заинтересовался Гурн.

– Сам! И знаете, что он обнаружил у вас, где и так уже все перерыли снизу доверху? Он утверждает, что сделал сенсационное открытие. Держу пари, вы ни за что не догадаетесь...

– Я никогда и ни с кем не заключаю пари! – отрезал Гурн.

Молодой стажер, гордый тем, что сумел хоть ненадолго заинтересовать столь известного клиента своего патрона, выдержал паузу, покрутил головой и с расстановкой произнес:

– В глубине ваших книжных полок, дорогой мой, он обнаружил порванную карту Тарида...

– И что же? – меняясь в лице, спросил Гурн.

– А то, что в глазах Жюва, – ответил адвокат-стажер, не замечая волнения Гурна, – это, похоже, имеет огромное значение!.. Между нами говоря, Жюв слишком много о себе понимает, а сам то и дело садится в лужу. Ну каким образом, спрашиваю я вас, эта карта может повлиять на ваше дело? И вообще, вам не стоит особо беспокоиться, мне довелось бывать на многих уголовных процессах, так что я знаю, что говорю: в вашем случае много смягчающих обстоятельств, вы можете быть в этом уверены. Правда... – Внезапно он перескочил на другую тему: – Еще одна новость! Следствие затребовало нового свидетеля...

– Нового свидетеля? – с удивлением переспросил Гурн.

– Да!.. Нового свидетеля, которого зовут... погодите-ка... ах да – Доллон, управляющий Доллон!

– Не понимаю, – глухо пробормотал Гурн, уставясь в пол.

Роже де Сера между тем продолжал:

– Подождите, говорю я вам; связь есть! Управляющий Доллон – это слуга некоей баронессы де Вибре...

– Ну и что?..

– А баронесса де Вибре является опекуншей той девушки, которая находилась у леди Белсом в тот самый день... в тот самый вечер, когда вы... ну, в общем, Терезы Овернуа.

– И что же дальше? – безразличным тоном бросил Гурн.

– А дальше я не знаю! – воскликнул стажер. – Терезу Овернуа устроил к леди Белсом некий Этьенн Рамбер. А Этьенн Рамбер – не кто иной, как отец молодого человека, убившего в прошлом году маркизу де Лангрюн... Я рассказываю вам все это, не делая никаких выводов, поскольку лично я абсолютно не понимаю, зачем для нашего процесса понадобился управляющий Доллон...

– Я тоже! – вздохнул Гурн.

Какое-то время оба молчали.

Роже де Сера принялся разыскивать свои перчатки. В конце концов они обнаружились в кармане его визитки.

– Дорогой мой, я вас покидаю! – заявил он. – Меня ведь ждут дамы...

Роже де Сера протянул руку к кнопке звонка, собираясь вызвать охранника, но тут Гурн остановил его.

– Скажите, – спросил он с пробудившимся интересом, – когда приезжает этот человек?

– Какой?

– Ну, этот... Доллон!

Стажер задумался, потом хлопнул себя по лбу.

– Черт побери, что за дырявая память! – рассмеялся он. – Ведь у меня тут, в портфеле, копия телеграммы, которую он отправил следователю.

– Покажите ее мне, – попросил Гурн.

Роже де Сера открыл свой портфель, достал одну из папок, нашел в ней листок бумаги.

– Держите, вот она...

Он передал телеграмму Гурну, и тот прочитал: "Выезжаю Веррьера завтра, 12 ноября, поездом 7.20 вечера, прибывающим Париж 5 утра..."

Дальше Гурн читать не стал и, ни слова не говоря, вернул

документ адвокату.

Несколько минут спустя Роже де Сера вернулся к своим очаровательным спутницам, а узник — в свой "пистоль"*.

XXV

НЕОЖИДАННЫЙ СООБЩНИК

После разговора с молодым адвокатом Гурн в сильнейшем возбуждении шагал по камере.

Звякнула щеколда; в дверном проеме показалась улыбающаяся физиономия охранника Нибе.

– Эй, добрый вечер! — воскликнул он. — Уже шесть часов. Посыльный от виноторговца напротив спрашивает, приносить ли вам ужин.

– Нет, – буркнул Гурн, — обойдусь казенным!

– Ах вот как, видать, финансы поют романсы?

Раздосадованный, Гурн хотел было дать понять новому надзирателю, что тяготится его обществом, но тот поспешно вошел в камеру, приблизился к узнику и, вложив ему в ладонь какую-то бумагу, еле слышно проговорил:

– Держи, это тебе!

Гурн с изумлением взглянул на банковский билет, врученный ему охранником.

– И если понадобится еще, — свистящим шепотом продолжал Нибе, поминутно озираясь на дверь, — не стесняйся, все сделаем.

Гурн хотел спросить, откуда этот подарок, но надзиратель жестом велел ему молчать.

– Я сейчас вернусь, только закажу для тебя хороший ужин!

Вновь оставшись один, Гурн глубоко вздохнул. С души у него свалился большой камень: возлюбленная не оставила его в беде. Но ведь и он, Гурн, умалчивая о связывавших их узах, оберегал ее от подозрений в соучастии.

Дверь в камеру снова открылась.

– Ну что? — воскликнул надзиратель, держа в руке корзину из ивовых прутьев, наполненную разнообразной снедью; торчала из нее и бутылка вина. — Тут есть чем полакомиться?

*Так раньше называлось отделение тюрьмы, где заключенные могли питаться за свой счет (некогда это стоило им ровно один листоль в месяц).

.. Честно говоря, это весьма кстати! – обрадовался Гурн.– И вы тысячу раз правы, что заказали мне ужин с воли.

Нибе многозначительно подмигнул, довольный тем, что угодил узнику.

За ужином Гурн разговорился с Нибе:

– Так это вы теперь вместо Сьежанталя?

– Ну да, я, – ответил Нибе, который, то и дело выглядывая в коридор, чтобы убедиться, что никто не застанет его врасплох, согласился выпить один, потом второй стакан вина, предложенный ему Гурном. – Я уже давно добивался повышения, в моем личном деле есть целых три письма депутатов от оппозиции... говорят, им чаще идут навстречу; ну так вот, несмотря на это, дело не двигалось! Но представьте себе, буквально на днях меня вызвали в министерство юстиции и сообщили, что моей персоной интересуется некто из одного посольства; меня спросили, хочу ли я повышения по службе, ну и я не отказался. В результате Сьежанталя переводят в Пуасси, а меня назначают на его место!

Гурн понимающе кивал головой.

– А откуда деньги? – спросил он.

– Вчера вечером на улице ко мне подошла одна дама, – начал объяснять надзиратель. – "Это вы Нибе?" – спрашивает. Отвечаю: "Да"... Ну, поговорили на тротуаре. Дождавшись, чтобы рядом не было прохожих, она вложила мне в руку банковские билеты, довольно увесистую пачку... и сказала, что благоволит ко мне... и к вам... и что, если я выполню все, как она укажет, у меня будут еще синенькие...

Пока надзиратель рассказывал, Гурн рассмотрел его повнимательнее: мясистые губы, узкий лоб – охранник явно не был чужд ничему земному. И Гурн решил сразу брать быка за рога.

– Слушай, мне здесь надоело! – заявил он, фамильярно положив руку надзирателю на плечо.

Тот, слегка обеспокоясь, поднял голову.

– Понятное дело, чего уж там! Ну да ничего, со временем все как-то устраивается...

– Само собой ничего не устроится, об этом надо позаботиться! – тоном, не допускающим возражений, заявил Гурн. – Вот мы с тобой и позаботимся...

– Ну вы даете! – присвистнул надзиратель.

– Разумеется, – продолжал Гурн, – всякий труд должен быть оплачен, и не годится, чтобы из-за побега заключенного надзиратель рисковал своим местом!

– Уж это да! – воскликнул Нибе.

– Не бойся, Нибе, глупостей мы не допустим, но давай поговорим серьезно. Ты еще будешь встречаться с той замечательной дамой, которая вручила тебе деньги?..

Поколебавшись немного, надзиратель ответил:

– Мы встречаемся вечером, в одиннадцать...

– Вот и прекрасно! – заключил Гури. – Скажешь ей, чтобы принесла десять тысяч франков.

– Десять тысяч?.. – переспросил ошеломленный охранник.

– Десять тысяч, – подтвердил Гури, – и к завтрашнему утру! Из них полторы тысячи будут для меня – завтра вечером я отсюда уйду...

Надзиратель колебался.

– А если меня заподозрят?.. – нерешительно начал он.

– Не глупи! – отрезал Гури. – Все должно выглядеть самым обычным упущением по службе. Уж постарайся. Как сообщник ты мне не нужен. – Видя, что Нибе все еще колеблется, он продолжил: – Послушай, тебе добавят пять тысяч франков, а в случае, если дело обернется плохо, у тебя останется возможность бежать в Англию, где твое существование будет обеспечено до конца дней твоих.

– У меня жена и двое детей...

– Ну разумеется, вместе с семьей! – уверил его Гури.

– Но... – торговался надзиратель, уже готовый сдаться, – мне нужны гарантии...

– Все гарантии получишь от той дамы. Возьми, передашь ей вот это.

Гури поспешно вырвал из своей записной книжки листок, набросал на нем несколько слов карандашом.

– Что ж, возможно, я и соглашусь... – пробормотал Нибе.

– Должен согласиться, и немедленно! – отрезал Гури.

Мужчины посмотрели друг другу в глаза, надзиратель побледнел, но в конце концов выдохнул:

– Я согласен...

Прошел день, и наступило 12 ноября. Совершив ежедневную прогулку, Гури возвратился в свою камеру.

Он провел очень беспокойную ночь, терзаясь вопросом, сумеет ли новый надзиратель разработать простой и осуществимый план побега.

Но его надежды, похоже, оправдались. Сразу же по пробуждении он увидел Нибе – лукавый взгляд, таинственное выражение лица. Из-под мундира тот вытащил сверток и передал его Гури:

Спрячь это в постели!

Гурн повиновался.

Прошло утро, но больше он ничего не узнал: ему так и не удалось побеседовать с Нибе с глазу на глаз.

Только во время прогулки в тюремном дворе заключенный и его надзиратель смогли наконец поговорить.

Нибе принялся объяснять:

– Вот уже три недели, как в тюрьме работают каменщики, человек двадцать: чинят крышу и ремонтируют отдельные камеры. Камера сто двадцать девятая, рядом с твоей, пустует, решетки на окне нет. Как раз через эту камеру, через окно, рабочие выбираются на крышу. Они приходят утром, уходят в полдень, возвращаются в час и окончательно уходят в шесть. Охранник у ворот их знает, но вряд ли всякий раз так уж пристально их рассматривает, так что, надеюсь, тебе удастся проскочить с ними!.. В свертке, который я тебе принес, – рабочая одежда, переоденешься в нее. Без десяти шесть ремонтники спускаются через слуховые окна чердака, потом проходят по лестнице, ведущей к тюремной канцелярии, минуют ее, пересекают оба двора тюрьмы и, наконец, выходят через главные ворота. Без пятнадцати шесть я выпущу тебя, и через соседнюю камеру ты вылезешь на крышу, пока ремонтники не закончат работу, будешь прятаться за трубами, минуты две-три, не больше: рабочие не любят перерабатывать и уходят секунда в секунду; ты пойдешь вместе с ними... хотя нет! Тут надобна осторожность: отпусти их вперед и, прихватив какой-нибудь инструмент, двигайся следом за ними, а потом, перед канцелярией, во дворе, везде, где тебя могут заметить, делай вид, будто догоняешь их, но, разумеется, не подходи ближе чем на несколько метров...

Как только охранник начнет закрывать ворота, ты окликнешь его – негромко и как можно естественней – и скажешь: "Эй, папаша Морен, уж не хотите ли вы запереть меня здесь? Ведь я не из ваших клиентов, пропустите меня к ребятам!" Или что-нибудь в этом роде... а уж оказавшись на воле, выпутывайся как знаешь, голубчик!.. В правый карман куртки я положил деньги – десять стофранковых билетов; это меньше, чем ты просил, но у меня не нашлось мелких...

Гурн не стал настаивать.

– В котором часу мой побег будет обнаружен? – спросил он.

Надзиратель размышлял вслух:

– Ночью дежурю я. Уложи свою одежду в койке так, чтобы было похоже, что это ты там лежишь. Пусть думают, что

ты меня провел... Я сменюсь в пять утра. До восьми часов обхода не будет. Клетку откроет мой напарник. Но птичка к тому времени упорхнет уже далеко!

XXVI

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Чтобы отсрочить разлуку с нежно любимым отцом, Элизабет и Жак Доллон решили проводить его до маленького вокзала Веррьера, где он должен был сесть на поезд, идущий в Париж.

На вокзал они прибыли заблаговременно, и старый управляющий принялся давать детям последние наставления.

– Ты, Элизабет, – говорил он, – обещай мне, что не будешь чересчур утомляться!.. Прошу тебя, не поднимайся слишком рано утром, когда будешь обходить своих бедняков.

Девушка пообещала быть благоразумной, и управляющий обернулся к сыну:

– А тебе, Жак, я все уже сказал. Ты остаешься тут за меня. Главное, своевременно открывай и закрывай шлюзы на ручье: садовники очень часто про них забывают.

– Я понял, папа.

– Ну а если здесь произойдет что-нибудь более или менее серьезное, ты дашь мне телеграмму, так?..

С оглушительным металлическим скрежетом на станцию Веррьер подошел поезд на Париж; пока локомотив хрипло отдувался, управляющий обнял Элизабет и Жака, потом, приметив вагон второго класса, приблизился к нему.

На колокольне ближайшей деревушки пробило три часа. Буря, которая свирепствовала с вечера, сейчас удвоила свою ярость: дождь хлестал как из ведра, ветер усилился, сгибая в неистовых порывах высокие тонкие тополя вдоль дороги. В ночи их черные купы приобрели неясные, фантастические очертания.

Тем временем по железнодорожной насыпи уверенно шагал человек; судя по всему, беснование стихии его нисколько не пугало. Это был мужчина лет тридцати, одетый в длинный плащ, воротник которого, поднятый до ушей, скрывал всю нижнюю часть лица. Борясь с ветром, который забирался в его широкие одежды, неизвестный шагал прямо по щебню.

– Чертова погодка! – пробурчал он. – Уже много лет не

нился и такой поганой ночки: ветер, дождь... Тридцать три удовольствия!.. Впрочем, чего это я раскипятился: луны совсем не видно, и мне это как раз на руку. При вспышке молнии неизвестный мгновенно сориентировался на местности.

"Похоже, я уже недалеко", - подумал он.

Мужчина в плаще прошагал еще несколько метров и облегченно вздохнул: "Вот я и на месте!"

Он убедился, что по обе стороны от полотна вверх идут склоны, так что рельсы пролегали как бы по дну траншеи.

– Этак-то лучше, – проворчал мужчина себе под нос, – хоть ветер не задувает, свистит где-то над головой!

Он остановился, осторожно спустил на землю довольно объемистый сверток, потом, отдышавшись, принялся прогуливаться взад и вперед, поеживаясь от пронизывающего ночного холода.

"Только что пробило три часа, – подумал он. – Если верить расписанию, у меня еще по меньшей мере десять минут... Что ж, не опоздал, и на том спасибо".

В очередной раз проходя мимо свертка, который он положил на землю, он отметил про себя: "А он тяжелее, чем я предполагал, и довольно громоздок... Ну да ладно, бог в помощь!"

Несколько минут он размышлял, потом заговорил сам с собой:

– В общем, мне нечего беспокоиться: насыпь здесь песчаная, без гравия, трава невысокая... бежать можно, да и поворотов никаких, так что свет фар локомотива я увижу издалека... – Губы незнакомца скривила насмешливая улыбка. – И все-таки, – продолжал он, – разве мог я предположить в те давние времена, когда скитался по Америке, что мне так пригодится умение прыгать в поезд на ходу?

Далекий, поначалу неясный шум вывел его из задумчивости.

"Внимание!.."

В мгновение ока он очутился у своего свертка, схватил его и, пройдя еще немного вдоль путей, уселся, замер и вслушался.

В том месте, где сейчас находился таинственный ночной путник, железнодорожное полотно довольно заметно шло под уклон. Внизу, куда смотрел незнакомец, шум нарастал, становясь почти оглушительным. То было натужное, равномерное, могучее пыхтение, какое производят локомотивы, одолевая подъем.

Мужчина пробормотал:

– Нет, пока еще удача не отвернулась от меня – вот и поезд!

В ночи быстро росли два белых мерцающих огня, фары локомотива...

Пока поезд приближался, незнакомец, разминая мышцы, сделал несколько наклонов и приседаний.

Но вот состав, грохоча, поравнялся с ним. В конце затяжного подъема он шел не так быстро, со скоростью километров двадцать в час. Мужчина, проворный и ловкий, как леопард, бросился бежать с ним наперегонки. Тягаться с локомотивом, разумеется, было трудно, и тем не менее, подхваченный воздушным напором, незнакомец проигрывал ему в скорости не так уж много.

Уже прошлыли мимо паровозный тендер, багажные вагоны, потом вагоны третьего класса; незнакомец, по-прежнему несшийся во весь опор, увидел, как вагон второго класса оказался с ним вровень.

Головокружительная гонка, которую он затеял, у любого другого убила бы всякую способность к действию, но этот человек, судя по всему, был хорошо тренирован, потому что именно в этот момент принял решение прыгать. Ухватившись рукой за медный поручень, мужчина вспрыгнул на подножку, на которой ему удалось удержаться, лишь проявив чудеса ловкости.

..Преодолев подъем, поезд прибавил ходу и в усилившемся грохоте возобновил свой бег сквозь ночь, сквозь бурю, которая с каждой минутой бушевала все яростней...

Бежали секунды, а незнакомец все так же висел на подножке...

Отдышавшись, он сел на верхнюю ступеньку и припал ухом к двери вагона.

"Никого! – подумал он. – Впрочем, и неудивительно: в это время все спят. Вот уж не повезет, если..." Впрочем, эту мысль неизвестный не стал додумывать до конца. Решив рискнуть, он поднялся, отворил дверь, следя, чтобы она не лязгнула при очередном толчке... несколько секунд спустя он был уже в коридоре вагона второго класса...

– Уфф! – выдохнул он.

Незнакомец отряхнулся и, уже не таясь, на несколько минут вошел в ближайший туалет, где вытер смоченным платком запачканное угольной пылью лицо, потом непринужденной походкой, с самым естественным видом вышел в кори-

дор, где вдруг принялся довольно громко разговаривать сам с собой, совершенно не опасаясь, что его услышат:

– В конце концов, это невыносимо! Разве можно уснуть с такими попутчиками?

Так, продолжая свой странный монолог, неизвестный шел по вагонам. Дойдя почти до середины состава, он остановился. В одном из купе мирно спали трое пассажиров...

Дверь в купе была приоткрыта, и неизвестный проник внутрь совершенно бесшумно. Добравшись до четвертой, незанятой полки, он уселся, положив рядом свой сверток, и притворился дремлющим. Притаившись, он прождал так четверть часа, потом, убедившись, что его попутчики погружены в глубокий сон, осторожно запустил правую руку в сверток, который положил на полку рядом с собой. С минуту он шарил внутри свертка, совершая какие-то манипуляции, после чего уже без особых предосторожностей покинул купе и тщательно прикрыл за собою дверь...

Оказавшись в коридоре, таинственный путешественник не смог сдержать удовлетворенного вздоха. Достав из кармана сигару, он закурил ее.

"До сих пор все шло как по маслу, – сказал он себе, – и мне, надо признаться, удивительно везло... Только что я проклинал эту бурю, а она помогает мне как нельзя лучше. Ведь в такую погоду никому не придет в голову открывать окна".

Неизвестный прогуливался по коридору, то и дело посматривая на наручные часы.

"У меня не так уж много времени, – подумал он, – нужно поторапливаться, иначе мой подопечный не поспеет к поезду!"

Неизвестный улыбнулся, как если бы эта мысль была чрезвычайно забавной, потом, вытянув в сторону руку с сигарой, чтобы дым не шел в лицо, стал принюхиваться, с шумом втягивая воздух ноздрями.

– Так, запах, конечно, есть, – пробормотал он, – но, если не знать заранее, ничего не заметишь. – В очередной раз взглянув на часы, он добавил: – Загвоздка в том, что в такую бурю люди часто просыпаются от кошмаров... Это было бы весьма некстати!

Незнакомец замер, прислушиваясь...

В вагоне по-прежнему не раздавалось ни малейшего звука.

– Ну, все, – решился мужчина, – я жду уже двадцать минут. Вперед!

Быстрым шагом он подошел к купе, в котором перед этим сидел, и, беглым взглядом удостоверившись, что в коридоре

так никто и не появился, отодвинул дверь, вошел, закрыл ее за собой, потом, уже не таясь, приблизился к наружной двери купе и опустил в ней стекло...

Пригнувшись, чтобы лицо обдувало врывающимся в купе ветром, незнакомец обернулся и при мигающем свете плафона, не задернутого шторкой, внимательно оглядел своих попутчиков.

Все трое спали глубоким сном.

Усмехнувшись, незнакомец негромко выругался. Затем притянул к себе оставленный им сверток, влез туда рукой, снова пошарил там и отбросил его от себя.

– Лучше не придумаешь, – проговорил он себе под нос.

Приблизившись к одному из лежавших напротив пассажиров, он проворно засунул руку во внутренний карман его пиджака и достал оттуда объемистый бумажник, вытащил из него все бумаги и принялся их просматривать.

– Ага, вот оно! – вырвалось у него.

Найденную бумагу он спрятал в собственный бумажник, из которого затем вынул другую и вложил на место изъятой. Осуществив эту подмену, неизвестный ухмыльнулся и возвратил бумажник в карман спящему.

После этой дерзкой операции он еще раз взглянул на часы и скомандовал себе самому:

– Пора!

Перегнувшись наружу через дверь с опущенным стеклом, неизвестный открыл страховочную щеколду, потом распахнул дверь, схватил ограбленного им пассажира под мышки, оторвал от полки и, собрав все силы, выбросил из купе на рельсы.

В мгновение ока, как если бы теперь счет стал идти на секунды, неизвестный поснимал с багажной полки все вещи, принадлежавшие, по всей видимости, его жертве, и вышвырнул их вдогонку владельцу... Закончив свое гнусное дело, он удовлетворенно щелкнул пальцами:

– Прекрасно!

Захлопнув наружную дверь, но не поднимая в ней опущенного стекла, незнакомец покинул купе, где с такой необыкновенной ловкостью совершил подлое преступление. Его сверток остался на полке. Двое пассажиров по-прежнему спали!

Несколько минут спустя таинственный незнакомец устроился в другом купе второго класса, располагавшемся ближе к голове поезда, – через несколько вагонов от того, где он так хорошо поработал.

"Мне повезло, – думал он, удобнее устраиваясь на полке, чтобы поспать. – Мне здорово повезло! Все прошло гладко!"

Но тут он вздрогнул всем телом: загрохотал мчавшийся на всех парах встречный поезд. Незнакомец взял себя в руки и даже усмехнулся: "Черт возьми! Я же говорил, что мой полночный поспеет к поезду! Ну вот, минут через пять они и встретятся; через пять минут мертвец вместе со всеми своими пожитками превратится в кровавое месиво!.."

– Жювизи! Стоянка две минуты!..

Вдоль вагонов остановившегося состава бежали проводники: было полпятого утра, и пора будить спавших пассажиров. Из одного купе второго класса на землю ловко спрыгнул неизвестный и направился к выходу с перрона. Показав контролеру абонементный проездной билет, он быстро прошел мимо...

Направляясь широким шагом к подземному переходу через пути, он думал: "Какая все-таки удачная идея – купить абонементный билет: не оставляешь никаких следов... Это в тысячу раз безопаснее, чем приобретать разовый, который отдаешь контролеру и по которому полиция всегда может что-то определить!.."

Он пересек дорогу и направился по тропинке, которая спускалась к Сене. Не обращая внимания на грязь, неизвестный вскоре выбрался в открытое поле, вышел к берегу реки и нырнул в заросли кустарника. Затем он внимательно осмотрелся. Убедившись, что его никто не видит, мужчина снял плащ, пиджак и брюки и, вытащив из спрятанного здесь пальто сверток, переоделся.

Когда неизвестный был полностью одет, он расстелил на земле плащ, в котором пришел сюда, и, положив туда только что снятые пиджак, брюки и шляпу, набросал сверху самых больших камней, которые смог найти поблизости; все это он прочной веревкой увязал в компактный узел.

"Вот теперь порядок!.."

Схватив узел и раскрутив его над головой, неизвестный зашвырнул его чуть ли не на середину реки. Набитый камнями узел быстро затонул...

Немного погодя рабочий-каменщик в своей обычной рабочей одежде подошел к окошечку кассы на станции Жювизи и попросил кассиршу:

– Пожалуйста, мамаша, дайте билет в третьем классе рабочего поезда до Парижа и обратно...

Пассажирский поезд Париж – Париж только что пересек линию городских фортификаций. До конечной станции, Аустерлицкого вокзала, оставалось совсем немного.

Однако, въехав на товарную станцию вокзала, состав замедлил ход и остановился. Из окон выглядывали удивленные пассажиры.

– Чего это мы встали перед самым вокзалом?

– Может, несчастный случай?

– Чертова компания, вечно у них что-нибудь да не так!

Пока пассажиры гадали о причинах остановки, к поезду подошли трое мужчин и двинулись вдоль состава, тщательно осматривая каждую дверь.

Один из них был, судя по всему, какой-то важной персоной, так как двое других, железнодорожные служащие, мигом бросались выполнять каждое его указание...

– Смотрите-ка, господин комиссар! – воскликнул вдруг железнодорожник. – Смотрите сюда! На этой двери не закрыта страховочная щеколда!

– Действительно... – констатировал комиссар, когда убедился в этом воочию.

И, взявшись за ручку, он открыл дверь и поднялся в купе; двое пассажиров, которые упаковывали свои чемоданы, одновременно повернули к нему головы, удивленные тем, что кто-то садится в поезд так близко от конечной станции.

– Господа, – начал комиссар, – простите за беспокойство, но я здесь по долгу службы...

Распахнув редингот, он показал трехцветную перевязь, символ государственной власти.

– Я специальный комиссар Аустерлицкого вокзала, – продолжал он. – Только что получена телеграмма: на путях неподалеку от Бретиньи обнаружен труп мужчины – по всей вероятности, его выбросили из этого самого поезда... Мне поручено провести расследование.

Пораженные пассажиры переглянулись.

– Какой ужас! – сказал один из них. – Нас было трое в купе, господин комиссар, но ночью, пока мы спали, третий наш попутчик исчез... – Повернувшись ко второму пассажиру, он добавил: – Помните, я даже обратил на это ваше внимание, но вы ответили, что он, должно быть, сошел на одной из станций...

Живо заинтересовавшись услышанным, комиссар попросил:

– Опишите внешность вашего попутчика.

Внешность достаточно приметная, господин комиссар: баки-бакенбарды и довольно плотное тело пожилого... На вид лет шестьдесят...

Комиссар перебил рассказчика:

— Если бы вам сказали, что это метрдотель или управляющий, вы бы удивились?

— Нисколько бы не удивился.

— В таком случае это он и есть, потерпевший... Но и в этом случае, господа, — продолжал комиссар, — считать ли это самоубийством или убийством, поскольку на путях обнаружена также вещи... Самоубийца не стал бы выбрасывать свой багаж... грабителю тоже нет никакого резона от него избавляться...

Второй пассажир, который до сих пор молчал, заметил:

— Кое-что осталось и в купе, господин комиссар... — Он указал на сверток, лежавший на скамье. Я не знал, чье это, пока этот господин не сказал мне, что эти вещи не его...

Комиссар поспешно распаковал сверток и невольно отступил.

— О господи! — воскликнул он. — Бутыль из-под углекислоты... Но зачем? — Находясь в явной растерянности, он спросил: — Так, значит, это принадлежало исчезнувшему метрдотелю?

Оба пассажира отрицательно замотали головами.

— Навряд ли, — ответил один из них, — я бы наверняка приметил у него в руках этот шотландский плед, а я ничего такого не помню!

— К вам в купе больше никто не заходил?

— Да нет, — пожал плечами первый пассажир, — больше никого не было.

Но второй покачал головой.

— Странное дело, — сказал он, — я, конечно, не уверен в этом, но у меня почему-то осталось смутное ощущение, что, пока мы спали, в наше купе кто-то заходил...

После непродолжительного молчания комиссар заметил:

— Вам, господа, считаю, очень повезло! Убийца вас не тронул... Пока еще я не совсем понимаю, как именно он убил, но догадываюсь, что он проявил невероятную отвагу и дерзость. Впрочем... — Не договорив, комиссар высунулся из двери и крикнул одному из сопровождавших его служащих: — Можете отправлять состав!

На утро 13 ноября Нибе сменился с дежурства. Он приехал домой в пять утра и сразу завалился спать: в тюрьму он должен был возвращаться лишь к полудню.

Обычно после бессонной ночи охранник спал как убитый, не шелохнувшись, не пошевелив и получаса, он просыпался и больше не мог сомкнуть глаз. Нибе беспокоился, как бы не погореть из-за побега Гурна, в котором он принял такое деятельное участие.

Сон не приходил, и Нибе поднялся. Было уже половина десятого. В это время в тюрьме, конечно, уже известно о том, что Гурн сбежал. Дневной надзиратель первый раз зайдет к Гурну в семь утра, скомандовать "подъем". Возможно, в тот момент он ничего и не заметит, но час спустя, в восемь, при раздаче заключенным похлебки, уж никак нельзя не обнаружить, что камера пуста... и вот тогда!..

Нибе вышел из своей маленькой квартирки на улице Глазер и направился к тюрьме. В нескольких сотнях метров от нее он увидел, что навстречу ему движется группа каменщиков. Рабочие шли на обед.

Нибе не стал избегать встречи с ремонтниками, надеясь услышать от них какие-нибудь новости. Но рабочие молча прошли мимо. Лишь кое-кто безразлично поприветствовал его. Никто и словом не обмолвился о том, что интересовало Нибе. Тут ему стало совсем нехорошо.

"Может быть, это потому, что я уже на подозрении? – подумал он, но тут же спохватился: – Какой я, однако, болван! Ведь всякому понятно, что ни моим товарищам, ни администрации не придет в голову сообщать рабочим о побеге Гурна!"

К воротам Нибе подходил с сильно бьющимся сердцем: что-то скажет ему охранник?

Папаша Морен был очень занят: он возился со своей печуркой, дым из которой валил почему-то в комнату, вместо того чтобы, как полагается, уходить в трубу. Он вышел открыть и, когда Нибе поздоровался с ним, в ответ лишь молча кивнул.

"Невероятно!" – подумал Нибе.

Он пересек главный двор, куда выходили окна тюремной канцелярии. В окнах виднелись служащие. Мало кто из них корпел над бумагами: большинство беззаботно читали газе-

ты. Ни слова не сказал и начальник охраны, когда Нибе проходил мимо него...

К этому времени нервы у сообщника Гурна были настолько взвинчены, что еще немного — и он кинулся бы к первому попавшемуся коллеге, мирно занятому своим делом, и засыпал бы его вопросами...

Как могло случиться, что побег такого важного преступника, как убийца лорда Белсома, не произвел никакого переполоха?

И все же у Нибе хватило самообладания, чтобы, не вызывая подозрений, по обыкновению медленно подняться на свой этаж и прибыть на место как раз тогда, когда часы начали бить двенадцать. Нибе всегда отличался точностью и приходил минута в минуту — не раньше и не позже.

— Кола, — обратился он к коллеге, — я здесь, можешь идти.

— Все в порядке! — ответил охранник. — Ну, привет, я пошел, до шести вечера.

И Кола повернулся, чтобы уйти.

— Ничего новенького? — спросил Нибе, стараясь, чтобы голос его звучал как можно безразличней.

Кола ответил совершенно естественным тоном:

— Ничего!

И удалился...

Спустя несколько мгновений Нибе, не выдержав, отбросил всякую осторожность и скорым шагом направился к камере Гурна. Распахнув в нее дверь, он ахнул от изумления: Гурн преспокойно сидел на своей койке!

Убийца лорда Белсома, закинув ногу на ногу и пристроив на колене блокнот, строчил что-то в нем, да так увлеченно, что даже не заметил появления в камере надзирателя.

— Ах вот как, — ошеломленно пробормотал тот, — ты, значит, здесь?

Подняв голову, Гурн устремил на охранника интригующий взгляд и после паузы ответил:

— Да, как видишь!

Нибе побледнел и был вынужден опереться о стену...

Наблюдавший за ним Гурн наконец сжалился и успокаивающе улыбнулся.

— Ну чего ты так разволновался? Право, зря. Я действительно здесь, и все в полном порядке. Давай считать, что мы вчера ни о чем не договаривались, вот и все!..

— Ты, значит, остался... — пролепетал Нибе.

– Да, – подтвердил Гурн, – и раз уж это тебя так интересует, то скажу тебе правду: в последний момент я струхнул и отказался от предприятия.

Наметанным глазом Нибе оглядел камеру и увидел под умывальником сверток с одеждой, который он накануне принес узнику. Нибе решил первым делом избавиться от этой весьма опасной улики: вдруг кто-нибудь другой обнаружит сверток в камере? Он схватил узел и поспешно спрятал его под куртку. Гурн продолжал спокойно сидеть, а Нибе вдруг почувствовал, что через бумагу, в которую завернута одежда, проступает холодная влага. Ощупав одежду, Нибе убедился, что она насквозь мокрая...

– Гурн, не морочь мне голову! – укоризненно воскликнул он. – Одежда промокла, значит, ты все же побывал где-то ночью!..

Гурн поощрительно улыбнулся надзирателю:

– Весьма неплохое рассуждение для простого тюремщика! – И, упреждая вопросы Нибе, признался ему: – Ну что ж, ты прав, вчера вечером я попытался уйти и добрался до канцелярии. Но в самый последний момент струсил и снова залез на крышу; однако, вернувшись в камеру 129, я понял, что не смогу выйти из нее в коридор и вернуться в свою клетку – ведь камера 129, как тебе известно, была заперта снаружи на щеколду. Чтобы исключить всякую неожиданность, я вновь выбрался на крышу, провел там ночь, а на рассвете, когда обходы становятся все более редкими, а охранники – сонливыми, воспользовавшись суматохой, возникшей из-за того, что пришли рабочие, я спустился с крыши в то самое время, когда они на нее выбирались. И уже потом, оказавшись на своем этаже, выбрал момент, когда вокруг никого не было, пробежал по коридору и нырнул в свою камеру...

Слушая рассказ Гурна, звучавший более или менее правдоподобно, Нибе размышлял. Вообще-то такое положение дел его вполне устраивало, однако он не знал, что скажет таинственная дама, которая так щедро платит... И Нибе простодушно поделился своими сомнениями с Гурном.

Тот расхохотался и поспешил успокоить Нибе.

– Не волнуйся, у тебя еще все впереди, – заверил он надзирателя. – А что, если мы просто решили испытать тебя, узнать, на что ты способен?.. Будь уверен, Нибе: раз Гурн в настоящий момент находится в тюрьме, то он имеет на это свои причины.

во Дворце Правосудия судебный следователь Фюзелье бе-
седовал с Жювом.

Повторяю, господин следователь, сказал инспектор, – и придаю находке этой карты Тарида большое значение...

– Вот как?

– Именно, и вот почему: если мне не изменяет память, приблизительно год тому назад, когда я занимался расследованием убийства маркизы де Лангрон в замке Больё, департамент По, то обнаружил, обыскивая окрестности, обрывок карты – по-моему, как раз карты Тарида, – на котором был изображен тот самый участок местности, где расположен замок. Я принес эту улику судебному следователю, уполномоченному вести это дело, господину де Прелю. Однако он не обратил на нее особого внимания. Да и сам в то время полагал, что из этого обрывка все равно ничего не выжмешь.

Действительно, – подхватил Фюзелье, – эка невидаль – найти в каком-то районе карту или обрывок карты, изображающей этот самый район!

Жюв улыбнулся.

– Вы рассуждаете точно так же, как рассуждал в свое время господин де Прель; тем не менее я повторю вам то же, что ответил тогда ему, а именно: если когда-нибудь вдруг найдется карта, из которой был вырезан этот кусок, и можно будет установить ее владельца, то это наведет на определенные мысли...

– Ну так поделитесь своими мыслями со мной! – предложил Фюзелье.

– О, нет ничего проще!.. Обрывок карты, найденный у замка Больё, принадлежал Иксу. Ладно, Икс мне неизвестен, зато в Париже, в квартире Гурна, я нахожу подобный лист карты, из которой вырезан кусок; если мои ожидания оправдаются и тот обрывок подойдет к карте, то можно будет сделать логический вывод, что Икс, потерявший обрывок, – не кто иной, как владелец карты, иначе говоря, Икс – это Гури!

– И как вы это сможете узнать?

– Вот чтобы это узнать, – заметил Жюв, – мы и вызвали сюда Доллона, бывшего управляющего покойной маркизы де Лангрон. Если у него, по счастью, сохранился тот обрывок карты, то нам останется самое простое: попытаться совместить его с картой, найденной у Гурна...

– Хорошо, – сказал Фюзелье, – но если выйдет по-вашему, будет ли это иметь в ваших глазах решающее значение? Я хо-

чу сказать, сможете ли вы на основании одного этого факта категорически утверждать, что Гурн и убийца маркизы де Лангрюн – одно и то же лицо? Не слишком ли это смело?..

Фюзелье хотел обсудить с Жювом и другие дела, которые он расследовал с его помощью, но тут решительно вмешался его секретарь:

– Господин Фюзелье, пробило два. Вам предстоит допрашивать обвиняемых, а потом еще свидетелей...

– Да, верно! Приступаем.

Положив перед судебным следователем две пухлые папки, секретарь ждал, когда патрон даст ему знак пригласить первого из вызванных.

Лежавшее сверху досье привлекло внимание Жюва. На обложке он прочитал: «Дело "Руаяль-Паласа"».

– Ну как, по ограблениям Ван ден Розен и Софьи Данидовой нет ничего нового?

Следователь отрицательно покачал головой.

– Сейчас вы вызовете Мюллера, ночного портье, не так ли? – спросил Жюв.

– Да, – ответил Фюзелье.

– Что ж, тогда я попрошу вас об одной услуге... Ведь после него вы будете допрашивать Гурна по делу Белсома?

– Точно!

– Я бы просил вас устроить Мюллеру и Гурну очную ставку в моем присутствии.

Фюзелье взглянул на Жюва с недоумением: что общего могли иметь между собой эти два столь различных дела? Пожалуй, Жюв с его стремлением приписать чуть ли не все совершенные за последнее время преступления одному и тому же преступнику на этот раз зашел уж слишком далеко.

– Что вы задумали?

– Да ничего особенного, – улыбнулся Жюв. – Просто вспомнил про шрам на ладони!

Но следователь по-прежнему ничего не понимал, и Жюв попытался в двух словах ввести его в курс дела:

– Нам известно, что таинственного грабителя в "Руаяль-Паласе" ударило током в ладонь, когда он перекусывал провода в ванной комнате Софьи Данидовой. Не так давно меня вывели на человека со следами от ожога на ладони. Я сразу установил за ним слежку и в тот же вечер чуть было не арестовал его. Он все же сумел уйти. Однако я уже знал, что человек со шрамом на ладони – не кто иной, как Гурн! Когда

Гурн некоторое время спустя был арестован, и убедился, что не ошибся: у Гурна на ладони до сих пор остался след от ожога. Теперь вы меня понимаете?

– Что ж, и за! воскликнул Фюзелье. Тем более что мне все равно предстоит допросить обоих. Я начну с Мюллера, вы не против?

Жюв кивнул.

– ...Итак, – сказал судебный следователь, заканчивая допрашивать ночного портье, – вы по-прежнему не признаете себя виновным? Вы продолжаете утверждать, что безответственное распоряжение пропустить рыжеволосого вы отдали без всякого злого умысла?

– Да и еще раз да, господин следователь! – отозвался Мюллер. – Как раз в тот вечер штат гостиничной прислуги пополнился новичком. И я его еще не знал. Так что рыжего парня я просто принял за нового слугу...

– Вас мы можем подозревать только в соучастии, – заявил следователь. – Нам известно, что грабителя, когда он полез в электропроводку, ударило током; для вас это алиби. Вы, кажется, говорили, что можете опознать того человека, если его вам покажут?

– Обязательно, господин следователь.

– Хорошо! – заключил Фюзелье и дал секретарю знак ввести Гурна.

Секретарь исполнил приказ, и в комнату вошел Гурн в сопровождении двух муниципальных стражников, а следом за ним – Роже де Сера, адвокат-стажер, замещавший своего патрона.

Как только Гурн оказался у окна, откуда падал свет, Фюзелье скомандовал:

– Мюллер! Повернитесь! Посмотрите на этого человека!

Мюллер повиновался.

С испугом, ничего не понимая, ночной портье смотрел на волевое лицо убийцы лорда Белсома, на его ладную мускулистую фигуру.

– Вы узнаете этого человека? – спросил судебный следователь у Мюллера.

– Нет...

– Гурн, покажите ему вашу правую ладонь! – распорядился Фюзелье. Потом, вновь обращаясь к Мюллеру, пояснил: – Человек, предъявленный вам на опознание, носит на ладони шрам от ожога. Вспомните, не видели ли вы этого человека

при каких-либо обстоятельствах в "Руаяль-Паласе"?

Мюллер внимательно разглядывал Гурна, а потом сказал:

– Видите ли, может, и в моих интересах было бы узнать его, но правда в том, что я, увы, впервые его вижу.

Фюзелье вполголоса посовещался с Жювом, и они, похоже, пришли к единому мнению.

Вернувшись за свой стол, Фюзелье объявил ночному посе-

тителю:

– Мюллер, правосудие благодарит вас за честность. Рад сообщить вам, что в настоящий момент вы пока освобождаетесь из-под ареста. Тем не менее из Парижа не уезжайте.

– О, благодарю вас! – вскричал в избытке чувств Мюллер.

Но по знаку следователя его уже уводили муниципальные стражи: Фюзелье было не до того, чтобы выслушивать слова признательности. В настоящий момент куда более важным и интересным ему представлялось дело Гурна.

– Гурн, – начал следователь, – расскажите, чем вы занимались во второй половине декабря минувшего года?

Допрашиваемый неопределенно развел руками: столь неожиданный вопрос застал его врасплох. Фюзелье, вероятно на это и рассчитывая, уже намеревался было распорядиться, чтобы к нему ввели управляющего Доллона, но ему помешал деликатный стук в дверь. Секретарь пошел открывать, и на пороге появилась фигура жандарма.

То, что блюститель порядка сообщил секретарю, огорошило даже такого многоопытного служаку, и он, издав изумленный возглас, обернулся к следователю:

– Господин Фюзелье!.. Господин Фюзелье!.. Послушайте, что он говорит...

Но жандарм уже вошел в кабинет. Почтительно приложив пальцы к фуражке, он протянул следователю письмо. Фюзелье вскрыл конверт и прочитал:

"Г-ну Жермену Фюзелье,
судебному следователю,
Дворец Правосудия, Париж

Г-н специальный комиссар станции Бретиньи имеет честь проинформировать Вас о следующем. Сегодня в восемь утра нами получено от агентов донесение о том, что на железнодорожном полотне, в пяти километрах от Бретиньи в сторону Орлеана, обнаружен труп мужчины, ставшего жертвой то ли несчастного случая, то ли преступления и, по всей вероятности, выброшенного из поезда, который следовал в Париж.

Опознать изуродованный встречным поездом труп было бы затруднительно, если бы не найденные на погибшем документы, из которых явствовало, что его фамилия Доллон и что он направлялся в Париж на беседу с Вами.

К сожалению, о случившемся нам стало известно с большим опозданием. На Аустерлицком вокзале тамошним специальным комиссаром были допрошены и впоследствии отпущены некоторые пассажиры с поезда, прибывшего туда в пять утра. Возможно, Вы уже в курсе дела. Тем не менее мы сочли необходимым, обыскав труп, сообщить Вам о результатах опознания, для чего и направили к Вам с настоящим письмом посыльного из жандармерии Бретиньи".

Побледневший от волнения Фюзелье дочитал до конца это невероятное послание и протянул его Жюву. Тот быстро пробежал его глазами и обратился к жандарму:

– Вы можете сказать, все ли бумаги этого человека найдены? Где они сейчас?

Но жандарм был не в курсе дела.

Жюв пожал следователю руку и тихо произнес:

– Я сейчас же выезжаю в Бретиньи...

Присутствовавший при инциденте Роже де Сера так и не понял, что произошло. Что же касается Гурна, то его лицо оставалось непроницаемым.

XXVIII

ЗАСЕДАНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Очередной свидетель закончил давать показания. Советник д'Асторг, председательствующий на суде, повернулся к судебному приставу и распорядился:

– Пригласите леди Белсом!

Пока скромный служитель Фемиды, выполняя приказ, шел к маленькой двери, через которую в зал судебного заседания поочередно входили свидетели, по рядам зрителей, собравших-ся на столь громкий процесс, пробежал шумок любопытства. Все именитые горожане, причислявшие себя к сливкам парижского общества, во что бы то ни стало стремились попасть в этот зал. Еще бы, ведь предстояло увидеть и выразить свое отношение к презренному Гурну – убийце лорда Белсома, бывшего атташе, человека известного, уважаемого, исчезновение которого около двух лет тому назад наделало столько шуму.

Неизбежные формальности в начале процесса не смогли в полной мере утолить перевозбужденное любопытство собравшихся.

Скороговоркой зачитанное секретарем суда обвинительное заключение почти никто не разобрал. К тому же в нем содержались всем известные, опубликованные прессой факты...

Допрос Гурна, который со страшным безразличием сидел на скамье подсудимых, также не произвел особого впечатления.

В первый же день следствия Гурн признал себя виновным, так что ему было трудно добавить что-либо существенное к своим предыдущим показаниям. Вся энергия председателя суда уходила на то, чтобы уточнить некоторые биографические данные подсудимого и попытаться прояснить мотивы, которые побудили его пойти на такой риск, чтобы наведаться в особняк леди Белсом, вдовы его жертвы, – ведь эта неосторожность позволила инспектору Жюву его арестовать.

Зато показания леди Белсом обещали пролить свет на многое. Молодая вдова в длинном траурном платье, подчеркивающем стройность ее фигуры и бледность ее лица, вызвала у присутствующих такую живейшую симпатию, что они тут же позабыли о ходивших про нее сплетнях и приготовились ловить каждое ее слово.

Судебный пристав подвел леди Белсом к полукруглому барьеру, установленному в центре зала на одном уровне с судейской трибуной.

– Соблаговолите снять перчатки, – сказал он. Потом произнес сакраментальную фразу: – Поклянитесь говорить правду, всю правду, ничего, кроме правды. Говорить без ненависти и страха. – И шепотом подсказал: – Отвечайте же: "Клянусь!"

Леди Белсом, подняв правую руку вверх, ответила дрожащим, но чистым, мелодичным голосом:

– Клянусь!

Видя волнение молодой женщины, председатель суда смягчился и заговорил с ней не так официально, как с остальными свидетелями:

– Успокойтесь, прошу вас!.. Я весьма сожалею, что вынужден подвергать вас этому допросу, но того требуют священные интересы правосудия... Итак, вы действительно леди Белсом, вдова лорда Белсома, по национальности англичанка, проживающая в Париже, в собственном доме в Нейи?

– Да, господин председатель.

– Будьте любезны, обернитесь и скажите нам, знаете ли вы человека, который находится на скамье подсудимых?

Повинуясь председателю суда, леди Белсом бросила на Гурна быстрый взгляд и ответила:

– Да, господин председатель. Я его знаю, это Гурн.

– Прекрасно, и откуда вы его знаете? Расскажите нам.

– Во время войны с бурами мой муж, лорд Белсом, находился в Трансваале, а Гурн служил там в действующей армии сержантом. В ту пору он нам и повстречался.

– Вы знали его близко в то время?

– Я очень редко виделась с Гурном в Трансваале, господин председатель. Его имя я узнала совершенно случайно, так как ввиду разницы в положении между нами не могло завязаться каких-либо серьезных отношений.

– Действительно, Гурн был простым сержантом, – подтвердил председатель суда. – А после войны вы встречались с подсудимым?

– Да, господин председатель, сразу же после окончания кампании. Мы с мужем возвращались в Англию на том же пароходе, что и Гурн.

– На борту вы общались?

– Нет, господин председатель: мы плыли первым классом, а Гурн, кажется, вторым. Лишь столкнувшись с ним на палубе, мой муж узнал, что мы плывем на одном корабле...

Председатель суда продолжал допрос:

– Впоследствии вы с мужем поддерживали отношения с подсудимым?

– Что касается меня, то нет, а муж, насколько мне известно, впоследствии неоднократно прибегал к его услугам, давая ему различного рода поручения.

– Хорошо, мы вернемся к этому позже. А пока не соблаговолите ли ответить на такой вопрос: если бы вы встретили подсудимого на улице – ну, скажем, несколько месяцев тому назад, – вы бы узнали его?

После секундного колебания леди Белсом ответила:

– Думаю, что нет, да ведь так оно и вышло: в день, когда этого человека арестовали, я беседовала с ним, и мне даже в голову не пришло, что этот несчастный бродяга – не кто иной, как разыскиваемый полицией Гурн...

– Заранее извиняюсь за нескромный вопрос, – продолжал председатель суда, – и позволю себе напомнить, что вы поклялись говорить правду, всю правду, ничего, кроме правды... Скажите, вы любили своего мужа?

Леди Белсом вздрогнула, но овладела собой. Какое-то время она, казалось, подыскивала подобающий ответ, потом произнесла:

Лорд Белсом был гораздо старше меня, господин председатель... И, осознав, что ее могут понять превратно, молодая женщина добавила: Тем не менее я всегда питала к нему большое уважение и самую искреннюю привязанность.

На губах сочинителя д'Астория мелькнула иронически улыбка, брошенным искоса в сторону присяжных взглядом он как бы призвал их удвоить внимание.

– Вы догадываетесь, почему я задал вам этот вопрос?

– Нет, господин председатель.

– В парижских салонах поговаривали, будто бы подсудимый был весьма увлечен вами, будто бы... э-э... скажите, это правда?

Тут председатель суда слегка наклонился вперед и устремил на леди Белсом испытующий взгляд.

Та прошептала:

– Это ложь, господин председатель!..

Подсудимый Гури, сохранявший до этой минуты бесстрастность, встал и, скрестив руки на груди, громко выразил председателю суда свой протест:

– Прошу суд учесть, что к леди Белсом – и это я считаю своим долгом заявить публично – я питаю самое глубокое, самое искреннее уважение! Те, кто распространяли гнусные слухи, на которые вы здесь ссылались, – отъявленные лжецы! Да, я убил лорда Белсома, в этом я признался сразу и от своих слов не отказываюсь, но на ее честь я ни в коей мере не посягал, и между нами – леди Белсом и мною, скромным сержантом, – никогда не было ничего такого, что надо было бы скрывать от лорда Белсома.

Внезапно повернувшись к подсудимому, председатель суда сказал:

– Тогда признайтесь нам, за что вы убили лорда Белсома!

– Да ведь я уже говорил, господин председатель!.. Леди Белсом не имеет ни малейшего отношения к случившемуся. С лордом Белсомом нас связывало множество дел, и расчеты между нами оказались вконец запутанными. Однажды я позвонил ему и пригласил зайти. Он пришел, договориться нам не удалось, мы повздорили, и он оскорбил меня. Я не остался в долгу, ссора перешла в драку, и я, не владея собой, убил его!..

Рыцарское поведение подсудимого не могло не снискать

расположения собравшихся.

Присяжные выслушали его с напряженным вниманием и были готовы, кажется, уже безоговорочно поверить в его искренность. Но председатель суда, привыкший неутомимо докапываться до истины, обернулся к леди Белсом и настойчиво продолжал:

– Надеюсь, вы извините меня, что я не удовлетворюсь этим голословным заявлением! Ведь если окажется, что вы связаны с подсудимым отношениями определенного рода, то ход процесса в корне переменится... – Обращаясь к судебному приставу, председательствующий добавил: – Будьте любезны, пригласите повторно госпожу Дуланк, консьержку Гурна.

Собираясь участвовать в таком важном процессе, эта милейшая женщина принарядилась как могла. После своего первого выхода она, по указанию председателя суда, вернулась в комнату свидетелей. Теперь консьержка снова вошла в зал заседаний и, повинуясь жесту советника д'Асторга, приблизилась к леди Белсом.

– Итак, госпожа Дуланк, – обратился к ней председатель, – только что, давая показания, вы сказали нам, что господин Гурн, ваш жилец, часто принимал у себя неизвестную вам особу, свою любовницу. Вы даже сказали, что наверняка ее узнаете. Соблаговолите взглянуть на эту женщину. Не она ли это?

Пунцовая от волнения, госпожа Дуланк, комкая в руках огромные белые перчатки, купленные специально для этого случая, вцепилась взглядом в лицо леди Белсом.

– Затрудняюсь сказать... Может, она, а может, и нет...

Председатель суда улыбнулся.

– Ну что же вы? Напрягите память, госпожа Дуланк!

– Но, господин судья, мне просто плохо видно из-за вуали...

Не дожидаясь, чтобы ее об этом попросили, леди Белсом с достоинством подняла свою вдовью вуаль и спросила:

– Ну а теперь вы узнаете меня?

Это было произнесено так высокомерно, что госпожа Дуланк окончательно смешалась. Рассмотрев леди Белсом уже без вуали, она обернулась к председателю суда:

– Нет, господин судья, я не могу сказать точно, эта ли женщина приходила к моему жильцу...

– Но как вам все-таки кажется? – настаивал председатель суда.

– Видите ли, господин судья, только что я поклялась гово-

рить правду, ничего, кроме правды, поэтому выдумывать мне ни к чему!.. Да, это могла быть она, но с таким же успехом – и не она!

– Иными словами, – терпеливо подытожил председатель суда, – вы не можете утверждать что-либо определенное?

– Да-да, именно так, – подтвердила консьержка. – Не могу! Эта дама и впрямь похожа на ту, у них есть что-то общее... знаете, ну, словно бы фамильное сходство, да! Но раз я не уверена, утверждать не буду... Это слишком серьезно!.. – Госпожа Дуланк еще долго обосновывала бы свою позицию, но председатель суда оборвал ее:

– Хорошо! Благодарю вас.

Как только консьержка покинула зал, допрос леди Белсом возобновился.

– Итак, а теперь скажите нам свое личное мнение: за что, по-вашему, этот человек убил лорда Белсома?

Леди Белсом не понадобилось много времени на размышление.

– Я могу поделиться с вами только своим предположением, господин председатель, да и то довольно смутным, подтвердить мне его нечем... Мой муж, лорд Белсо́м, бывал горяч, временами неистов... Переубедить его в чем-то было чрезвычайно трудно. Если, как говорит подсудимый, между ними действительно разгорелся спор, то я бы не удивилась, узнав, что мой муж дошел до оскорблений...

– Таким образом, по-вашему, версия совершенного преступления, выдвинутая подсудимым Гурном, выглядит правдоподобно?

Леди Белсом, стараясь скрыть охватившее ее смятение, медленно проговорила:

– Да, господин председатель! Я действительно думаю, что все могло произойти именно так!.. И потом, это для меня единственная возможность хоть как-то оправдать преступление Гурна...

– Вы хотите его оправдать? – удивленно спросил председатель суда.

Гордо вскинув голову, леди Белсом посмотрела советнику прямо в глаза.

– В законе Божьем начертано, что прощение – первейший долг истинно верующего!.. – сказала она. – Разумеется, я оплакивала мужа, но наказание преступника не сможет высушить мои слезы. Я должна простить, я должна возвысить душу до высоты, соизмеримой с глубиной его падения, я прощаю!

Со скамьи подсудимых на леди Белсом смотрел страшно побледневший Гурн, и на этот раз его волнение было столь очевидно, что даже присяжные сдержанно загудели.

Тем временем председатель суда, посоветовавшись с асессорами и спросив по традиции защитника, мэтра Барберу: "Нет ли у вас вопросов к свидетельнице?", поблагодарил леди Белсом и предложил ей занять место в зале. Он объявил перерыв в заседании.

XXIX

ПРИГОВОР

Перекрывая гомон в зале, судебный пристав прокричал:

– Суд идет! Прошу тишины!

Судьи заняли свои места. Одним-единственным повелительным взглядом добившись полного порядка, председатель суда провозгласил:

– Заседание возобновляется!.. Пригласите свидетеля Жюва!..

При этих словах аудитория заметно оживилась.

Среди собравшихся – а собрались тут люди далеко не случайные – не нашлось бы ни одного, кто бы не был наслышан о Жюве, не восхищался бы его подвигами, не считал бы его подлинным героем. Воистину, для пресыщенных снобов сегодняшнее заседание суда присяжных являло собой куда более захватывающее зрелище, нежели какое-нибудь театральное представление!

Но вот, приведенный судебным приставом, Жюв занял свое место свидетеля, и все в зале заерзали, стремясь получше его разглядеть. Знаменитый инспектор сыскной полиции держался просто, словно и не подозревал о своей популярности. Напротив, он выглядел обеспокоенным, слегка неуверенным в себе, даже, скорее, чуть ли не растерянным, что не преминул отметить вслух один из опытнейших судебных хроникеров, расположившихся на скамье, которая по традиции была отведена представителям крупнейших газет.

Инспектор принес присягу, и председатель суда обратился к нему весьма учтиво:

– У вас, господин Жюв, большой опыт участия в судебных процессах. Что вы предпочтете: отвечать на мои вопросы или строить свои показания по собственному разумению? Уж вы-то, конечно, понимаете всю важность вашего свидетельства – ведь вы в некотором роде автор сегодняшнего про-

цесса. Именно вы, продемонстрировав незаурядную сноровку и проницательность, изобличили преступника в его злодеянии, а затем и арестовали его...

Жюв избрал второй вариант.

– С вашего благосклонного соизволения, господин председатель, – заявил он, – сначала я как можно яснее изложу все, что мне известно по данному делу, а уже потом отвечу на ваши вопросы, равно как и на вопросы защиты, если она сочтет нужным их мне задать.

Обернувшись к скамье подсудимых, Жюв устремил пристальный взгляд на Гурна. Лицо подсудимого оставалось бесстрастным. Жюв едва заметно пожал плечами, потом, повернувшись, взглянул на присяжных и начал свои показания:

– Господа, насколько я понимаю, меня вызвали сюда в качестве свидетеля обвинения, поскольку именно мне довелось арестовать преступника. Аресту предшествовало тщательное и кропотливое расследование. Рассказывать об этом расследовании, как, впрочем, и об аресте, я не вижу необходимости, да и об убийстве лорда Белсома я вряд ли сумею сообщить суду что-то новое, зато о личности подсудимого и о некоторых других его деяниях вам предстоит услышать от меня много неожиданного, поэтому я прошу вашего внимания...

В просторном зале судебных заседаний стало так тихо, что, казалось, было слышно биение сердец: судя по всему, Жюв обещал сенсационные разоблачения. Любопытство собравшихся достигло наивысшей точки.

Между тем Жюв продолжал:

– Прежде всего я хотел бы, господа, остановить ваше внимание вот на чем: какими бы неправдоподобными ни показались вам некоторые мои предположения, не спешите их отвергать. Помните, что возможно все, что не противоречит законам природы...

До сего дня перед многими дерзкими кражами и убийствами полиция, а вслед за ней и правосудие бессильно опускали руки. Эти преступления остались безнаказанными. Позволю себе о них упомянуть: убийство маркизы де Лангрюн, совершенное в замке Болье, ограбления госпожи Ван ден Розен и княгини Софьи Данидовой в "Руаяль-Паласе", варварское убийство Доллона, бывшего управляющего маркизы де Лангрюн, совершенное в поезде на пути от Сен-Жори, близ которого он проживал, в Париж, во Дворец Правосудия, куда его вызвал господин Жермен Фюзелье, следователь,

который вел настоящее дело, и, наконец, убийство лорда Белсома, как бы открывшее эту серию преступлений, – убийство, в котором обвиняется присутствующий здесь Гурн.

Господа, заявляю вам с абсолютной уверенностью: все эти преступления совершены одним и тем же лицом, а именно – Гурном!..

Мановением руки Жюв унял раздавшиеся кое-где протестующие возгласы. Аудитория внимала ему жадно, стремясь не упустить ни слова.

– Я утверждаю, господа: Гурн – единственный автор всех этих преступлений. Вас удивляет мое заявление? Я представлю вам доказательства, которые должны вас убедить. Кроме того, поскольку в прессе неоднократно и во всех подробностях описывались эти загадочные дела, я считаю, что мне нет надобности подробно останавливаться на каждом из них; я буду краток, но постараюсь, чтобы ни у кого не осталось ни тени сомнения...

Вначале я докажу, что убийца в замке Болье и грабитель в "Руаяль-Паласе" – одно и то же лицо. Это неоспоримо следует из результатов измерений, произведенных с помощью эффрактодинамометра доктора Бертильона, инструмента высокой точности, который совершенно недвусмысленно указывает, что в обоих случаях – вернее, в трех: в "Руаяль-Паласе" было два грабежа – действовал один и тот же человек. Вот вам первый доказанный факт. Перейдем ко второму! Человек, ограбивший госпожу Ван ден Розен и княгиню Данидову, – не кто иной, как Гурн. Об этом столь же убедительно свидетельствует то, что грабитель получил электрический разряд в руку, а у Гурна на ладони как раз есть шрам. Теперь этот шрам уже едва различим, но я утверждаю, что он был весьма явственно заметен во время драки, состоявшейся в "Свинье святого Антония" – притончике, в котором я вместе с полицейским Лемаруа, переодетым под бродячего музыканта – он по сю пору залечивает полученные тогда раны, – попытался арестовать Гурна, но потерпел неудачу...

Таким образом, можно считать доказанным, что в замке Болье и в "Руаяль-Паласе" орудовал один и тот же человек и что этот человек – Гурн!..

Перехожу к третьему пункту. Убийство маркизы де Ланграюн было совершено при загадочных обстоятельствах. Они наверняка и сейчас еще живы в вашей памяти. Как вы, вероятно, помните, в результате расследования было установлено, что убийца, скорее всего, проник в замок снаружи,

отпер входную дверь дубликатом ключа, что он, поднимаю, не взламывал дверь в комнату маркизы — она сама впустила его, — однако мотив преступления оставался неясным, потому что из комнаты маркизы ничего существенного не пропало. Впоследствии я выяснил — и если, как я того прошу, дело будет отправлено на доследование, я надеюсь представить суду и материальные доказательства — два важных обстоятельства. Во-первых, я узнал, что маркизе де Лангрюн принадлежал лотерейный билет, на который пал крупный выигрыш. Этот билет у нее исчез. Наведя справки в банках, я выяснил, что к оплате его предъявил неизвестный, который, впрочем, заявил, что билет ему дал господин Рамбер. Отмечу, что, начиная с этого момента, господин Этьенн Рамбер зажил, похоже, на весьма широкую ногу... И во-вторых: установлено, что Этьенн Рамбер садился двадцать третьего декабря на вокзале Орсэ в пассажирский поезд Париж – Люшон, в вагон первого класса, но нет никаких доказательств тому, что он действительно ехал в этом поезде, по крайней мере от Вьерзона до Лиможа, потому что на этом перегоне в вагоне находился еще один пассажир – пока назову лишь его инициалы: Ж. А., но при необходимости готов вам его представить, – так вот, этот пассажир заходил во все купе этого вагона и не видел там ни души. Естественно возникает подозрение, и лично у меня оно уже перешло в уверенность, что на вокзале Орсэ господин Этьенн Рамбер вошел в пассажирский поезд с единственной целью: *создать себе алиби*; не дожидаясь отправления, он вышел из него на соседнюю платформу и сел в скорый, который следовал в том же направлении, но отходил на пять минут раньше пассажирского.

С другой стороны, вам известно – это было установлено в ходе расследования, – что поскольку в то время все поезда останавливались у въезда в Веррьерский тунель, неподалеку от Болье, то некий пассажир имел возможность сойти со скорого поезда, добраться до замка, совершить там убийство, потом вернуться – помните следы на насыпи? – сесть в пассажирский поезд, который к тому времени отставал от скорого уже на три с половиной часа, и снова сойти с него на вокзале Веррьера. Таким образом, преступление в замке Болье совершил Этьенн Рамбер! А поскольку еще раньше мы убедились, что убийцей маркизы де Лангрюн является Гурн, то отсюда неопровержимо следует, что Этьенн Рамбер и Гурн – одно и то же лицо!..

Жюв сделал паузу, оглядел присутствующих, которые слушали его затаив дыхание, и в глубокой тишине продолжал:

– Таким образом, мы отождествили Рамбера с Гурном, доказали, что Рамбер-Гурн виновен в делах Белсома, маркизы де Лангрюн, Ван ден Розен–Данидовой... Остается убийство управляющего Доллона.

Господа, когда Гурна арестовали по обвинению в одном лишь преступлении – убийстве лорда Белсома, – то, как вы легко можете догадаться, его главной заботой стало стремление не допустить, чтобы заподозрили и в других преступлениях. В то время я только нащупывал истину, она еще не давалась мне в руки. Я упорно искал улику, которая могла бы оказаться недостающим звеном в отождествлении Гурна с Рамбером. Идеальной уликой был бы предмет, который принадлежал бы убийце лорда Белсома и был бы оставлен на месте преступления, жертвой которого пала маркиза де Лангрюн. И такой предмет я нашел. Это обрывок карты, обнаруженный прямо на земле в окрестностях замка Больё – видно, его обронил по пути к замку сошедший с поезда Этьенн Рамбер, – кусок, вырезанный из большой карты комплекта Тарида; карту, из которой был вырезан именно такой кусок, я нашел в квартире Гурна, что служит, повторяю, доказательством того, что Гурн и Рамбер одно и то же лицо.

Этот обрывок карты, обнаруженный в окрестностях замка, оставался у управляющего Доллона. Следователь, господин Фюзелье, вызвал управляющего повесткой в Париж. Только один человек был заинтересован в том, чтобы несчастный туда не добрался, – это Гурн, или, вернее, Гурн-Рамбер... И вам уже известно, что Доллон погиб, так и не представ перед следователем. Нужно ли уточнять, что его убил Гурн, Гурн-Рамбер?..

Последнюю фразу Жюв произнес с обвинительным пафосом и так уверенно, что, казалось, усомниться в правильности его рассуждений невозможно. И все же в поведении присяжных инспектор уловил признаки недоверчивого удивления. Вдобавок и по залу прокатился отнюдь не одобрительный гул. Жюв понимал, какую смелость он берет на себя, делая подобное заявление, и как трудно будет убедить тех, кто, в отличие от него, не распутывал это дело узелок за узелком.

– Господа, – вновь заговорил он, – я понимаю, что сказанное мною не могло не удивить вас. Я этого не боюсь. Более того, я пойду еще дальше. Я открою вам, кто такой Гурн,

и тем самым, надеюсь, рассею все ваши сомнения и одновременно докажу, сколь важны сделанные мною открытия.

Так вот что я хочу сказать вам напоследок: человека, который способен принимать обличия то Гурна, то Этьенна Рамбера, то элегантного постояльца "Руаяль-Паласа", человека, который сумел задумать и осуществить столь ужасные преступления, в котором дерзкая отвага сочетается с глубокой эрудицией, а преступное воображение – с недюжинными актерскими способностями; человека, который смог стать настоящим хамелеоном, уже столько времени заводящим полицейский сыск в тупик, – этого человека зовут не Гурн и не Рамбер! Его зовут Фантомас!..

Полицейский внезапно умолк, словно обессилев от столь длинной речи; отзвуки выкрикнутого им в конце имени еще какое-то время угрожающе перекатывались под сводами зала суда, вскоре подхваченные испуганным шушуканьем:

– Фантомас! Это Фантомас!

На миг и судьи, и присяжные заседатели просто оторопели; потом советник д'Асторг протестующе взмахнул рукой:

– Господин Жюв, вы привели такие факты, выдвинули против сегодняшнего подсудимого, Гурна, столько тяжких обвинений, что господин прокурор республики, если найдет в ваших предположениях хоть что-то заслуживающее внимания, потребует дополнительного расследования, в котором суд ему, разумеется, не откажет. Но до этого не дойдет. Я хочу задать вам всего лишь три вопроса.

– Слушаю вас! – холодно отозвался Жюв.

– Во-первых, неужели вы, господин Жюв, сами верите в то, что человек может так искусно гримироваться, как вы утверждаете? Господину Этьенну Рамберу шестьдесят лет, Гурну же – тридцать пять... Господин Рамбер – старик с шаркающей походкой, человек же, ограбивший княгиню Софью Данидову, – тренированный атлет...

– Я предвидел это замечание, господин председатель, и потому не случайно сказал вам, что Гурн – это Фантомас... Для Фантомаса нет ничего невозможного!..

Председатель суда сделал неопределенный жест.

– Допустим... – сказал он. – Но ответьте тогда вот на какой вопрос. Вы обвиняете Этьенна Рамбера в убийстве маркизы де Лангрюн. Но разве вам не известно, что сын Этьенна Рамбера, Шарль Рамбер, общепризнанный убийца маркизы, покончил с собой, терзаемый, видимо, угрызениями совести? Будь виновным Этьени Рамбер, с какой стати Шарлю

Рамбер сводить счеты с жизнью?..

Коста Жюв отвечал, голос его слегка дрожал:

– Вы безусловно были бы правы, господин председатель, не будь одного-единственного все объясняющего обстоятельства: Этьенн Рамбер – это Гурн... То есть Фантомас... Разве не логично будет предположить, что Фантомас смертельно напугал этого юношу? Внушил ему, будто он, Шарль, – лунатик и совершил это убийство в бессознательном состоянии? А убедив его в этом, вынудил потом к самоубийству? Ведь человеку можно внушить что угодно.

Председатель суда с сомнением покачал головой.

– Предположим, – сказал он, – но я бы хотел услышать, как вы сможете опровергнуть еще два установленных факта. Вы утверждаете, что Этьенн Рамбер – это Гурн, а Этьенн Рамбер погиб при крушении "Ланкастера"; вы обвиняете Гурна в том, что он убил управляющего Доллона, но ведь в момент убийства этого человека Гурн содержался в заключении в одиночной камере тюрьмы Санте!

Инспектор бессильно развел руками.

– Господин председатель, – ответил он, – я так долго молчал только потому, что у меня не было безусловно достоверных доказательств по всем случаям, кроме уверенности в своей правоте. Но дольше молчать я не мог. Пусть сейчас мне и недостает кое-каких подробностей, чтобы объяснить все до конца, но я убежден, что рано или поздно они будут у меня в руках. Все выходит на свет божий... И все же я постараюсь ответить на ваши вопросы. Вы говорите, господин Рамбер погиб при крушении "Ланкастера"? А где доказательства? Найден ли его труп? Нет!.. Видел ли его кто-нибудь на борту этого судна? Опять же нет!..

– Есть список пассажиров...

– Да, господин председатель, список есть, но это и все! А трудно ли при желании попасть в этот список и близко не подходя к "Ланкастеру"? Детские игрушки!.. И потом, что вообще известно об этом кораблекрушении? Как его объясняют? Уму непостижимо!.. Корабль взорвался, а почему? Этого никто не знает! По моему мнению, если Фантомас решил избавиться от Этьенна Рамбера, персонажа с основательно подмоченной репутацией, то вполне способен устроить ради этого взрыв на пароходе, сознательно уничтожить полторы сотни людей.

Председатель суда охарактеризовал теорию инспектора весьма кратко:

Настоящий детектив! Ну а что вы скажете об убийстве Долиона?.. Разрешите только сразу же уточнить, что тот самый обрывок карты, из-за которого, по-вашему, и погиб несчастный, был найден тем не менее в его бумажнике и он совершенно не подходит к карте, изъятой вами из квартиры Гурна.

Жюв улыбнулся.

– Итак, вы задали два вопроса, господин председатель. Начну со второго: почему обрывок карты, обнаруженный на трупе Долиона, не совпадает с самой картой, найденной у Гурна? О, поверьте, объяснение тут весьма простое! Если бы Гури, которого я обвиняю в убийстве Долиона, удовольствовался тем, что похитил бы из бумажника своей жертвы подлинный обрывок собственной карты, то уже одно это служило бы доказательством его виновности. Но он хитрее!.. Ему хватает сообразительности не просто изъять уличающий его обрывок, а подменить его другим, который и был найден на трупе... Вот и все!

– Что ж, вполне логично, – заметил председатель суда, – но я повторяю: Гури в это время находился в тюрьме Санте.

Жюв пожал плечами.

– Разумеется!.. – воскликнул он. – У меня нет сомнений, что это сделал он, но как, каким образом, я пока объяснить не в состоянии...

Наступила тишина. Жюв молчал, лишь ироническая улыбка кривила его губы. Председатель суда обдумывал его слова.

– Вам больше нечего добавить? – осведомился он.

– Нечего, – отозвался Жюв, – кроме одного: для Фантомаса нет ничего невозможного.

Председатель суда повернулся к подсудимому:

– Гурн, а вам нечего сказать суду? Чистосердечное признание учитывается судом...

Гури поднялся.

– Этот полицейский плетет какие-то чудовищные небылицы!

Председатель обратился к Жюву:

– Вы предлагаете вернуть дело на доследование?

– Да, господин председатель.

Советник д'Асторг спросил у государственного обвинителя:

– Господин прокурор, вы поддерживаете это предложение?

– Нет, – отозвался тот. – Утверждения свидетеля слишком голословны.

– Хорошо. Сейчас суд вынесет решение.

Асессоры придвинулись к председателю суда, потом, после непродолжительного обмена мнениями, расселись снова.

Советник д'Асторг объявил:

– Суд,

заслушав показания свидетеля Жюва и

приняв во внимание, что они основаны на одних только предположениях,

постановляет:

на дознание дело не возвращать...

После паузы председатель суда обратился к обвинителю:

– Господин генеральный прокурор, вам слово.

Прокурор произнес суровую обвинительную речь, в которой упирал на "чудовищную жестокость Гурна, умертвившего лорда Белсома ударами молотка...", но на протяжении всего своего весьма пространного монолога он ни разу не коснулся утверждений полицейского инспектора. Точно так же и мэтр Барберу, взявший в свою очередь слово для защитительной речи, не стал опровергать ни одного из новых обвинений, выдвинутых Жювом.

Гениальные догадки инспектора оказались столь неожиданными, столь удивительными, что никто не принял их всерьез!..

Волнение в зале, вызванное выступлениями прокурора и адвоката, достигло предела, но тут советник д'Асторг прекратил прения и объявил в заседании перерыв до вынесения вердикта присяжными.

Пока подсудимого уводили в соседнюю комнату, Жюв, нисколько не удивившийся тому, что его просьбу вернуть дело на дознание отклонили, подошел к скамьям прессы и обратился к молодому журналисту, который сидел бледный и потерянный.

– Пойдем, Фанлор, – пригласил его инспектор, – у нас есть четверть часа, чтобы погулять... – Когда они оказались в коридоре, Жюв, хлопнув юношу по плечу, спросил: – Ну-с, мой дорогой, что ты на это скажешь?

Жером Фанлор был чрезвычайно удручен.

– Вы обвиняете моего отца? – сказал он. – Вы обвиняете Этьена Рамбера в том, что он – Гури!.. Ах, мне кажется, все это сон...

Жюв вскипел:

– Да пойми же, глупая твоя голова: я не обвиняю твоего отца, твоего настоящего отца! Я обвиняю того, кто выдавал

себя за твоего отца! Ну поразмысли, если я прав в своих рассуждениях и Этьенн Рамбер, убивший маркизу де Лангрюн, – не кто иной, как Гурн, то, разумеется, тридцатипятилетний Гурн тебе вовсе не отец!.. Он просто принял его обличье!..

– Но тогда где же мой настоящий отец?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – отвечал полицейский, – это нам еще предстоит выяснить. Ведь ты сам понимаешь, что дело не закончено, оно только начинается...

– И все-таки суд отказался вернуть его на доследование, – заметил юноша.

– Я ожидал этого, черт побери! – воскликнул Жюв. – У меня еще недостаточно доказательств, чтобы убедить судей... и потом, самый интересный факт, который я мог бы привести, мне пришлось утаить...

– Что вы имеете в виду?

– Да то, что ты жив, Шарль Рамбер!

– А ведь верно! Почему же вы умолчали?

– Я скрыл это потому, что не так богат и пока держусь за свое место... Стоило бы мне признаться, что я давно знаю о том, что якобы умерший и похороненный Шарль Рамбер жив и, более того, выдавал себя то за Жанну, то за Поля, – знаю и помалкиваю об этом, – и меня наверняка вышвырнули бы на улицу, а тебя упрятали бы за решетку, чего мне совсем бы не хотелось...

В гробовом молчании зала поднялся старшина присяжных. Очень бледный, он тем не менее уверенным голосом произнес решающие слова:

– *Перед богом и людьми клянусь честью и совестью, большинством голосов присяжные заседатели ответили "да" на все поставленные вопросы...*

Закончив чтение, он сел.

Смягчающих обстоятельств присяжные не усмотрели...

Роковой вердикт прозвучал громовым набатом. Лица всех присутствующих побледнели. Было ясно, что на решение судьбы преступника уйдут считанные секунды... И действительно: судьи вернулись из совещательной комнаты быстро.

– Ввести подсудимого! – приказал председатель суда и, когда два муниципальных стража ввели несчастного в зал, спросил у него: – Имеете ли вы что-либо сказать?

– Нет, ничего! – ответил Гурн.

Скороговоркой, проглатывая слова, председатель суда принялся оглашать приговор. Процедура оказалась долгой и нуд-

ной, но вот речь советника зазвучала отчетливей: приближалась развязка... В гулкой тишине он наконец провозгласил:

– ...*приговаривает подсудимого Гурна к смертной казни!..* – И, закончив чтение, д'Асторг поспешно скомандовал: – Увести осужденного!..

XXX

В АРТИСТИЧЕСКОЙ УБОРНОЙ

– Нет-нет, госпожа баронесса, он велел никого не впускать! Как вы не понимаете, ведь сегодня премьера, господина Вальграна совсем замучают!

Старый костюмер Шарло, преграждая дорогу в уборную актера, перед которой столпились многочисленные почитатели, находился в замешательстве – он уже склонялся к тому, чтобы уступить: трудно отказывать столь высокопоставленным посетителям и к тому же близким друзьям хозяина. Придется, видимо, сделать исключение. И, пропуская визитеров, Шарло на всякий случай даже извинился:

– Разумеется, запрет не касается вас, госпожа баронесса... как и всех этих дам и господ... – Но потом добавил: – Знали бы вы, как трудно далась сегодня господину Вальграну эта роль!

– Он такой молодец! – Баронесса де Вибре перешагнула наконец порог уборной и теперь торжествующе улыбалась, как генерал, штурмом взявший крепость. – Покинуть театр, не пожав ему руку, просто невозможно.

Высокий молодой человек с моноклем поддержал ее:

– Он просто великолепен!

– Вы так думаете, господин граф? – обратился к нему Шарло с улыбкой.

– Доложите же о нас! – Граф де Бараль был само нетерпение.

Шарло замер на месте, но тут же спохватился и стал словоохотливо объяснять:

– А его сейчас нет, неужели вы этого не знаете?.. Сразу после окончания спектакля его пригласил к себе министр просвещения. О, это большая честь, и господин Вальгран удостаивается ее уже во второй раз!..

– Так его сейчас принимает министр? – с любопытством осведомилась графиня Марселлина де Бараль.

– Да, госпожа графиня, сам господин министр, собствен-

ной персоной! – отвечал Шарло с неподдельным волнением.

Тем временем графиня де Бараль с увлечением стала рассматривать висевшие на стене фотографии.

– "Неисправимому Вальграну от его доброй приятельницы"... – прочитала она. – Подите-ка сюда, дорогая баронесса, – позвала графиня, – взгляните, тут подпись Сары Бернар... А это... Ой!..

– Что, что такое? – подбежала баронесса де Вибре.

– "Целую тебя, любовь моя!.." – Графиня расхохоталась. Супруга полковника Ольбора также увлеклась надписями на фотографиях.

– Вот это да! – воскликнула она. – *"В Буэнос-Айресе, в Нью-Йорке, в Мельбурне – повсюду прославляют моего друга Вальграна"*... Буэнос-Айрес... Мельбурн... что это за кругосветный путешественник? – гадала она, не признавая изображенного на фотографии артиста. – Наверняка кто-то из труппы "Комеди Франсез"!

– Симона, – позвал жену полковник Ольбор, – послушайте, что рассказывает наш друг де Бараль. Это чрезвычайно любопытно.

Молодая женщина подошла, и граф начал свой рассказ, обращаясь к ней.

– Вы, дорогая, совсем недавно из Конго и, конечно, не в курсе наших парижских событий, потому и не обратили внимания на весьма интересную деталь. Так вот, в сегодняшнем спектакле Вальгран был как две капли похож на Гурна, убийцу лорда Белсома!

– На Гурна? – переспросила Симона Ольбор: это имя ей ни о чем не говорило.

– Как, вы про него не слышали? – удивилась баронесса де Вибре. – Да ведь последнее время только и разговоров, что о деле Гурна–Белсома...

– Да-да, кажется, я об этом что-то читала, – припомнила Симона Ольбор. – Но ведь убийце, кажется, удалось скрыться?

– Вернее, его долго искали, – пояснил граф де Бараль. – Полиция уже готова была примириться с очередной неудачей, как вдруг в один прекрасный день – точнее, вечер – его все-таки обнаружили и схватили... И как вы думаете где?

Баронесса де Вибре, которой до сих пор не удавалось вставить слово, поспешно опередила графа:

– У леди Белсом! Да-да, в ее собственном доме в Нейи!..

– Быть того не может! – ахнула Симона Ольбор, потом со-

чувственно проговорила: – Бедняжка! Как она, наверное, переволновалась!..

– Леди Белсом исполнена отваги, достоинства и христианского милосердия, – заметила графиня де Бараль. – Своего мужа она обожала. И, несмотря на это, горячо ходатайствовала о помиловании... хотя, впрочем, и не добилась!..

Но Симона Ольбор уже утратила к этой теме интерес – ее манили другие достопримечательности уборной – и потому ответила уклончиво:

– Ужасно! – На секретере она заметила внушительную пачку писем и без особого стеснения принялась разглядывать один из конвертов. – О, посмотрите-ка, сколько писем! – воскликнула она. – Как забавно, и почерк везде женский... Должно быть, Вальгран получает немало любовных посланий?

Тем временем полковник Ольбор, отойдя с графом де Баралем в угол уборной, негромко сказал:

– Меня вся эта история очень заинтересовала. Расскажите, как его арестовали?

– Да очень просто. Этот мерзавец попался в парке особняка леди Белсом. Его опознали, схватили и посадили в тюрьму, а судили в суде присяжных этой весной, месяца полтора назад. На процессе присутствовал весь Париж; разумеется, я тоже там был! Да, этот Гурн – убийца, но убийца весьма странный, не поддающийся разгадке; он признается, что убил лорда Белсома, чего-то они там не поделили... видимо, деньги. Но многим показалось, что он лжет. Я, по крайней мере, в этом уверен.

Полковник перебил его:

– Но что конкретно толкнуло его на убийство?

Граф де Бараль пожал плечами, потом, понизив голос, сказал:

– Неизвестно, что – может, политика, а может, и любовь! Во всяком случае, надо отметить одно совпадение. Когда леди Белсом возвращалась из Трансвааля в Англию – года три тому назад, после войны, во время которой она показала себя с самой лучшей стороны, ухаживая за ранеными и больными, – она оказалась на одном корабле с Гурном. Гурн, завербовавшийся добровольцем, тоже проявил чудеса храбрости на поле битвы; он возвращался в звании сержанта... и с медалью!.. Виделись ли Гурн с леди Белсом на корабле, что между ними было? Этого никто не знает. Достоверно одно: поведение леди Белсом на процессе дало пищу если не для

хлословия, то уж по крайней мере для оживленных толков... Дело в том, что на подсудимого леди Белсом не могла взглянуть без дрожи, и это истолковывали по-разному. Одни высказывали предположение, что леди Белсом слегка повредилась в уме, потеряв любимого мужа. Другие, напротив, ядовито намекали, что если она и сходит с ума, то... не по мужу, а по его убийце! Так кто же она — мученица или сообщница? Да-да, некоторые дошли даже до утверждений, будто бы леди Белсом тайно удостаивала Гурна своей благосклонностью!

– Помилуйте, чтобы такая знатная дама, такая набожная, таких строгих правил!.. – вскричал полковник Ольбор.

– Чего только не наговорят люди! – развел руками граф де Бараль и перешел к сегодняшней премьере: – Как бы там ни было, а процесс наделал немало шуму. Смертный приговор Гурну был встречен одобрительно, да и само дело настолько завладело умами парижан, что наш друг Вальгран, зная, что ему предстоит играть роль убийцы в "Кровавом пятне" – спектакле, премьере которого мы сейчас аплодировали, – с самым пристальным вниманием следил за всеми перипетиями процесса над Гурном и буквально перевоплотился в него... Да-с, идея оказалась удачной! Вы помните, какой бурей восторга встретили его появление на сцене?..

– Да-да, это правда, зал просто взорвался. Я даже недоумевал почему...

– Так что найдите в каком-нибудь иллюстрированном журнале фотографию этого Гурна и сравните... – посоветовал граф де Бараль. – О, а вот, кажется, и наш Вальгран!..

На пороге действительно появился Вальгран – он шел, распевая во все горло рефрен из оперетты. Непревзойденный трагик, способный держать в напряжении весь зрительный зал, он на самом деле был неистощимым весельчаком и частенько то ли в шутку, то ли всерьез поговаривал, что наивысшим счастьем для него было бы играть в самых непритязательных комедиях.

Навстречу Вальграну устремилась сияющая баронесса де Вибре. Ответив на дружеское объятие, Вальгран попытался войти к себе в уборную, но баронесса, придержав актера, объявила:

– Разрешите представить вам господина Вальграна!,– и стала знакомить его с молодыми женщинами, которые с любопытством рассматривали великого артиста: – Графиня

Маркизина де Барль... Госпожа Ольбор...

Демонстрируя светские манеры, Вальгран вежливо раскланивался.

Дамы и господа, - обратился он к своим гостям, – прошу извинить меня за то, что заставил вас ждать, но у меня состоялся долгий разговор с министром.

Искренне вас поздравляю! – вернул полковник Ольбор.

Актер продолжал:

Министр - замечательный человек! Обходительный, доброжелательный... - И, обращаясь к баронессе де Вибре, похвастал: Он был так добр, дорогая моя баронесса, что даже угостил меня сигарой! Бесценная реликвия!..

– О, покажите ее нам! – попросила Симона Ольбор.

Вальгран продемонстрировал собравшимся подарок министра, потом подозвал своего костюмера:

– Шарло, положи эту сигару в шкатулку с ценными дарами...

– Но она заполнена доверху... – Шарло важно держал шкатулку с дарами в руках.

Тут в разговор вступила баронесса де Вибре:

– Дорогой Вальгран, мы не слишком вам надоедаем? Вы, должно быть, устали?..

Актер провел ладонью по лбу.

– Просто с ног валюсь... – Потом, встряхнув головой, обратился к своим поклонникам: – Ну, и как вы меня нашли?

Со всех сторон посыпались восторженные похвалы:

– Великолепно!.. Потрясающе!.. Грандиозно!..

– А если честно? – кокетничал Вальгран.

– Вы достигли вершин искусства! – выразил общее мнение полковник Ольбор.

– Вы правда так думаете? – настаивал актер. – Скажите откровенно, вам действительно понравилось?

– Это было замечательно, и я берусь утверждать, что лучше сыграть просто невозможно... – ответила за всех баронесса де Вибре.

– Вы меня не обманываете?.. – не унимался актер. И, убедившись наконец в искренности похвал, воскликнул: – Ах, сколько я работал над ролью!.. Сколько шлифовал!.. Вы не поверите, но, когда мы начали репетировать – да спросите хотя бы у Шарло, – пьесы как таковой вообще не существовало!

– Не существовало! – эхом отозвался Шарло.

– И роли моей не было, – продолжал Вальгран. – Так, что-то невыразительное, плоское... Тогда я отвел автора в сторону и сказал ему: "Франц, дружище, вот что нужно сделать... убрать тираду адвоката! Она ни к чему! Чем прикажешь заниматься мне, пока он будет говорить? Я сам произнесу защитительную речь! Сам выступлю в свою защиту и, уверяю тебя, произведу впечатление!.." А сцена в тюрьме? Вы только вообразите, Франц воткнул туда пастора! Тогда я сказал ему: "Да уберите вы священника, дружище! Он будет читать свою проповедь, а мне что в это время делать? Нечего!.. Глупость какая-то! Я прочту проповедь вместо него. Я прочту проповедь самому себе. Вот и все!" В общем, не хочу хвастаться, но я все сделал сам! И ведь успех, а?..

– Триумф! – восторженно произнесла Симона Ольбор.

– Да еще какой! – подхватила баронесса де Вибре.

Но их излияния прервал сам Вальгран, самодовольно взглянувший на свое отражение в зеркале:

– А как вам мое лицо, полковник? Вы вообще в курсе всей этой истории?

– Ну... – нерешительно начал тот.

Вальгран сам закончил за него:

– Ну разумеется! Похоже, в зале только об этом и говорили. Ну так как, похож я на Гурна? Что вы об этом думаете? – Не дожидаясь ответа, он обратился к графу де Бараль: – Скажите, вы видели его вблизи на процессе?

– Сходство удивительное! – признал молодой граф.

– Нет, правда? – стал допытываться Вальгран, потом добавил: – Впрочем, мне это было не так уж трудно: мы с ним одного роста, одного сложения, у нас похожие фигуры...

– Да-да, сходство разительное! – поддакнул полковник.

Вальгран явно ждал чего-то еще, и граф де Бараль добавил:

– Вы похожи на него так, что просто глазам не веришь!

Актер польщенно отозвался:

– Вы же знаете, я не набиваюсь на комплименты! – Он дотронулся до своего лица, и его осенила новая мысль: – А борода! Она у меня настоящая! Вы знаете, ведь я нарочно ее отпустил...

– Ах, какая прелесть! – улыбнулась Марселлина де Бараль.

А баронесса де Вибре тут же попросила:

– Дорогой Вальгран, можно заполучить из нее сколько-нибудь волосков в мой медальон?

Ошеломленный актер поначалу не знал, что и ответить, но,

придя в себя, с видом глубокого огорчения извинился:

Увы, пока нет. Я очень сожалею, но не сейчас, чуть позже... Знаете когда? На сотом представлении!

– Я тоже хочу такой сувенир! – воскликнула Симона Ольбор.

Вальгран с достоинством ответил:

– Я запишу вас, мадам!

Тем временем граф де Бараль бросил взгляд на часы.

– Друзья мои, уже очень поздно, наш кумир, должно быть, еле держится на ногах.

На пороге уборной посетители еще ненадолго задержались – слова прощания, самые искренние заверения в дружбе, снова горячие поздравления...

Наконец артиста оставили в покое.

Вальгран вернулся в уборную, запер за собой дверь, подошел к удобному низкому креслу, стоявшему перед гримерным столиком, и с наслаждением опустился в него.

XXXI

ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ

– Дьявольщина! – мгновение спустя вскричал Вальгран, обернувшись к своему костюмеру. – Да, старина Шарло, можно быть трижды усталым, но при виде таких очаровательных созданий поднимешься даже со смертного одра!

Пожав плечами, Шарло пробормотал:

– Господин Вальгран, неужто вы никогда не станете серьезным?..

– Ну конечно же нет! Надеюсь, никогда! Видишь ли, мой добрый друг, если и есть на этом свете что-то, чем не пресытишься, так это женщины, эти неповторимые цветы, скрашивающие наше унылое существование!..

– Сегодня у вас лирическое настроение.

– Видишь ли, я влюблен, но не в одну, а во всех сразу, влюблен в любовь! Ах, любовь!.. – Любимец публики театрально воздел руки, затем неожиданно скомандовал: – Ну-ка, раздень меня.

Показав хозяину пачку писем, Шарло осведомился:

– Почту читать будете?

– Давай, а там поглядим. – Просмотрев один за другим конверты, Вальгран с усмешкой заметил: – Фиолетовые чер-

жил, вежлив, корректен... – Взяв одно из писем и руки и приготовившись его вскрыть, актер весело предложил: – Слушай, Шарло, давай поспорим, что это признание в любви?

– Что тут спорить, – проворчал костюмер, вы ведь только и получаете что счета да это.

– Так ты споришь или нет? – не отставал Вальгран.

– Раз уж вам так хочется, спорю, что это счет, и то ради того, чтоб вы выиграли, – согласился Шарло.

– Ну, так выиграш у меня в кармане! – вскричал Вальгран. – Вот послушай. – И трагик принялся читать: – "Обожаемый артист, вам пишет едва распустившийся бутон..." Ты слышишь, Шарло?

– Увы, этот бутон – не первый... – вздохнув, признал костюмер.

– И не последний! – подхватил Вальгран, продолжая вскрывать конверты. – А вот еще! – воскликнул он. – "В письмо вкладываю фотокарточку, если не понравится, просьба вернуть..." Ха-ха! – И Вальгран откинулся на спинку кресла, чтобы посмеяться в свое удовольствие. – Подай-ка мне пристежной воротничок, Шарло! – Потом, присмотрев следующее письмо, он сказал: – Спорим, что в этом сиреневом конверте – признание очередной жертвы моего неотразимого обаяния?

– Да, господин Вальгран!

– Я снова выиграл! Ого, смотрите-ка, да она еще и с претензиями! – И актер принялся декламировать из письма: – "Если вы обещаете хранить тайну, быть верным... вы не пожалеете..." Слушай, дай-ка чего-нибудь выпить, я умираю от жажды!..

– Виски с содовой? – предложил костюмер.

Поднявшись с кресла, актер подошел к круглому столику, на котором Шарло, не дожидаясь особого приглашения, поставил стакан и себе и теперь наполнял оба.

– В добрый час! – воскликнул актер. – Чокнемся, старика Шарло, мой славный верный товарищ!

– Ах, господин Вальгран! – Костюмер был взволнован до глубины души. – Вы замечательный человек! – Он театральным жестом поднял свой стакан и провозгласил: – За ваш триумф!

После некоторого молчания Вальгран заговорил:

– Так ты считаешь, что сегодня я был в ударе?

– Еще бы!

– Честно?

– Да я еще в первом антракте сказал костюмерше, мадемуазель Бьенвеню, что никто из актеров вам и в подметки не годится!..

– Только не льсти мне, Шарло!

Но Шарло поднял руку, словно для присяги:

– Клянусь моей бедной покойной матушкой, господин Вальгран, а вы знаете, как дорога мне память о ней.

Внезапно оба умолкли: в дверь тихонько постучали.

Актер нахмурился: кто это опять к нему рвется?.. Но любопытство взяло верх, и он попросил Шарло:

– Пойди взгляни!

Чуть приоткрыв дверь в коридор, костюмер принялся отчитывать какого-то невежу, дерзнувшего нарушить покой артиста.

– Подумайте, чтоб так упорствовать из-за письма! Ну и что из того, что вам сказали, что это срочно? Да тут у всех все всегда срочно!.. – Шарло с неудовольствием закрыл дверь и, подойдя к Вальграну, протянул ему конверт: – Какая-то дама передала вам письмо...

– Гм, конверт с траурной каймою, – заметил актер. Потом с прежним азартом предложил: – Ну что, Шарло, давай снова поспорим?

Шарло призадумался, затем ответил:

– Спорю, что это признание в любви, – опять же чтоб вы выиграли, потому что это, скорее всего, просьба о помощи!

Вальгран стал читать письмо – поначалу небрежно, затем все с большим вниманием. Дойдя до подписи, он вернулся к началу. При повторном чтении он то и дело восклицал:

– Ого!.. Ах ты ч-черт!.. Послушай-ка, старина: "На сегодняшнюю премьеру "Кровавого пятна" вы с удивительным мастерством загримировались под Гурна, убийцу лорда Белсома... Сегодня ровно в два часа ночи вас ждут *в этом обличии* по адресу: улица Мессье, дом двадцать два... Обязательно приезжайте. Вас любят, вас ждут..." Ну и ну, черт побери!

– И кто это пишет? – поинтересовался костюмер.

– Пишет... – Вальгран запнулся. – Нет, старина, этого ты не узнаешь! Дело в том, что тут есть еще постскриптум: "Просьба сохранить это приглашение в глубокой тайне, по прочтении сжечь..."

– Оно и понятно! – пробормотал Шарло.

– Сказано – сделано! – с иронической усмешкой заключил Вальгран, тщательно упрятывая компрометирующее письмо в бумажник, вместо того чтобы предать его огню. –

Ну так что, – спросил актер у Шарло, – о чем задумался?

– Я? – отозвался преданный слуга. – Да ни о чем, продолжаю снимать с вас этот костюм...

– О господи, – засмеялся Вальгран, – ты так ничего и не понял? Ну-ка, верни тюремную одежду, да поживей!

– Что это вы? – с беспокойством спросил Шарло. – Уж не собираетесь ли пойти?..

– А ты думаешь, я буду колебаться? – сказал Вальгран. – Да будет тебе известно, что ничего подобного со мной еще не случалось!.. – Подумав, он добавил: – Шарло, поверь моему опыту! На шутку это не похоже; к тому же я знаю эту... гм... особу, мне не раз ее показывали... Да вот хотя бы и на процессе, и это, черт побери, такая женщина!..

– Пф-ф! – скривился костюмер.

Но Вальгран с воодушевлением продолжал:

– Знаешь, для меня это самая желанная женщина на свете... ее необычайная красота, утонченность, изящество, пленительная грация...

– Психопатка! – перебил Шарло Вальграна.

– Влюбленная женщина, – поправил его актер.

– Как легко вы загораетесь – прямо как лицеист!

– Что ж, тем лучше для меня! Гляди, я падал от усталости, теперь же полон сил! Поторапливайся, старый увалень, время не ждет. Кстати, ты знаешь эту улицу?

– Какую? – растерянно спросил Шарло.

– Какую, какую, – нетерпеливо передразнил Вальгран, – да эту... как ее... улицу Мессье. Поищи на плане. А мне дай пульверизатор!

В сильнейшем возбуждении Вальгран принялся мерить шагами уборную, тогда как Шарло поспешно листал "Светский справочник" Боттена, произнося вслух буквы в алфавитном порядке:

– К... Л... М... Ма... Ме... Ого! – вскричал он с удивлением.

– Ну, что там? – спросил актер.

– Господин Вальгран, – запинаясь, проговорил костюмер, – да ведь на этой улице тюрьма!

– А мне-то какое до этого дело?

Но Шарло, обеспокоенный не на шутку, продолжал:

– Тюрьма Санте! Там сидят приговоренные к смерти!.. Там сидит Гурн!..

Залихватски сдвинув шляпу на ухо, Вальгран поинтересовался:

– Так у меня свидание прямо в тюрьме?

Не совсем... но неподалеку... напротив!

Напротив тюрьмы? наконец развеселился Вальгран. – Послушай, старина, у меня такое предчувствие, что я проведу незабываемую ночь!

– Сомневаюсь, – буркнул костюмер.

Ну и ладно, продолжал актер, скажи мне лучше, ты как считаешь, сегодняшние знатные дамы склонны к порок? Но поскольку старый верный Шарло недоуменно захлопал глазами, Вальгран объяснил: – Ты словно ребенок! Да уже сам выбор места свидания, ее желание видеть меня в обличии Гурна... это свидетельствует о способном вкусе. Я бы даже сказал, об этаком утонченном садизме. Сам посуди: она обнимает меня, двойника Гурна, тогда как настоящий Гурн, убийца Гурн, – в своей темнице, рядом с нами... Скорей, подай пальто и трость!

Шарло повиновался не сразу.

– Господин Вальгран, – вздохнул он, делая последнюю попытку удержать актера, – послушайте, это же нелепо... Такой человек, как вы!..

– Такой человек, как я! – в приливе воодушевления воскликнул актер. – Да такой человек, как я, когда надо, летит на свидание сломя голову!

И пока совершенно растерянный Шарло бормотал что-то о легкомыслии и несерьезности, Вальгран уже на бегу прокричал:

– Очень надеюсь, что никогда не стану серьезным!.. До свиданья.

Оставшись один в уборной, Шарло, хоть и привыкший к подобным выходкам – Вальгран всегда был неисправимым ловеласом, – продолжал ворчать себе под нос:

– Как жаль, такой великий артист! Женщины не доведут его до добра! Подумать только, убежал без перчаток, без шейного платка!..

Сетования Шарло прервал стук в дверь.

– Войдите! – машинально отозвался он и, увидав сторожа театра, протянул: – А, это вы, Жан...

– Можно тушить свет? – осведомился вошедший. – Ведь господин Вальгран ушел?

– Да-да, ушел... – рассеянно ответил костюмер.

– Удачный сегодня спектакль, правда? – начал сторож.

– Удачный... – эхом отозвался Шарло, погруженный в свои мысли.

Но Жан не отставал:

– Вы видели последний выпуск "Капиталь"? Одиннадцатисловой? Там говорится о нас!..

– Уже?

– Ах, газеты нынче не теряют времени, – заметил Жан, – у американцев научились. Огромный успех, пишет редактор.

– Тогда покажите, – попросил костюмер и, углубившись в текст, подтвердил: – Да-да, верно: "Этот спектакль – убедительный триумф господина Вальграна..." – потом он решил блеснуть перед сторожем: – Вы знаете, нас только что поздравлял министр просвещения?

– Конечно, знаю, – обиделся Жан. – Как же я могу не знать, что происходит в моем театре?

Шарло продолжал читать газету.

– Как верно тут подмечено, вот послушайте: "Господин Вальгран сумел сделать невозможное – сыграть обаятельное чудовище..." – Но вдруг костюмер взволнованно воскликнул: – Ах, господи! Не может быть!..

– Что такое? – поинтересовался Жан. – Неужто критикуют?..

– Прочтите это! – дрожащим голосом произнес Шарло, тыча пальцем в одну из колонок. – Прочтите, Жан!..

Поверх плеча костюмера сторож пробежал глазами указанный абзац.

– Ну и что тут такого? Снова дело Гурна?

– Да, его должны казнить восемнадцатого утром. Но ведь... – Шарло вздрогнул. – Ведь это сегодня, через несколько часов...

– Смотрите-ка, и в самом деле, – равнодушно подтвердил Жан и, увидев, что костюмер сильно побледнел, спросил: – Что с вами, Шарло? Вам плохо?

Но Шарло усилием воли овладел собой.

– Нет-нет, ничего... Просто устал. Вы можете выключать свет. Я ухожу через пять минут.

– Тогда захлопните за собой дверь, если я уже лягу! – попросил напоследок сторож.

– Хорошо! – крикнул ему вдогонку костюмер.

Снова оставшись в одиночестве, Шарло присел на подлокотник кресла.

– Какое легкомыслие, – пробормотал он себе под нос, – действительно ведет себя как мальчишка... Когда-нибудь он нарвется на неприятности... Ах, не нравится мне сегодняш-

ния история... зачем он пошел туда? Что хочет от него эта женщина? Пусть я старый пень, но уши у меня все же имеются... Об этом загадочном, странном, подозрительном деле чего только не рассказывали! – На какое-то время Шарло умолк, погрузившись в размышления, потом продолжил: – А что, если и мне отправиться туда и постоять где-нибудь возле дома?.. Ах, господи, да он же рассвирепеет... Ну а если тут все-таки какой-нибудь подвох? Подложное письмо, западня?..

Старый костюмер в сильнейшем волнении ходил взад и вперед по уборной, поминутно натыкаясь на мебель.

– Ах, боже, боже ты мой! – стонал он, сжимая руками голову. – Так, спокойствие!.. Чушь какая-то... Но это свидание... эта улица... дом напротив тюрьмы... И Гурн, которого вот-вот должны гильотинировать!

Наконец Шарло принял решение.

Он поспешно оделся.

– Будь что будет, – сказал он, – иду! Если замечу что-либо подозрительное, если по истечении получаса господин Вальгран не выйдет из того дома – что ж, там будет видно! – Запирая на ключ дверь, Шарло приговаривал: – Да, надо идти, так будет спокойнее на душе.

XXXII

КОВАРНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Нервы у леди Белсом были взвинчены до предела; она ходила по комнате, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к ночной тишине.

Лицо ее казалось бледнее обычного, глаза лихорадочно и странно блестели, она изо всех своих сил прижимала руки к груди, словно старалась удержать сердце, готовое выскочить наружу.

– Он не придет, – шептала она, – не придет, что тогда будет?.. Но вот я слышу какие-то звуки! Это он!.. – Леди Белсом на цыпочках пересекла комнату, приоткрыла дверь на лестницу, прислушалась и вернулась назад: – Нет, никого!..

Дом под номером 22 по улице Мессье представлял собой двухэтажное здание, пустовавшее вот уже несколько недель. Его владельцу, сельскому виноградарю, который лишь изредка наезжал в Париж, все реже и реже удавалось сдавать это незрачное строение, грязное, сырое, открытое всем ветрам и грозившее развалиться. Чтобы сделать дом пригодным для жилья, пришлось бы перестроить здание от фундамента до крыши.

Каково же было удивление его владельца, когда он с месяц назад получил по почте обязательство по найму жилища, подписанное ничего не говорящей фамилией Дюран, но еще больше он удивился, когда обнаружил в конверте три стофранковых банкнота – плату вперед за год, – и, чрезвычайно обрадовавшись этой нежданной удаче, поспешил отослать подписанный документ Дюрану, мысленно поздравляя себя с тем, что не стал ремонтировать здание, как одно время намеревался, и не потратил зря средства – ведь теперь у него есть жилец, да еще какой аккуратный!

Домовладелец отправил ключ по адресу, который ему указали, и забыл думать об этом.

В большой комнате верхнего этажа, обстановку которой составляли старый, потертый диван, такое же ветхое кресло, несколько соломенных стульев и грубый деревянный стол, в эту ночь на 18 октября обосновалась леди Белсом; там и находилась она сейчас, снедаемая тревогой...

На столе на плитке подогревался чайник, стояли несколько чашек и лежали маленькие пирожные. Убогий интерьер слабо освещался лампой.

Постояв посреди комнаты, леди Белсом метнулась к противоположной двери, открыла ее – там оказался небольшой черный чулан, – произнесла: "Тсс!", приложив палец к губам, словно обращалась к кому-то спрятавшемуся в этом закутке, потом прикрыла дверь и, вернувшись в комнату, рухнула на диван. Обхватив голову ладонями и сжимая виски, в которых отчаянно пульсировала кровь, она, похоже, пыталась собраться с мыслями, но, видимо не в силах усидеть на месте, поднялась и зашагала по комнате, приговаривая:

– Нет, все еще никого! О-о, я отдала бы десять лет жизни за... Господи, неужели все потеряно?.. Что за ночь!.. Какая жуткая, кошмарная ночь! – Оглядевшись вокруг, вдова лорда Белсома с тоскою произнесла: – Да еще такое мрачное место! – В и без того едва освещенной гостиной становилось все темнее. Леди Белсом подошла к столу, подкрутила фитиль и вдруг замерла, уловив шорох. – Неужто он?

Подбежав к двери на лестницу, она с бьющимся сердцем прислушалась. Приближались чьи-то неуверенные шаги.

"Мужчина!" – определила леди Белсом.

И впрямь, кто-то медленно, спотыкаясь, поднимался по лестнице.

Сомнений больше не было.

Леди Белсом попятилась, опустилась на диван и, отвернувшись от входной двери, держа лицо в ладонях, прошептала:

– Вальгран!

Выйдя из театра, актер нанял карету до Люксембургского сада. Оттуда он двинулся пешком.

Вальгран обожал приключения и был удачлив в любовных делах. Правда, он быстро пресыщался и всякий новый поворот сюжета встречал с восторгом – он любил все оригинальное.

Несомненно, женщина, умолявшая его прийти этой глухой осенней ночью в такой заброшенный, расположенный на отшибе дом, да еще в костюме трагического персонажа, которого он сегодня с такой убедительностью сыграл, должна быть женщиной незаурядной! Но особенно пикантным было то, что прийти на любовное свидание в обличии Гурна его, Вальграна, попросила как раз та женщина, которой убийца, более чем кому-либо, должен был внушать ужас: леди Белсом, вдова убитого!

"Возможно, это новая разновидность мазохизма, – размышлял Вальгран, – людям нравится, когда их пугают до смерти?.. Что ж, поживем – увидим!"

В комнату он вошел медленно, полагая, что так будет эффектнее всего. Театральным жестом он бросил пальто и шляпу в кресло, сделал несколько шагов и, оказавшись перед леди Белсом – та сидела неподвижно, пряча лицо в ладонях, – объявил своим хорошо поставленным голосом:

– А вот и я!

Леди Белсом вздрогнула и еще больше поникла.

"Черт побери, – подумал Вальгран, – ее и впрямь потрясло мое появление! С чего начать, что сказать ей?.."

Но леди Белсом овладела собой и выпрямилась.

– Благодарю вас, – пробормотала она, – благодарю, что пришли.

Вальгран сделал протестующий жест.

– Что вы, нет-нет. Это не вы должны благодарить меня, совсем наоборот – я чрезвычайно признателен вам за то, что вы соблаговолили пригласить меня... Поверьте, я пришел бы раньше, но вы должны сами понимать: премьера, многочисленные поклонники... Однако позвольте, – перебил он сам себя, заметив, что леди Белсом дрожит, – вам холодно?

– Д-да, зябко как-то, – еле слышно прошептала вдова лорда Белсома.

Вальгран бегым взглядом окинул жалкую комнатушку, в которой очутился. "Все это очень странно, но ж, надеюсь, потом все прояснится", подумал он, проверил, плотно ли закрыто окно.

Пока он возился с ним, леди Белсом встала.

– За исимением лучшего, может быть, вас согреет чашечка чаю, господин Вальгран? Она приблизилась к гостю, протянула ему чашку дрожащей, словно от непомерной тяжести, рукой.

– Из ваших рук я готов принять все что угодно! отвечал Вальгран. Подойдя к подносу, он взял с него сахарницу. Когда он хотел положить сахарного песку в чашку леди Белсом, она жестом остановила его:

– Благодарю вас, но я всегда пью чай без сахара.

Актер, состроив легкую гримасу, ответил:

– Восхищен, но следовать вашему примеру воздержусь. – И, отбросив церемонии, высыпал себе в чашку добрую треть сахарницы.

Леди Белсом смотрела на него во все глаза.

Оба пили в молчании. Леди Белсом вновь присела на диван, Вальгран расположился неподалеку от нее на стуле.

"Не слишком-то оживленный у нас разговор! – размышлял актер. – Неужели эта знатная дама внушает мне такую робость, что в ее присутствии я глупею, как школьник?.. – Вальгран поднял глаза на леди Белсом: она была неподвижна, взгляд устремлен куда-то в бесконечность. – Что сейчас нужно, так это вспомнить психологию, – рассуждал актер. – Итак, красавицу вдову влечет вовсе не ко мне, Вальграну; коль она пожелала, чтоб я явился в наряде, который делает меня похожим на Гурна, то мне нужно оставаться в шкуре этого молодца! Гм, но как себя вести в таком случае?.. Впасть в сентиментальность? Симулировать грубость? Потворствовать ее мании всепрощения? Разыграть кающегося грешника? Эх, будь что будет! Действуем наудачу!.."

Вальгран встал.

Как на сцене, сначала негромко – с тем чтобы впоследствии дать голосу полную свободу – актер заговорил:

– По вашему зову, леди, узник Гурн разбивает свои оковы, взламывает дверь своей темницы, сокрушает стены тюрьмы, преодолевает самые грозные препятствия, он идет к вам, идет...

Вальгран приблизился на шаг.

– Нет! Нет! Замолчите! – с ужасом воскликнула леди Бел-

ом, жестом останавливая его.

"Промашку дал! – мысленно посетовал Вальгран. – Попробуем по-другому".

И, как заученный урок, принялся декламировать:

– Итак, вы решили обратить свое спасительное милосердие на преступника, вырвать его из объятий греха? Недаром слухами о вашей ангельской доброте полнится весь Париж...

– Ох, только не это!.. – взмолилась леди Белсом.

Как хороша была в эти минуты трепетавшая от волнения аристократка!

"Теперь понятно, в чем дело, – надо форсировать ход событий!" – подумал Вальгран. Грубо схватив леди Белсом за руку, он прокричал:

– Ты что, не узнаешь меня? Я Гурн! Убийца! Я хочу сжать тебя в объятиях! Задушить!..

И актер уже собрался перейти от слов к делу; перепуганная леди Белсом вырвалась, простонав:

– Не надо... Это безумие!.. Это ...

Но Вальгран, нависая над нею, патетически воскликнул:

– Так умри же, несчастная!

Леди Белсом энергично оттолкнула его.

– Назад, чудовище!.. – крикнула она с негодованием.

Вальгран отступил и в растерянности остался стоять посреди комнаты, тогда как леди Белсом отскочила в самый дальний угол и прислонилась к стене в поисках опоры – в ее лице не было ни кровинки.

"Нет, эта роль мне решительно не удается!.." – подумал актер, совершенно сбитый с толку. Вернувшись к прежнему благоговейному тону, он кротко воззвал:

– Послушайте, леди...

Леди Белсом, видимо справившись с волнением, подошла поближе.

– Простите меня, простите! – пробормотала она.

Все более приторным голосом актер продолжал:

– Я Вальгран, трагик Вальгран... Извините, но ведь вы, кажется, сами меня пригласили?.. Письмом...

– Письмом?.. – переспросила леди Белсом. – Ах да, ну конечно же... Простите!..

Вальгран с трудом подыскивал слова:

– Должно быть, вы переоценили свои силы и теперь находите меня слишком... э-э... похожим?..

Прервавшись, актер машинально помассировал веки.

"Забавно, – подумал он, – но мне гораздо больше хочется

...ашенной дамы, в своей кровати, нежели ухаживать за этой женщиной!.."

Тем не менее вслух он продолжил:

— И любил вас с того дня, когда впервые увидел, и как раньше...

Говоря подле Белсема смотрел на Вальграна не так испуганно. Он заметил это и оценил по-своему. "На этот раз вроде попало в точку!"

Дамский угодник, специалист по любовным сценам принялся наступать по всему фронту. Правда, вначале ему пришлось предпринять немалое усилие, чтобы побороть тик нервного напряжения, который мешал ему сосредоточиться. Кое-как преодолев и этот, он воскликнул:

— И что же, мне молчать?! Теперь, когда благодаря провидению исполнится наконец мое самое горячее желание?.. Когда я, сгорая от любви, припадаю к вашим ногам?..

Вальгран медленно осел на пол... Леди Белсом выпрямилась и замерла, прислушиваясь.

Где-то далеко пробило четыре часа.

О, я больше не могу!.. — простонала она. — Слышите, уже четыре! Ах, нет!.. Нет!.. Я не выдержу...

В совершеннейшем смятении молодая женщина, дрожа и озираясь, подобно затравленной лани, ходила взад и вперед по комнате. Оказавшись перед Вальграном, она вдруг заговорила с ним тоном глубочайшего сострадания:

— Уходите, Вальгран, во имя всего святого, уходите! Да побыстрей!

Вальгран с трудом поднялся на ноги. Голова у него словно налилась свинцом, и не хотелось ни говорить, ни шевелиться... Не столько из галантности, сколько ради того, чтоб никуда не идти, он довольно находчиво ответил:

— Для меня самое святое — это любовь, а любовь как раз повелевает мне остаться!

Тщетно леди Белсом пыталась прогнать актера, тщетно кричала она, перепуганная, объятая безумной тревогой:

— Да бегите же, бегите! Это невыносимо!..

— Я остаюсь! — заявил Вальгран, грузно опускаясь на диван рядом с леди Белсом. При этом он машинально попытался обнять ее за талию.

— Послушайте! — воскликнула молодая женщина, высвобождаясь. — Вам надо уходить... Поймите, я просто не могу всего сказать!.. Но это страшно, поверьте!

— Я остаюсь! — повторил Вальгран. Побежденный убийст-

[redacted] сильнейшую, он, похоже, мечтал лишь об одном: лечь и уснуть!

Леди Белсом умолкла, с ужасом глядя на актера, рухнувшего после нее. И тут с лестницы донесся легкий скрип. Женщина вскочила на ноги, потом упала на колени, выдохнув:

– Вот и все!

Сквозь сон Вальгран вдруг почувствовал, что какая-то тяжесть придавила его к дивану. Сразу же вслед за этим руки его завели за спину, запястья стянули вместе и скрутили веревкой...

– Боже мой! – воскликнул он, пораженный, и живо обернулся. На него напали двое мужчин в форме; на темных мундирах виднелись блестящие металлические пуговицы.

Вальгран хотел было возмутиться, но один из неизвестных зажал ему рот ладонью.

– Тсс, тихо!.. – сказал он.

– Однако, – с трудом проговорил Вальгран, прилагая отчаянные усилия, чтобы не свалиться, – что все это значит?

Люди в мундирах повлекли его за собой.

– Пошли! – приказал один из них. – Пора!

– Да отпустите же меня! – бормотал Вальгран. – По какому праву?..

– Ну-ну, хватит кочевряжиться! Пошли! – сказал первый, а второй добавил:

– Ты же знаешь, Гурн, сопротивляться бесполезно!.. Ничто на свете не спасет тебя...

Одурманенный, Вальгран все же пытался слабо возражать:

– Я не пойму, о чем вы говорите!..

Тут второй незнакомец возмутился:

– Дай же мне досказать!.. Мы и так здорово рискуем, приведя тебя сюда из тюрьмы, где ты сейчас беседуешь со священником – по крайней мере, так думает начальство...

– Конечно, – подхватил первый незнакомец, – дама хорошо заплатила нам за этот час свидания, но прошло уже полтора, и свое место терять никому не хочется...

Перед Вальграном, делавшим нечеловеческие усилия, чтобы не заснуть, смутно забрезжило подозрение. Приглядевшись к мундирам, он понял, что это форма тюремных надзирателей.

– Что вы плетете? – начал актер.

– Перед тем как отправиться сюда, ты дал слово быть паинькой и вернуться с нами по первому зову, – укорил его первый охранник. – Обещания надо выполнять. Кончай бу-

жить, пошли, Гури!..

И они потащили его за собой... Растерянный, мучимый страшным подозрением, Вальгран выругался, еле ворочая языком:

– Черт побери, эти олухи принимают меня за Гурна! Но ведь я не Гури!

Из-под бессильно опускающихся век Вальгран устремил отчаянный взгляд на леди Белсом, которая на протяжении всей этой страшной сцены продолжала стоять в углу комнаты на коленях, молитвенно сложив ладони.

– О женщина, – пробормотал актер, – скажите же вы им!..

Но леди Белсом хранила молчание.

Тюремщики повели Вальграна. На середине комнаты ему страшным напряжением сил удалось остановиться.

– Но я не Гури! – прорычал он. – Я Вальгран! Трагик Вальгран! Меня все знают! Слушайте, да обыщите же меня!.. – Кивком головы актер указал на левую сторону груди. – Там мой бумажник! Имя и фамилия! Письмо – доказательство того, что мне устроили западню... письмо от этой женщины!..

– Глянь-ка, Нибе, – посоветовал один тюремщик другому, тогда как тот шипел на ухо Вальграну:

– Ну ты, давай потише! Или ты решил нас погубить? – Быстрым движением ощупав одежду бедняги, Нибе не обнаружил никакого бумажника и пожал плечами. – Послушай, – заявил он, обращаясь к своему напарнику, – мы привели сюда Гурна? Привели. Значит, нужно и отвести его назад, в тюрьму! И больше я знать ничего не знаю! В дорогу!..

Последнее отчаянное усилие вконец истощило Вальграна. Уже не сопротивляясь, сраженный неодолимой сонливостью, он дал себя увести...

И, спускаясь в сопровождении тюремщиков по темной лестнице, все бубнил, пытаясь протестовать, но голос его становился все неувереннее:

– Но я вовсе не Гури!.. Не Гури!

С минуту леди Белсом еще прислушивалась, потом, окончательно убедившись, что лишних зрителей на разыгранном здесь чудовищном спектакле не было, вернулась в комнату, задыхаясь от пережитого волнения. Снова упав на диван, она попыталась расстегнуть воротничок, но тут лишилась чувств...

В стене, противоположной выходу на лестницу, приоткрылась дверь. Из темноты медленно, бесшумно выскользнул Гурн и приблизился к леди Белсом.

Убийца бросился к своей любовнице, начал покрывать поцелуями ее неподвижное лицо, стиснул ее безжизненные руки.

— Мод! — вскричал он. — Мод!

Но леди Белсом молчала.

Гурн заметался по комнате в поисках какого-нибудь средства, чтобы привести молодую женщину в чувство. Но тем временем она постепенно пришла в себя и издала слабый стон. Гурн кинулся к ней.

— Это ты? — сказала леди Белсом. — Подойди ближе, поцелуй меня. Понимаешь, еще немного — и я бы во всем призналась, погубила бы тебя! Я не могла больше!.. Какие ужасные минуты!.. — Внезапно леди Белсом выпрямилась, охваченная тревогой. — Прислушайся! Кажется, еще слышно, как они его ведут!

Гурн успокаивающе погладил ее по голове.

— Да нет, ничего подобного! Не думай больше об этом, любовь моя!

Не в силах стряхнуть с себя наваждение, леди Белсом глухо пробормотала:

— Как он лепетал: "Я вовсе не Гурн!.. Не Гурн!" Ах, господи, лишь бы никто ничего не заметил.

Гурн и сам сомневался в успехе этого рискованного предприятия, поэтому он старался убедить самого себя:

— Тюремщикам ведь заплачено достаточно! Да они и так, если что, будут все отрицать. Потом, понизив голос, спросил у леди Белсом: — Он выпил... снотворное?

Леди Белсом утвердительно кивнула:

— Да, и оно уже начало действовать, да так молниеносно, что я даже испугалась, как бы бедняга не упал прямо у моих ног...

— Мод! — глубоко вздохнув, сказал Гурн. — Мод, мы спасены! — Видя, что молодая женщина в тревоге заламывает руки, он стал целовать ее. — Душа моя, послушай, как только рассветет и прохожих на улице станет достаточно, чтоб мы могли затеряться в толпе, мы выйдем отсюда. Знаешь, пока ты была... ну, с тем, другим, я сжег свою тюремную одежду — видишь, теперь я выгляжу совсем иначе, а вдобавок... — Тут взгляд Гурна упал на широкое пальто, забытое Вальграном. Завернувшись в него, он воскликнул: — Ну как, идет мне?

— Замечательно! Но нам пора. — Леди Белсом прилагала неимоверные усилия, чтобы оторваться от дивана, на котором она полулежала.

— Минуточку! — воскликнул Гурн, указывая на свое ли-

но. – Хочу избавиться от бороды и усов... – И убийца лорда Белсома, взяв ножницы, направился к зеркалу. Однако на полпути его остановил очень отчетливый, хорошо различимый звук: кто-то уверенно поднимался по скрипящим ступеням.

Гурн страшно побледнел, тогда как леди Белсом, напротив, обрела полное присутствие духа. Вскочив с дивана, она устремилась к двери на лестницу.

Дверь открылась – леди Белсом не успела ее запереть.

Гурн, не добравшись до тайника, упал в единственное в комнате кресло, нахлобучив на глаза шляпу Вальграна и подняв воротник его пальто.

Тем временем леди Белсом отступала перед вошедшим, который бормотал:

– Да извинит меня сударушка, прошу прощения...

Пришелец держался робко, нерешительно.

– Кто вы? Что вам угодно? – безжизненным голосом спросила леди Белсом.

– Ах, да я... – начал было неизвестный, но тут заметил в глубине комнаты Гурна и, указывая на него, продолжал уже уверенней: – Господин Вальгран меня отлично знает, это я, Шарло, его театральный костюмер. Я пришел... просто так... вернее, вот, – Шарло достал из кармана прямоугольный предмет: – Господин Вальгран уходил из театра так поспешно, что забыл свой бумажник. Вот я его и принес.

Шарло направился было к убийце лорда Белсома, которого принимал за своего хозяина, но леди Белсом, встревожившись не на шутку, преградила ему путь. По-своему истолковав поведение молодой женщины, Шарло извиняющимся тоном забубнил:

– Я еще почему пришел-то? Да, видно, не стоит... – Понизив голос, он обратился к леди Белсом: – Вальгран молчит, должно быть, сердится на меня за то, что я пришел, но ведь я не из любопытства... и не для того, чтобы навредить вам, сударыня!.. Не нужно волноваться, скажите лучше ему, чтоб он особенно не гневался на старого Шарло.

Болтовня несносного старикашки начала действовать леди Белсом на нервы, и она приказала:

– Уходите, уходите же, бога ради!..

– Ухожу, ухожу... – засуетился Шарло, – неужто я не понимаю, что стесняю вас, но ведь надо же и объяснить ему, разве нет?.. – Не дождавшись ответа, он продолжал: – Вся эта история... улица, дом напротив той самой тюрьмы, где... но вы, наверно, и не знаете?.. – Приняв испуганное молчание

леди Белсом за желание узнать подробности, Шарло не церемонясь присел на уголок стола. Старик дрожал, взволнованный важностью того, что ему предстояло сообщить: – Помните Гурна, ну, убийцу того богатого английского джентльмена? Сегодня вечером... точнее, уже почью, каких-нибудь часа два тому назад, я прочитал в газете, что его казнят сегодня утром!.. Так вот...

Леди Белсом отшатнулась...

– Нет-нет, не пугайтесь! Так вот, я встревожился, сначала я рассчитывал проследить за господином Вальграном и подождать внизу, пока он не выйдет, но заблудился в этом квартале... Ох, и дрянной же квартал! И вот только сейчас отыскал этот дом... Дверь была распахнута... Не зная, здесь ли он еще или уже ушел, я позволил себе подняться, но теперь я ухожу с легким сердцем, коль господин Вальгран здесь, в вашем обществе, моя милая... Шарло наконец-то поднялся. Подойдя к Гурну, он извиняющимся тоном спросил: – Господин Вальгран, так вы прощаете меня?.. – И, не получив ответа, старик попытался заручиться поддержкой леди Белсом: – Но вы скажете ему все? Ничего, он отходчивый... он поймет меня. Бывает, как втемяшится что-нибудь в голову, правда?.. Зато теперь я ухожу со спокойной душой, раз я увидел его, со спокойной душой...

Сгорбившись и шаркая ногами по полу, Шарло направился к выходу. Поравнявшись с окном, он бросил взгляд наружу и замер, завороженный увиденным...

За окном брезжил рассвет, в котором тонули бледные пятна дальних фонарей. На углу бульвара Араго, идущего вдоль высокой стены тюрьмы Санте, возвышалась насыпь. Обычно пустынное, это место сейчас заполнялось народом. За наспех установленными ограждениями, которые отсюда казались совсем призрачными, угадывалась многолюдная толпа...

Не в силах оторвать глаз от зрелища за окном, Шарло поднял дрожащую руку и, словно вдруг догадавшись, забормотал:

– Боже мой, так вот где возводят эшафот!.. Да, – продолжал он, прижавшись лбом к стеклу, – уже можно различить стойки, подпорки. Это же гильотина! Вон и нож... Скоро будут каз...

Последнее слово перешло у старика Шарло в предсмертный крик боли – и тотчас раздался глухой стук: от удара, нанесенного сзади, он рухнул на пол. Леди Белсом, вздрогнув, отступила...

Костюмера ударил Гурн.

Пользуясь тем, что преданный слуга актера Вальграна засмотрелся на приготовления к мрачному зрелищу, Гурн вытащил из кармана нож и, подскочив, по самую рукоять вонзил его в затылок бедняге Шарло.

Леди Белсом оцепенело взирала на жертву. Гурн схватил ее за руку.

– Бежим отсюда! – шепнул он.

XXXIII

НА ЭШАФОТЕ

За несколько часов до этого, когда еще стояла глухая ночь...

И после, в прохладном предрассветном воздухе, под полотнищем из мерцающих звезд, когда время от времени проносилось дуновение легкого ветерка, колыхая ветви деревьев, шелестя листвой...

День обещал быть погожим.

На тротуарах, выпирая и на проезжую часть, бурлила многочисленная толпа. Монпарнас, бульвар Сен-Мишель, бульвар Пор-Руаяль, бульвар Сен-Жак и в особенности бульвар Араго кишели людьми. Все стекались к одной точке...

Среди идущих было немало развеселых компаний, повсюду горланили песни. Открытые рестораны, кабачки и винные погребки, полутемные лавки выплескивали наружу людскую лаву.

Народ Парижа в эту ночь гулял.

Народ?

Нет!

Люди, которые в столь поздний час все еще бодрствовали, в действительности принадлежали к разным слоям общества: одни к сливкам, другие к изгоям – двум полюсам парижского населения. То были либо завсегдатаи ночных баров, либо бездомные бродяги, что из года в год неприкаянно слонялись по улицам города. Попадались среди них и люмпен-пролетарии, и бездельники всех сортов, и нищие, а то и совсем молодые люди с напомаженными волосами, в остроносых ботинках – масленый взгляд и манера поведения безошибочно выдавали в них представителей определенной профессии.

К полуночи весь Париж шушукался о предстоящем...

Итак, прокурор республики совершил все необходимые формальности, и вскоре над городом возденет свои крова-

вые руки гильотина. На утренней заре убийца лорда Белсома понесет высшее наказание, искупит свое злодеяние смертью. И едва новость облетела город, как публика начала собираться на кровавое зрелище, словно на праздник. На Монмартре расхватали все экипажи и резко подскочила плата за пользование автомобилями-такси. Женщины в богатых туалетах усаживались в машины, которые на полной скорости мчали их к тюрьме Санте — месту казни...

Посетители кабаре парижских предместий, взявшись за руки, в сопровождении простоволосых девушек, с песнями и игривыми шутками, пешком добирались до бульвара Араго, где ожидалось кровавое представление.

От всей этой толпы простолюдинов исходил специфический запах — запах ярмарок и рынков в праздничные дни. Вокруг тюрьмы Санте воцарялась атмосфера праздника. Собравшиеся откупоривали бутылки с вином, нарезали колбасу. В разговорах преобладала одна тема. Люди пришли на зрелище, зрелища они и ждали!

Бродяги и оборванцы переговаривались между собой:

— А ну как сдрейфит?

— Катись ты!

Элегантно одетые господа беседовали с дамами, не покидая своих экипажей:

— Уверяю, ох, и натерпитесь вы страху, моя дорогая!

— Я? Да нисколько!

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы такая бесчувственная?

— Но ведь у меня нет больше сердца — вы же знаете, я отдала его вам!

Людей разбирало не только любопытство, но и желание блеснуть остроумием. Одним словом, толпа развлекалась: ведь Гурну предстояло лишиться головы!

Сквозь людской лабиринт настойчиво пробирался Франсуа Бонбонн, владелец "Свиньи святого Антония". Будучи под хмельком, он окликал своих:

— Поди-ка сюда, Билли Том! Ты случайно не видел, где Жоффруа Бочка?

— Он идет с Бузилем...

— Ах вон оно что! Послушай, как ты думаешь, далеко бы уехал Бузиль на своей колымаге при таком народе?

Билли Том пожал плечами.

— Что народ? Ты погляди, сколько понаехало экипажей!..

В этот момент достопочтенного владельца погребка на

Центральном рынке обогнали двое мужчин. Один из них — то был не кто иной, как Жюв, — шепнул своему спутнику:

— Ты не узнал их?

— Нет, — отозвался Фандор.

По-прежнему шепотом назвав тех, с кем они только что разминулись, Жюв заключил:

— Надеюсь, ты догадываешься, что я отнюдь не жажду быть узнанным. — Фандор ответил ему понимающей улыбкой, и полицейский добавил: — Забавно: зрелище казни притягивает в основном бандитов и жуликов — будущих претендентов на гильотину. — Полицейский тронул журналиста за плечо: — Кажется, мы пришли раньше времени, видишь, блюстители порядка только что появились... Придется нам расстаться с инкогнито, держи пропуск!.. — И Жюв протянул Фандору маленький картонный прямоугольник.

Взяв пропуск, журналист спросил:

— Как мы поступим?

Полицейский улыбнулся.

— Вон муниципальная гвардия, — кивнул он. — Я вижу блеск шашек. Давай укроемся за газетными киосками. Пусть они пока оттеснят толпу, а мы покажемся потом...

Жюв верно предсказал действия командира эскадрона: на бульваре Араго, у стен тюрьмы Санте, появились муниципальные гвардейцы — видные, рослые, они восседали на великолепных лошадях. Отрывистая команда — и гвардейцы, перестроившись в плотный строй, начали оттеснять толпу.

Отовсюду посыпались выкрики:

— Откуда же тогда смотреть?

— Позор гвардейцам!

— Стояли мы и стояли б — кому мешаем?

— Выходит, теперь и гильотину от нас прячут?

Жюв и Фандор, как обладатели специальных пропусков, выдаваемых префектурой лишь избранным и позволяющих находиться в непосредственной близости от эшафота, без труда преодолели тройное оцепление. Теперь они были в самом центре очищенного от зевак пространства, где прогуливались несколько мужчин в черных рединготах и цилиндрах. Жюв назвал их Фандору:

— Мои коллеги, а вон и твои собратья — узнаешь? Руководители отделов хроники всех главных газет города! Теперь ты понимаешь, как тебе повезло, что именно ты, новичок в "Капиталь", будешь представлять столь известную газету на этой мрачной церемонии?

Жером Фандор нахмурился.

– Признáюсь вам, Жюв, – сказал он, – что пришел я сюда потому, что, как и вы, хотел увидеть, как упадет голова Гурна, того самого Гурна, который, как вы мне доказали, и есть Фантомас. Я хочу собственными глазами убедиться в его смерти. На любую другую казнь я бы не пошел.

– Ты волнуешься?

– Да!

– Я тоже! – потупясь, признался полицейский.

– Вы, Жюв?!

– Да, я... – И полицейский добавил: – Посуди сам: вот уже пять лет, как я сражаюсь с Фантомасом! Пять лет пытаюсь убедить всех в его существовании, несмотря на насмешки! Пять лет желаю смерти этому мерзавцу – только его смерть может положить конец этой цепи преступлений! – Жюв сделал паузу, Фандор молчал, и он продолжил: – И к тому же... я тоже мучаюсь. Пусть сам я трижды уверен, что Гурн – это Фантомас, пусть мне удалось убедить в этом всех, кто дал себе труд внимательно изучить материалы моего расследования, но с юридической точки зрения мне так и не удалось ничего доказать. Для папаша Дейблера*, для прокурора, для общественности, наконец, головы лишится Гурн, а не кто-то иной...

Полицейский умолк; со стороны оттесненной публики начали доноситься крики "браво!", аплодисменты, радостные возгласы...

– Что это? – вздрогнув, спросил Фандор.

– Да, видно, что ты впервые на подобном зрелище, – усмехнулся Жюв. – Таким ревом, Фандор, толпа всякий раз встречает гильотину...

И Жюв не ошибался!

Появился выкрашенный в чернос фургон, который эскортировали четверо конных жандармов с шашками наголо; в фургон была впряжена белая лошадь. В нескольких метрах от Жюва и Фандора повозка остановилась, жандармы ускакали дальше. Следом подъехала обшарпанная карета, оттуда вышли трое в черных одеждах.

– Дейблер и его подручные!.. – прокомментировал Жюв своему спутнику. Юноша вздрогнул; полицейский между тем продолжал: – В этом фургоне в разобранном виде находится гильотина. За каких-нибудь полчаса Дейблер и его по-

*Дейблеры – династия французских палачей.

мощники соберут ее. Пройдет не более часа, и Фантомас прекратит свой путь на земле.

Пока Жюв давал эти пояснения, палач поспешил навстречу офицеру, возглавлявшему службу охраны порядка. Он обменялся с ним несколькими фразами — похоже, одобрил принятые меры, — потом, поприветствовав другое должностное лицо — местного комиссара полиции, — обернулся к своим помощникам и очень спокойным голосом над самым ухом Фандора скомандовал:

— За работу, ребята! — Заметив Жюва, Дейблер подошел к нему. — Здравствуйте! — сказал он, пожимая ему руку. Потом, как если бы речь шла о чем-то будничном, добавил: — Не могу уделить вам внимания, извините, мы и так немного запаздываем.

Его подручные вытащили из фургона длинные тяжелые предметы в чехлах из серого полотна и осторожно разложили их на земле.

— Смотри, — сказал юноше Жюв, — вон брусья гильотины, как с ними бережно обращаются! Что там ни говори, а это инструмент тонкий.

Закончив разгружать фургон, помощники палача закатали рукава и начали возводить эшафот.

Тщательно расчистив участок земли, чтобы ни один камешек не нарушил равновесие конструкции, они установили красные стойки помоста. Доски настила подгоняли вплотную, для надежности стягивая толстой медной проволокой. Вот уже вставлены в отверстия, устроенные в середине настила, и зловещие вертикальные брусья, по которым должен скользить нож гильотины.

Гильотина воздела к небу свои чудовищные руки!

— Видишь, еще совсем немного — и все будет готово, — сказал Жюв Фандору. — Дейблеру осталось установить качалку, потом люнет и, наконец, нож...

Словно бы услышав слова полицейского, Дейблер и впрямь принялся за работу. С помощью уровня он проверил горизонтальность гильотины, потом установил внизу брусьев две дощечки с полукруглым вырезом, вместе образующие люнет, в котором зажимается шея осужденного, придвинул качалку, удостоверился в том, что она свободно опрокидывается, и коротко скомандовал:

— Нож!

Приняв от подручных главную деталь конструкции — нож, — Дейблер вставил его в пазы вертикальных брусьев и поднял

зловеще поблескивающее орудие на самый верх; он окинул готовую гильотину придирчивым взглядом и, обернувшись к своим помощникам, распорядился:

– Солому!

В люнет вставили пучок соломы. Подойдя к гильотине, Дейблер освободил стопор. Молнией скользнув по направляющим, нож перерубил солому.

Репетиция прошла успешно, можно было переходить к делу.

Жюв, который все время, пока устанавливали гильотину, стоял рядом с Фандором, нервно посасывая сигару, объяснил молодому человеку:

– Ну, теперь Дейблер может спокойно облачаться в редингот и ждать, пока Фантомаса отдадут ему в руки!

И действительно, помощники палача уже поставили у подножия гильотины две корзины с отрубями, одна из которых должна будет принять голову казненного, а другая – обезглавленное туловище, когда его отвяжут от качалки...

Сам же палач оделся, стряхнул пылинки с рукавов и направился к группе магистратов, которые, пока возводился эшафот, прибыли к месту казни и стояли теперь у входа в тюрьму.

– Господа, – объявил Дейблер, – через четверть часа рассветет. Можно будить осужденного.

– Здесь ли Жермен Фюзелье, судебный следователь? – спросил коренастый мужчина, господин Авар, начальник сыскной полиции, – в соответствии с установленной законом процедурой именно он должен был принять у тюремных властей осужденного, чтобы затем передать его в руки Дейблера.

– Нет, Жермен Фюзелье просил его извинить: ему нездоровится, – ответили ему.

Услышав это, палач усмехнулся: он-то знал, что Фюзелье, честный и неподкупный следователь, является убежденным противником смертной казни.

– Не пора ли, господин прокурор? – настойчиво спросил он.

– Да-да, пойдемте, – отозвался прокурор.

Слуги закона медленно вошли внутрь тюрьмы. Первым шествовал генеральный прокурор Кассационного суда, за ним – прокурор республики, потом его заместитель, начальник тюрьмы Санте, а вслед за этими высокопоставленными магистратами – Авар и Дейблер со своими двумя помощниками.

Минуя коридоры и марши лестниц, они поднялись на второй этаж, где располагались камеры смертников. Навстречу важным гостям спешил надзиратель Нибе со связкой ключей в руках.

Без малейшего признака волнения Дейблер спросил у прокурора республики:

– Вы готовы?

Тот, побледнев, утвердительно кивнул, и начальник тюрьмы распорядился:

– Откройте камеру!

Нибе бесшумно отпер замок, толкнул дверь. Прокурор шагнул в камеру первым. Он надеялся, что застанет осужденного спящим и тем самым получит минуту передышки, перед тем как объявить человеку гибельную весть...

Он попятился... Узник, проснувшийся и одетый, сидел на краю кровати, уставившись остекленелым взглядом в стену перед собой.

– Гурн, – воззвал прокурор, – мужайтесь! Ваше прошение о помиловании отклонено!

Приговоренный даже не шелохнулся – он словно ничего не понял! Выглядел он как человек, который спит с открытыми глазами. Удивленный его безразличием, прокурор повторил:

– Мужайтесь!..

Лицо узника исказила гримаса, губы его зашевелились, но в результате он сумел выговорить лишь:

– Я... не...

Дейблер приблизился к нему и, положив руку ему на плечо, поторопил:

– Ну-ну, пойдемте!

К узнику подошел тюремный священник.

– Не желаете ли прочитать молитву? – спросил он.

От прикосновения руки палача узник вздрогнул, потом машинально, как заводная кукла, поднялся – зрачки у него были расширены, на лице – дикий оскал... Услышав вопрос священника, он шагнул к нему, повторив:

– Я не...

Тут вмешался Авар:

– Святой отец, ни к чему это! Времени нет!..

Его поддержал Дейблер:

– Давайте поспешим! Мы можем приступать, уже рассвело!..

Прокурор республики все еще бубнил:

– Мужайтесь!.. Мужайтесь!..

Дейблер взял приговоренного под руку, надзиратель подхватил его с другой стороны, и они направились к тюремной канцелярии – совершать последний туалет...

В освещенной тусклой лампой комнатушке, где едва можно было различить друг друга, рядом со столом стоял стул. Дейблер и помогавший ему надзиратель усадили на него узника.

– Поживее! – поторапливал Дейблер. В руках у него оказались длинные ножницы.

Тем временем генеральный прокурор Кассационного суда спрашивал у приговоренного:

– Не желаете ли стаканчик рому? Сигару? Есть ли у вас какое-либо поручение?

Адвокат Барберу, который появился чуть позже, без кровинки в лице тоже подошел к нему:

– Гурн, могу ли я что-нибудь для вас сделать? Какова ваша последняя воля?

Приговоренный попытался было оторваться от стула, из его горла вырвался хриплый клекот.

– Я... я... – только и сказал он. И в изнеможении откинулся на спинку.

Присоединившийся к собравшимся тюремный врач отвел заместителя прокурора в сторонку:

– Плачевное зрелище! Бедняга с самого своего пробуждения не выговорил ни слова!.. Он словно оцепенел! Если использовать медицинские термины, рефлексы заторможены полностью! Он еще жив... и вместе с тем это уже мертвец! Во всяком случае, он начисто лишен способности сформулировать мысль, произнести связную фразу!.. Редко мне приходилось встречать людей в подобной прострации!

Дейблер решительно подошел к начальнику сыскной полиции.

– Господин Авар, подпишите освобождение из-под стражи!

И, пока тот дрожащей рукой ставил закорючку под актом передачи Гурна из компетенции тюремной власти в распоряжение палача, Дейблер отхватил ножницами воротник рубашки узника и срезал закрывавшие затылок волосы... Тем временем один из его помощников стягивал веревкой запястья обреченного на смерть.

Палач отступил, чтобы взглянуть на свои наручные часы, и многозначительно посмотрел на прокурора республики:

– Пойдемте, самое время!..

Двое помощников палача подхватили осужденного под мышки и поставили на ноги... Несчастный издал протяжный, ужасный хрип, в котором только и можно было различить:

– Я не...

Но его никто не слушал. Дюжие молодцы потащили его к выходу.

Первые розоватые отблески зари пробудили птиц и зажгли на гладкой поверхности ножа гильотины нежные блики...

Было десять минут шестого.

Все более нарастающая толпа напирала на войсковое оцепление, которое не без труда удерживало ее на солидном от зловещей машины расстоянии.

Особенно шумно и дерзко вела себя компания из "Свиньи святого Антония".

Бузиль, взгромоздившись на плечи Жоффруа Бочки, задирал стоявших рядом. Франсуа Бонбонн уговаривал солдат:

– Эй, ребята, пропустите-ка нас! Чего набычились? Приходите вечерком ко мне в погребок хлопнуть по стаканчику!

Но солдаты, бесстрастно выполняя приказ, пропускали к эшафоту лишь редких счастливцев, кто обладал специальным пропуском...

Внезапно раздался лязг: стоявшие напротив гильотины конные жандармы по команде обнажили шашки. От волнения Фандор стиснул Жюву плечо. Инспектор побледнел...

– Пройдем-ка туда! – сказал он, увлекая Фандора к тому месту гильотины, где отрубленная голова должна была скатиться в корзину. – Оттуда все будет видно: как Фантомас взойдет на эшафот, как его привяжут к качалке, как просунут голову в люнет... – Словно пытаясь оглушить самого себя, Жюв говорил и говорил без остановки: – Тут самое лучшее место для наблюдения, отсюда я смотрел, как гильотинировали Пеньеза – это было уже давно, – тут я стоял и когда казнили отцеубийцу Дюшмена пятого августа тысяча девятьсот девятого года...

Полицейский умолк: из ворот тюрьмы Санте выехал автомобиль. Все обнажили головы и устремили взор на машину. Мертвая тишина воцарилась вокруг.

И вот автомобиль, ехавший со скоростью конного экипажа, поравнялся с журналистом и полицейским и затормозил прямо напротив них – у самого подножия эшафота.

Проворно соскочив с переднего сиденья, Дейблер открыл заднюю дверь фургона автомобиля, и она легла на землю как сходни. По ним, пятясь и стараясь заслонить собою гильоти-

ну от глаз смертника, которого помощники палача вели следом под руки, шел тюремный священник.

– О господи!.. – глухо вскричал Фандор.

Все произошло так быстро... Подручные палача толкнули несчастного на качалку!

– Храбрый человек! – заметил Жюв. – Он даже не побледнел! Обычно в момент казни осужденные бледны как смерть.

В мгновение ока подручные привязали приговоренного к доске и опрокинули ее, Дейблер поймал несчастного за уши и уложил его голову в люнет.

Щелкнул освобождаемый стопор.

Молнией сверкнул падающий нож.

Ударил фонтан крови.

Выдохнула толпа.

Голова казненного скатилась в корзину с отрубями.

Но тут Жюв вдруг оттолкнул Фандора и бросился к эшафоту. Миновав ничего не понимающих подручных, он запустил руки в пропитанные кровью отруби, схватил отрубленную голову за волосы и мгновение всматривался в нее. Опомнившиеся подручные кинулись к наглецу, посмевшему нарушить – да еще как скандально – ход церемонии. Дейблер тоже попытался образумить полицейского:

– Да что это с вами, прекратите!

– Подите прочь!

Фандор видел, что Жюв от потрясения еле держится на ногах. Он подбежал к нему и с тревогой воскликнул:

– Боже мой! Что вы делаете?

Прерывающимся голосом Жюв объяснил:

– Казнили не Гурна... Смотри, лицо нисколько не побледнело. Оно покрыто толстым слоем грима!.. Как у актера!.. Проклятье! Фантомас сбежал! Фантомас на свободе! Вместо него казнили невинного! Говорю тебе: Фантомас жив!..

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190